

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ**

Сборник научных трудов

ВЫПУСК 2

КУРГАН 2008

УДК 41
ББК 81
Ф 94

Ф 94 Функционирование языковых единиц в синхронии и диахронии: Сборник научных трудов. Вып. 2. - Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2008.- 190 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета

В сборнике представлены статьи, посвященные теоретическим и экспериментальным исследованиям в области истории и современного состояния русского языка.

Рассматриваются вопросы, связанные с функционированием разных сторон языка (лексика и фразеология, словообразование, грамматика и стилистика) в текстах различных жанров. Содержание сборника представляет интерес для преподавателей, аспирантов и студентов вузов, а также учителей школ.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, научный руководитель кафедральной темы «Функционирование языковых единиц в синхронии и диахронии» **Р.П. Сысуева** (отв. редактор);

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой общего языкознания

Е.Е. Иванова;

ст. лаборант кафедры общего языкознания **Н.А. Речкалова.**

ISBN 978-5-86328-908-3

© Курганский
государственный
университет, 2008
© Авторы, 2008

Стилистические нарушения как средство создания комического в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»

Комизм, создаваемый употреблением определенных лексических единиц, тесно связан с изменением обычных стилистических условий функционирования слов. Слова, относящиеся к различным функциональным стилям (научному, официально-деловому, художественному, обиходно-разговорному и т.д.), употребляясь в «чуждой» среде, превращаются в источник юмористического или сатирического смеха.

Употребление слов в «чуждой» среде приводит к нарушению смысловой связи между словами в предложении. Однако изменений в грамматическом построении предложения при этом не наблюдается: формально-грамматические связи между словами остаются неизменными. Нарушение связи идет на уровне содержания, рушится естественная, традиционная семантическая связь между словами: в языке персонажа традиционное слово или выражение заменяется совершенно неожиданным. Подобные нарушения связи, неожиданные изменения и замены нередко пародируют шаблонные фразы, объявления и рекламы, превращаясь в действенное средство выражения комического.

Цель нашей статьи – на примере романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» рассмотреть, как столкновение в одном контексте разностилевых элементов становится средством создания комического.

Это было излюбленным приемом И. Ильфа и Е. Петрова, которые долгое время выходили по утрам в город знакомиться с различными объявлениями, рекламами и собирали обильный материал, на основе которого создавали яркие пародии. Они превращали в объект пародии газетные штампы, интеллигентскую болтовню, канцелярские выражения, мистический язык, мещанство, болтовню безработных, сюжеты художественных произведений, характеры, собственные имена, типические факты и явления (2, с. 142-143). Особенно много времени на поиски неожиданных, ярких и выразительных слов тратил И. Ильф. Его не

устраивали слова, лежащие на поверхности, сами приходящие на ум. Обращаясь к Е. Петрову, он писал: «Если слово пришло в голову одновременно двум, значит, оно может прийти в голову трем и четверем, значит, оно слишком близко лежало. Не ленитесь, Женя, давайте поищем другое. Это трудно, но кто сказал, что сочинять художественное произведение легкое дело?...» (2, с.6).

Так, термины и терминологические слова, употребляясь вместо бытовых слов, превращаются в средство создания комического. Силой комического воздействия при этом обладает и отнесенность терминов к различным научным областям, также к лицам, предметам и явлениям.

Ильф и Петров сталкивают в одном контексте слова с разной стилистической окраской: канцеляризмы, книжная лексика, публицистические штампы и клише:

От систематических крахов своих коммерческих начинаний и от долговременного употребления внутрь горячительных напитков глаза мастера были ярко-желтыми, как у кота, и горели неугасимым огнем (1, с.10).

Комический эффект создается за счет столкновения газетного штампа «крах начинаний», поставленного в однородный ряд с фразой больше канцелярской, протокольной «употребление внутрь горячительных напитков». Причем завершает ряд второе, поэтому смысловой акцент падает на него, и читатель понимает, что главная причина того, что «глаза горят неугасимым огнем» (заметим, что это высокое книжное выражение), именно в пьянстве.

Когда Воробьянинов регистрирует новобрачных, авторы используют и канцеляризмы («поздравить с законным браком»), и избитые метафоры («держась за руки»), и новоязовские штампы («достижение вечных идеалов»):

- Молодые люди, - заявил Ипполит Матвеевич выпренок, - позвольте вас поздравить, как говаривалось раньше, с законным браком. Очень, оч-чень приятно видеть таких молодых людей, как вы, которые, держась за руки, идут к достижению вечных идеалов (1, с.12).

Эта речь для самого говорящего - только простая формальность, потому что он «сел и, весьма довольный собою, продолжил чтение бумаг из скоросшивателя

№ 2». Авторы намеренно не говорят, какие именно бумаги читает герой, канцеляризм «скоросшиватель №2» подчеркивает бюрократичность производимого действия, обезличивает, лишает эмоциональности контекст.

Другой канцеляризм, усиливающий впечатление читателя от того, насколько формально относится Воробьянинов к своей службе:

Все, что имело родиться в этот день, родилось и было записано в толстые книги (1, с.12).

Канцеляризм «иметь родиться» сочетается с местоимением «что», употребляемым в обычной речи по отношению к неодушевленным предметам, для Ипполита Матвеевича – это только цифры, фамилии, «дело», но не живые люди.

Описывая посадку в поезд, Ильф и Петров употребляют канцелярский оборот:

Посадка в бесплацкартный поезд носила обычный скандальный характер (1, с.26).

Он не только создает комический эффект, но и косвенно передает отношение железнодорожников ко всему происходящему: пассажиры носятся по перрону, боятся, что их билет «неправильный», лебезят перед проводниками, а те только свысока взирают на это.

Часто Ильф и Петров сталкивает в одном контексте слова с ограниченной лексической сочетаемостью, создавая этим комический эффект:

Ипполит Матвеевич быстрее обыкновенного взбежал на крыльцо, раздраженно соскреб о ступеньку грязь и, испытывая сильнейшие приступы аппетита, вошел в сени (1, с.13).

Словосочетание «сильнейшие приступы» обычно употребляется по отношению к боли, к физическому состоянию человека. Сочетание со словом «аппетит» придает дополнительное значение: хотел есть очень сильно, до боли.

Или: *Парикмахер «Пьер и Константин» и тут не упустил случая высказать свои познания в медицинской области, почерпнутые им из московского журнала «Огонек» (1, с.15).*

Мы понимаем, что «медицинские познания» в журнале «Огонек» могут быть весьма ограниченными, что и подтверждается дальнейшим контекстом: Андрей Иванович важно повествует о прыщиках на подбородке, утверждая: «Вся сила в гемоглобине»!

Интересна и показательна склонность авторов к употреблению внелитературных средств – диалектных, просторечных, жаргонных, а также варваризмов, а в рамках литературного языка – к словам и оборотам с яркой разговорной окраской. Она имеет место как в высказываниях авторов, так и в речи персонажей, как в «серьезных» контекстах, так и в контекстах шутливо-иронических.

Иностранные слова, варваризмы, употребляются Ильфом и Петровым для создания образа персонажа. Так, в речи Ипполита Матвеевича находим слова из французского и немецкого языков, причем их употребление четко дифференцировано:

«Бонжур» указывало на то, что Ипполит Матвеевич проснулся в добром расположении. Сказанное при пробуждении «гут морген» обычно значило, что печень пошаливает, что пятьдесят два года – не шутка и что погода нынче сырая (1, с.8).

По употреблению этих слов главным героем мы понимаем, какое у него настроение:

Ипполит Матвеевич проснулся по привычке в половине восьмого, пророкотал «гут морген» и направился к умывальнику (1, с.41).

Это связано еще и с тем, что указанные слова легко превращаются в средства сатиры.

Таким образом, мы видим, что важным условием приобретения лексическими единицами комической окраски является комическая среда, в которой и проявляется неожиданная связь слова в тексте с другими словами и выражениями.

Список литературы

1. Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. Золотой теленок: Романы. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1990. – 592 с.
2. Яновская Л.М. Почему вы пишете смешно? – М.: Наука, 1969. – 216 с.

Е.В. Гаева

К вопросу о корректности толковых словарей

В 2002 г. был опубликован проект «Словаря русского языка XIX века», составители которого отмечают: «В настоящее время авторы Проекта еще не готовы к составлению Словаря» (11, с. 5).

Несмотря на это, коллектив лексикологов весьма оптимистично смотрит в будущее, но есть одно «но». Это «но» – карточки-цитаты. О них в проекте сказано: «Картотека, которая первоначально составлялась (и продолжает пополняться) путем ручной выборки, содержит около 100000 карточек-цитат из разных источников XIX века. Параллельно создается электронная картотека» (11, с.5). «Кроме того, предполагается внимательный учет материалов Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН» (11, с. 47).

Не будем касаться вопроса о том, какие лексемы хотелось бы видеть в словаре, не будем поднимать вопроса о пресловутой нормативности, которая ограничивает включение слов в толковые словари, а остановимся только на тех мелких несоответствиях, которые мы заметили, работая с художественными текстами второй половины XIX века и с уже существующими толковыми словарями XIX–XX веков. Эти «мелочи» способны отодвинуть «Словарь русского языка XIX века» вообще в необозримое будущее, поскольку, на наш взгляд, перед составителями «Словаря русского языка XIX века» сейчас стоит нелегкая задача не только собирать новый материал, но и перепроверять тот, который они получили «по наследству». Поскольку «наследство» это явно не безупречно, свидетельством чему являются уже существующие словари.

Толковые словари поражают прежде всего небрежным обращением с цитатами. А ведь цитата – это альфа и омега любой словарной статьи. Именно цитата подтверждает тот теоретический материал, который нам предлагается в справочниках. А что мы видим на самом деле?

Толкования, которые не подтверждаются цитатами.

Толкования, под которые цитаты «подгоняются».

Описки (описки ли?) в цитатах, которые сводят на нет всё толкование.

«Путешествия» неточных цитат из словаря в словарь.

И ведь грешат этим не только некрупные словари, но и вполне серьёзные, академические издания.

Итак, знаменитый незаконченный «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук» (так называемый Гротовский словарь). Это первый словарь, где полноценно представлены художественные тексты XIX века. Проект гигантский; те выпуски, которые увидели свет, поражают «всеохватностью» словарного состава русского языка (если не брать в расчет первый том, который стал как бы пробным камнем). Но именно этот огромный объем и послужил причиной появления множества мелких недостатков.

В словарной статье «Кафернаум» в несколько усеченном виде наблюдаем следующую цитату из романа П.Д. Боборыкина «Перевал» (1894):

– *Садитесь, господа, где можно, – пригласил князь и тихо рассмеялся. – Извините... У меня стульев немного... в моем кафернауме. В этой комнате я и днюю, и ночую* (цит. по: 13, т. IV, вып. 2, с. 631–632).

Смысл слова *кафернаум* здесь поясняется так: «То же, что капернау». Найдя по ссылке статью «Капернау», видим следующие толкования:

«Кабак. [...] || Публичный дом. || Ватер-клозет» (13, т. IV, вып. 2, с. 395).

Но применить к тексту романа П.Д. Боборыкина ни одно из этих пояснений невозможно: нельзя и представить, чтобы истинно благородный князь, «чудака-гегельянец», так назвал собственное жильё!

Форма *Капернаум*, написанная с прописной буквы, встретилась в одном из ранних романов того же П.Д. Боборыкина «Солидные добродетели» (1870):

- *Да хочу вот завернуть к юноше...*
- *В Капернаум?*
- *Да, в Капернаум. [...]*

Они перешли на другую сторону переулка и скрылись в подъезде меблированных комнат, известных во всем студенческом мире, под фирмой «Леманши» (3, т. 6, с. 4).

Следуя толкованиям солидного источника, сначала можно подумать, что речь идет о публичном доме, но дальнейшее развитие повествования противоречит данной версии: *Капернаум* в романе – это действительно дешевые меблированные комнаты, арендуемые студентами.

Этимологически *Капернаум* или *Кафернаум* – это палестинский город, в который Иисус пришел после Назарета. По этому поводу евангелист Матфей писал: «народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» (4:16), т.е. фактически *Капернаум* – это символ тьмы и невежества. Во французском языке лексема *sapharnaiim* имеет значение не только «публичный дом», но и «хаотическое нагромождение вещей, хаос». Но в романах П.Д. Боборыкина слово *кап(ф)ернаум* использовано, скорее, в значении «помещение с хаотическим нагромождением вещей», хотя в Гротовском словаре ничего даже отдаленно напоминающего данное значение мы не находим.

Близкий к описанному случай наблюдаем на других страницах анализируемого словаря. В статье «Захороводить» при толковании «то же, что захороводить, закружить» приводится отрывок из рассказа Н.С. Лескова «Грабеж»:

Скажут: вот он его уже катает, по всем местам обвезет, а потом захороводит (13, т. II, вып. 4, с. 1233).

Обратимся теперь к словарной статье «Захороводить». На первый взгляд, для того отрывка, который имеется в словаре, толкование слова *захороводить* как «завертеть в хороводе» кажется уместным. Однако неусечённый текст

лесковского рассказа свидетельствует, что форма *закороводить* имеет явно отрицательную окраску:

– *Вас здесь не знают; скажут: вот он его уже катает, по всем местам обвезет, а потом закороводит. Маменьку стыдить будут* (8, т. V, с. 384).

Таким образом, у лексемы *закороводить* реальным значением будет не прямое, а то, которое в статье «Захороводить» дано как переносное:

«Увлечь, свести с ума, вскружить голову кому-нибудь голову [форма *голову* ошибочно повторяется дважды]» (13, т. II, вып. 8, с. 2299).

В обоих случаях с составителями словарей плохую шутку сыграла сноска «То же, что...»: именно из-за неё мы и наблюдаем в корпусе словаря «благоглупости», которые очень трудно отследить при большом объеме работы.

Ошибочное толкование слова встретилось нам и в толковом словаре В.И. Даля. В целом для его словаря не характерны ссылки на авторов художественных произведений, но слово *подлёточек* – одно из редких исключений. Вины самого В.И. Даля в этой ошибке нет – материал о *подлёточке* был вставлен уже позднее. Это слово мы встречаем только в 3-м издании, и квадратные скобки нам показывают, что лексему *подлёточек* с толкованием внес в корпус словаря И.А. Бодуэн де Куртенэ:

«[*Подлёток, подлёточек, -чка*, м. (Боборыкин), поль. *podlotek*, девочка, переходящая в возраст невесты, лет 13–15]» (5, т. III, с. 465).

Некоторые цитаты из произведений П.Д. Боборыкина не позволяют точно сформулировать, в каком значении автор использует слово *подлёточек*:

Плечи вперед. Да и подлёточек. Наверно, старше меня, даром что в девицах (1884. Без мужей) (2, т. II, с. 66).

Вышла ты замуж уже подлёточком, по доброй воле (1894. Перевал) (2, т. VII, с. 72).

И я курсистка – и какая, из самого первого поколения, да и тогда уже была, как мужики говорят, «подлёточек» (1895. Ходок) (2, т. IX, с. 50).

А вот отрывок из романа «Жертва вечерняя» (1868) уже заставляет задуматься:

Вывозили ее шесть зим сряду. [...] Вышла она замуж, как я же, не зная зачем; гораздо даже хуже: я была девчонка, а она «подлеточек», как говорил мой Николай (3, т. V, с. 11).

Сомнительно, чтобы девушке, которую *вывозили [...] шесть зим сряду*, было 13–15 лет. И уже все точки над *i* расставляет текст повести «Поддели!» (1871):

Барынька – ничего. Я одобряю. Здоровьем жидковата, ну и подлеточек уж. Тридцать поди, да еще не с хвостиком ли... (3, т. XII, с. 217).

Итак, мы видим, что лексема *подлеточек* П.Д. Боборыкиным используется в значении «девушка, женщина в возрасте», но никак не в значении «девочка, переходящая в возраст невесты, лет 13–15».

Кстати, в текстах П.Д. Боборыкина слово *подлеточек* во втором слоге пишется через **ѣ** (*подлѣточекъ*), а в словаре В.И. Даля под редакцией И.А. Бодуэна де Куртенэ, где есть ссылка на П.Д. Боборыкина, эта же лексема набрана через **ѐ** (*подлѐточекъ*).

В бодуэновском словаре Даля есть также статья «Подлеток» где это слово как раз написано через **ѣ** (*подлѣтокъ*), однако здесь отсутствует какое-либо указание на авторство П.Д. Боборыкина, да и предлагаемые значения довольно далеки от того, которое мы сформулировали, опираясь на тексты художественных произведений:

«**подлеток**, [-тка, м.] *ниж.* пожилой, старее середового, около 50. || *Пск. твр. кур.* подросток, близкий к полному возрасту. [*У ней дочка уж подлеток. кур. Опд.*]. || *Подлеток* чей, близкий кому-либо годами, но помоложе» (5, т. III, с. 471).

Сейчас уже невозможно узнать, как при слове *подлеточек* появилась ссылка на Боборыкина: может, И.А. Бодуэн де Куртенэ встречал в произведениях П.Д. Боборыкина эту лексему в затемненных контекстах и не обратил внимания на ее написание, может, кто-то сообщил ему, что видел форму *подлеточек* у данного автора, и И.А. Бодуэн де Куртенэ просто некритично вставил ссылку на конкретного автора. Но факт остается фактом: ошибка налицо.

Если откроем другой справочник – «Словарь русского языка, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР», то в статье, посвященной

слову *объект*, встретим следующее второстепенное пояснение: «Иронически. Встрет. у Боборыкина. О человеке. *У меня объект на мази... богатый* (жених для дочери). Бобор. Китай-город, кн. III, гл. 22» (14, т. IX, вып. 2, с. 234).

В действительности же цитата в неусечённом виде читается так:

У меня объект на мази... богатый.

– *Мешки делать из травы? Слышал! Ха-ха!..* (2, т. I, с. 224).

Следовательно, реальным значением здесь будет не «жених для дочери», а то, которое указано как основное: «предмет» (14, т. IX, вып. 2, с. 234), или, если точнее сформулировать для данной цитаты, «проект предприятия».

Аналогичные случаи можно встретить и в современных изданиях. Так, в «Словаре современного русского литературного языка в двадцати томах» (прервался на 6-м томе) и в издающемся в настоящее время «Большом академическом словаре русского языка» лексема *антик* в значении «Употр. для выражения похвалы чему-л., одобрения чего-л.» иллюстрируется следующей цитатой из произведения А.И. Куприна «На покое»:

Портсигар хороший, черепаховый .. Антик (15, т. I, с. 185; 4, т. I, с. 216).

Однако в полном виде цитата выглядит следующим образом:

Портсигар хороший, черепаховый... теперь таких больше не делают. Антик (цит. по: 12, т. I, с. 39).

Таким образом, реальное значение у слова *антик* в данном тексте следующее: «О старинном или редком предмете художественной работы» (12, т. I, с. 39), что и указано для полной цитаты из А.И. Куприна в более раннем по времени публикации «Словаре русского языка в четырех томах» под редакцией А.П. Евгеньевой. А в «Словаре современного русского литературного языка в двадцати томах» и «Большом академическом словаре русского языка» мы наблюдаем классический случай «подгонки» цитаты под толкование.

В «Словаре русского языка, составленном вторым отделением Императорской Академии наук», в статье, посвященной слову *кармазинный* (т.е. «красный, ярко-красный»), видим следующий пример:

На фронте которой (беседки) вычурными кармазинного цвета буквами по белому фону начертана надпись. Маркевич, Забыт. вопрос (т. II, 3) (Цит. по: 13, т. IV, вып. 2, с. 499).

На самом деле в тексте романа Б.М. Маркевича «Забытый вопрос» (1872) использована форма *кармазиновый*, а не *кармазинный*: *Из довольно обширной тесовой беседки, на фронте которой вычурными кармазинового цвета буквами по белому фону начертана надпись: Монрепо, храм отдохновения, выходит маленький толстый и лысый человечек [...] (9, т. II, с. 3).*

Похоже, составители картотеки просто неправильно выписали анализируемое слово из источника.

В современных справочных изданиях подобные «недочеты» чаще всего встречаются в словаре Н.И. Епишкина «Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка». С одной стороны, видна огромная, очень кропотливая и серьезная работа составителя. Словарь содержит богатый фактический и иллюстративный материал, нигде больше не встречающийся. А с другой стороны, автор весьма небрежно обращается с цитатами. Так, в его статье «Ремиз» небольшой отрывок из романа П.Д. Боборыкина «В чужом поле» (1866) имеет следующий вид:

Их нагнала карета, и там Боровской больше восклицаниями и влюбленными фразами воспроизводил Пюжаку неизъяснимую прелесть разговора под желтым фонариком.

Читаешь и не понимаешь, почему Н.И. Епишкин поместил данный пример в словарную статью «Ремиз»: ведь слова-то *ремиз* здесь нет! Оказывается, в источнике написано *их нагнала ремиза* (3, т. 4, с. 114) (кстати, в форме женского рода, а не мужского), а не *их нагнала карета*, как напечатано в словаре Н.И. Епишкина.

А уж банальные описки не редкость в тексте его словаря:

Статья «Ронд»: *Молодая компания опять увлекла его в опасное сообщество, где он нарушил свое обещание; он пил и танцевал, и, делая ронд в фигуре, вдруг*

увидал перед собою внутреннего шефа... [надо: Шера (имя собственное)] (Лесков. Чертовы куклы).

Статья «Тернёвы»: <Ахилл Агеевич> выбирал .. цыплячьи косточки и кидал их в широко раскрытую [надо: открывавшуюся] навстречу им пасть большого кудластого тернёва Степы (Маркевич. Бездна).

Но если в словаре Н.И. Епишкина описки возникли по вине автора, то в других современных словарях мы видим опечатки и неточности, которые составители просто перенесли из чужих словарей, даже не удосужившись перепроверить источники. Например, в «Словаре редких и забытых слов» В.П. Сомова и словаре В.С. Елистратова «Язык старой Москвы» есть выражение *Але машир* (16, с. 17; 6, с. 23). Выражение это восходит к франц. *allez* – «идите» и нем. *marschieren* – «маршировать» и переводится как «Марш! Вон! Уходи!».

В словаре Н.И. Епишкина есть ссылка на Н. Лескова, а в словаре В.П. Сомова просто приведена цитата из Н. Лескова:

«Але машир – в двери!» – скомандовал Термосесов (Соборяне) (16, с. 17).

На самом деле в тексте романа Н.С. Лескова написано: *Алё маршир в двери!* (8, т. I, с. 211). «Опечатка» *машир* вместо *маршир* возникла по очень простой причине: так напечатано в дореволюционном словаре «Русская мысль и речь» М.И. Михельсона (10, т. 1, с. 13).

Почему у М.И. Михельсона появилась такая неточность? Вероятнее всего, для него более привычны были конструкции с формой *машир*, а не *маршир*:

– *Всё к одному пригнали, да и машир на хаус (Островский. Не в свои сани не садись) (цит. по: 1, с. 113).*

– *Как бы нам теперь так сделать, – молвил он карикатурным шепотом, озираясь во все стороны, – чтобы взять, да и тягу дать подальше от Сашиной войны?*

– *Очень просто: свернем влево, а там в сиреневую аллею – и алон машир цу гауз, как говорит ваш Савелий.*

– *Алон машир!* – повторил Вася (Маркевич. Забытый вопрос) (9, т. II, с. 238).

На первый взгляд кажется, что примеры, приведенные в данной статье, довольно хаотичны. Но объединяет их одно – все они плод чьей-либо ошибки, описки, недобросовестности. И эти маленькие бракованные кирпичики ставят под угрозу существование огромных зданий – наших толковых словарей (как настоящих, так и будущих), к которым после таких «перлов» невольно возникает очень настороженное отношение: а можно ли нашим словарям доверять, не подведут ли они в сложных случаях?

Список литературы

1. Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Словарь к пьесам А.Н.Островского. Репринтное издание. – М.: Веста, 1993. – 246 с.
2. Боборыкин П.Д. Собрание романов, повестей и рассказов в двенадцати томах. – СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1897.
3. Боборыкин П.Д. Сочинения в двенадцати томах. – СПб.-М.: Издание товарищества М.О. Вольф, 1884-1887.
4. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С.Горбачевич. – М.-СПб.: Наука, 2004.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах. Репринтное воспроизведение издания 1903-1909 гг., осуществленного под редакцией профессора И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
6. Елистратов В.С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 704 с.
7. Епишкин Н.И. Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка («Амур бонжур тужур» и другие французские слова и выражения в русском языке и речи). – Чита: Изд. автора, 1999. – 714 с.
8. Лесков Н.С. Собрание сочинений в десяти томах. - СПб.: Типография А.С. Суворина, 1889-1890.
9. Маркевич Б.М. Полное собрание сочинений в одиннадцати томах. СПб.: Типография (бывшая) А.М. Котомина, 1885.

10. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. Репринтное воспроизведение издания 1902-1903 гг. – М.: ТЕРРА, 1994.
11. Словарь русского языка XIX века: Проект. – СПб.: Наука, 2002. – 209 с.
12. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1985–1988.
13. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. – СПб.-Пт.-Л., 1891–1929.
14. Словарь русского языка, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР: Новое, переработанное и дополненное, издание. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1929-1937.
15. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / Гл. ред. К.С. Горбачевич. – Т. I–VI. – М.: Рус. яз., 1991–1994.
16. Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 764 с.

Е.Е. Иванова

Новые фразеологизмы в языке массовой литературы

Большую активность в разговорном языке в конце XX – начале XXI века получили фразеологизмы, не зафиксированные в толковых словарях. В последние десятилетия в связи с ориентацией средств массовой информации, большого пласта массовой литературы на сближение с читателем, что достигается разными средствами, и в том числе использованием разговорных и жаргонных выражений, языковой игрой, такие фразеологические единицы стали фиксироваться на страницах газет, журналов, в прозе и поэзии. Представляется интересным рассмотреть подобные единицы с точки зрения их происхождения, формы и значения. Для анализа нами взяты популярные иронические детективы Д.

Донцовой «Но-шпа на троих» (М.: Изд-во «Эксмо», 2003. – 432 с.) и «Инстинкт Бабы-Яги» (М.: Изд-во «Эксмо», 2002. – 432 с.), написанные намеренно разговорным стилем с нагнетением грубоватой, часто употребляемой молодежью лексики и фразеологии или, наоборот, книжной, но имеющей иронический смысл. В детективах насчитывается 63 фразеологические единицы, часть которых существует уже давно, а часть появилась сравнительно недавно. Новизна фразеологизма – понятие относительное, так как выражение может стать устойчивым, воспроизводимым только при достаточно длительном употреблении.

По пути возникновения исследуемые фразеологизмы можно разделить на несколько групп.

В первую группу объединяются единицы, являющиеся переосмысленными газетными штампами: *бразды правления, муки совести, расцветить махровым цветом, протянуть руку помощи, не в курсе событий, карающий меч, ринуться в атаку, курица, несущая золотые яйца, нет слов:*

«Все служащие, уволенные и те, кого пока не коснулся *карающий меч*, со всех ног кинулись исполнять приказ» (1, с. 316).

«И вы понимаете, что мерзкая собака, которую не успели вывести во двор, выбрала самый подходящий момент, чтобы напрудить лужу. Дальше семейный уют *расцветает махровым цветом*, и вас обвиняют во всех смертных грехах» (1, с. 7).

«О! – поднял палец майор. – Вот мы и добрались к сути проблемы. – Многих потенциальных преступников сдерживает лишь один момент: неотвратимость наказания. Странно подумать, какое количество людей преспокойно переступит через ближнего, если они будут знать: им ничего не грозит. – *А муки совести?* – перебила его я. – Мысли об ответе за свои поступки перед богом?» (1, с. 376 – 377).

Данные фразеологические единицы, употребляясь на страницах печати, в речи журналистов, имели высокую стилистическую окраску, придавали сообщению торжественность, преувеличенную экспрессию. В разговорном языке они могут употребляться только с иронией, являясь элементом языковой игры. При этом могут обыгрываться и стилистические особенности фразеологизма, и

его внутренняя форма. Прямое значение свободных словосочетаний, к которым восходят такие фразеологические единицы, значительно трансформировалось:

«Ну и что? – *ринулась в атаку* настроенная по-боевому маменька. – Экая невидаль, знак! Надо было там свернуть, теперь придется делать круг. Ты забыл, что нам в шестнадцать ноль-ноль следует сидеть в кабинете?» (2, с. 51).

«Не меньшая метаморфоза произошла и с лицом Альмиры. Желтый цвет кожи сменил персиковый румянец, губы из синевато-бледных стали розовыми, глаза, окруженные мастерски накрашенными ресницами, задорно сверкали... - Ну как? – поинтересовалась Альмира. – *Нет слов*» (1, с. 311).

«Альмира попросила о *помощи*, я *протянула* ей руку, но служить ей за мзду не собираюсь» (1, с. 325).

Ко второй группе относятся фразеологизмы, образовавшиеся в результате переносного употребления специальных, профессиональных выражений. Так, к профессиональной речи водителей восходят фразеологизмы *заносить на поворотах, заливать баки, консервная банка, терять тормоза*:

«И если на разошедшуюся супругу можно прикрикнуть или уйти из дома, то от Норы никуда не деться, я обязан с улыбкой исполнять все ее пожелания, а мою хозяйку иногда сильно *заносит на поворотах*» (2, с. 214).

«К тому же Николетта, проявляющая похвальную умеренность в употреблении косметики, при виде пузырька с туалетной водой *теряет тормоза* и одним махом опрокидывает на себя половину емкости» (2, с. 260).

«На жуткой раздолбайке едешь, - продолжала сердиться Богачевская, усаживаясь на сиденье, - как вообще можно пользоваться этой *консервной банкой*? Ни кондиционера, ни удобного кресла» (1, с. 310).

«Вы хотите заказать нечто подобное? – нашелся Олег. Но это запрещено! – Ты мне тут *баки не заливай*, - прошипел Леонид, потом подошел к двери, расположенной между книжными шкафами, дернул ручку... Появилась заплаканная Сонечка, без привычной косметики и бриллиантов» (2, с. 62).

Фразеологизмы, появившиеся в профессиональном языке шоферов, имеют прозрачную внутреннюю форму. Плохая машина, сделанная из тонкого металла,

не имеющая современной комфортабельной отделки салона, называется *консервной банкой*. Когда машину *заносит на повороте*, водитель уже не может справиться с управлением. Поведение человека, который, по представлениям окружающих, перестает контролировать свои слова и поступки, чрезмерно чем-либо увлекается, сравнивается с движением такой машины. Примерно такой же образ лежит в основе фразеологизма *терять тормоза*. В то время, когда *заливают баки*, шоферы общаются друг с другом и с обслуживающим персоналом, рассказывают различные правдивые и неправдоподобные истории. Поэтому так стало называться откровенное вранье, чаще всего беззлобное и безвредное, в отличие от лжи и клеветы.

К сфере киноиндустрии по своему происхождению относятся фразеологизмы *съехать с катушек* и *остаться за кадром*. Если пленка при показе фильма *съезжает с катушек*, она путается, рвется, портится. С этим результатом действия сравнивается психическое состояние человека, умственное и эмоциональное, при котором он или не понимает, что делает, или не может владеть собой. При создании фильма на съемках в кадр попадает только некоторая часть окружающей действительности. Поэтому нечто неизвестное, непонятное уподобляется тому, что было не снято, *осталось за кадром*:

«Райкова махнула рукой: - Это невозможно. Алена - порядочный человек, да, она *съехала с катушек*, поняв, что Костя ушел ко мне. Устроила истерику, скандал, даже драку, потом трезвонила, говорила гадости вроде: «Ты, Маришка, дрянь, желаю тебе от души несчастливой жизни» (2, с. 66).

«История казалась невероятной. Некий подмосковный фермер решил обогатиться, разводя лягушек. Почему ему пришла в голову подобная идея, отчего он не захотел заниматься обычными курами, коровами и козами, *осталось за кадром*. Крестьянин оказался продвинутым и через Интернет вышел на некоего Анри Дамеля, владельца ресторана в Париже» (2, с.76).

Из речи летчиков пришли фразеологические единицы *входить в штопор* и *разбор полетов*. Штопором называется падение самолета, сопровождающееся его вращением. Выйти из штопора самолет не может. С этим состоянием машины

сравнивается состояние или поведение человека (чаще всего запой), отрицательно оцениваемое говорящим. *Разбор полетов* – это совещание после полетов, на котором анализируются положительные моменты и ошибки в работе летчиков. Значение выражения расширилось, и оно стало употребляться в разговорном языке для обозначения любого совещания или серьезного разговора, где звучит критика, ругают за просчеты:

«Витя гуляет в отсутствие супруги, и к ее возвращению со службы уже вполне трезв. А тут исчез на несколько дней. *Вошел в штопор*. Загудел с приятелями, справедливо полагая, что возмездие за веселые минуты будет ужасным?» (1, с.40).

«Нывшая о том, как она мечтает видеть сыночка семейным человеком, маменька мигом выставляла иголки и принималась вести себя так, что мои невесты в ужасе убегали, как только понимали: выйдя замуж, они получали ЭТУ в роли свекрови. Едва очередная кандидатка исчезала за поворотом, Николетта мигом вызывала меня и устраивала *разбор полетов*» (2, с. 98).

Профессиональные выражения военных дали жизнь фразеологическим единицам *шагом марш* и *военный совет*. Устойчивое выражение *шагом марш* в речи военных означает приказ двигаться. Постепенно оно расширило сферу употребления и без изменения формы и семантики стало использоваться в разговорном языке. *Военным советом* называется совещание высших военачальников, на котором обсуждается положение вещей на фронте, рассматриваются планы военных действий, принимаются решения по критическим вопросам. Терминологическое сочетание в разговорном стиле речи расширило свое значение и используется с шуточной окраской:

«Отлично, Евлампия, - одобрительно кивнула Альмира, - а ты, Олег, *шагом марш* на выход. Да, имей в виду, сейчас будет издан приказ, запрещающий тебе доступ в здание» (1, с.314).

«Свекровь, узнав о том, что задумала невестка, ни минуты не колебалась. Она моментально созвонилась с любовницей Лёни, и на *военном совете* дамы вынесли вердикт: кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет» (1, с.396).

К языку моряков восходят фразеологизмы *держаться на плаву* и *стоять у руля*:

«Об экстрасенсах старались же помалкивать. Хотя сведения о том, что Брежнева *держат на плаву* непонятные личности, «вкачивающие» в него энергию, упорно гуляли по московским кухням» (1, с.112).

«Никаких ошибок она не допускала, на службе сидела с утра до ночи, семьи не имела, лично моталась по филиалам, и владелец фирмы просто обожал Веру. А Коле оставалось лишь скрежетать зубами, понимая, пока Киселева *стоит у руля* фирмы, никаких шансов воссесть в кресло генерального у него нет» (1, с.232).

Медицинская терминология стала источником фразеологических единиц *впасть в ступор* и *группа риска*. Ступором в медицине называется угнетенное состояние при некоторых психозах, выражающееся в полной неподвижности и молчаливости больного. В результате метафорического переноса появился фразеологизм *впасть в ступор*, употребляющийся в разговорном языке для обозначения эмоционального состояния человека (очень сильного удивления или страха), имеющего внешнее проявление в заторможенности. Терминологическое сочетание *группа риска* означает определенный тип людей в условной классификации, имеющий генетические, социальные или профессиональные предпосылки для возникновения той или иной болезни. Впоследствии в общеупотребительном языке произошло сужение значения словосочетания и оно стало использоваться в значении «неблагополучный социальный тип людей: алкоголики, наркоманы, проститутки, гомосексуалисты»:

«А через некоторое время выяснилась совсем уж невероятная вещь: цирроз исчез. Врачи, лечившие юношу, *впали в ступор*» (1, с.87).

«Кстати, анализ на СПИД можно сдать на Соколиной Горе, адресок-то запиши, ты теперь, когда начал подбирать на вокзалах малолетних б..., попал в *зону риска*» (2, с.73).

К речи рыбаков относится фразеологизм *взять за жабры*. Рыбаки считают, что рыба может выскользнуть из рук, и только в том случае, когда ее берешь за

жабры, она не сможет вырваться. Метафорическое переосмысление образа легло в основу фразеологизма. *Взять за жабры* означает «поставить человека в безвыходное положение, при котором он не сможет вырваться, отвертеться»:

«А уж когда негодяям можно будет инкриминировать покушение на меня, вот тогда-то сотрудники правоохранительных органов *возьмут их за жабры* и вытрясут всю информацию про глупую Галку» (1, с.116).

Из языка фармацевтов пришел фразеологизм *в одном флаконе*:

«Значит, завтра, с раннего утра, я приеду сюда, найду эту фантазерку и великолепную актрису *в одном флаконе*, загоню ее в угол и заставлю честно ответить на все мои вопросы» (1, с.238).

Третью группу составляют фразеологизмы жаргонного происхождения. В уголовном жаргоне появились выражения *знать пургу, дать на лапу, сносит крышу, пудрить (канифолить) мозги, рубить бабки, вешать лапшу на уши, поставить на уши*:

«Ты по-прежнему во Втором симфоническом первой скрипкой сидишь? – Не, - скривился Крюков, - я ушел. – Чего так? Вроде хорошее место. С дирижером поругался? У первых скрипок иногда *сносит крышу*» (1, с.321).

«И не стыдно вам, - налетел сержант на водителя джипа. – Да ты че, командир? – ответил тот. – Девка *пургу гонит*, без понтов говорю, этот фраер в меня сам впендюрился» (2, с.127).

«Но почему ты так далеко учишься? Разве Настя обитает в Бутове? – Не-а, в Тушине, - пояснила Миранда, - вернее, там живу я, а Настька лишь ночует, она все по концертам мотается, *бабки рубит*» (2, с.55).

Фразеологизм *знать пургу*, то есть говорить неправду, имеет синонимы, зафиксированные в словарях: *знать гамму, знать гусей, знать порожняк, знать по-черному, знать тюльку, знать фуфло*. По этой модели в принципе можно образовать все новые и новые единицы с тождественным значением. Выражение *знать пургу* употребляется в разговорной речи и в последнее время в сленге подверглось редукции. В значении «говорить что-то заведомо не

соответствующее действительности, разыгрывать, говоря неправду» стал использоваться глагол *знать*:

«Это что, правда что ли? – Да *гонят* они, не обращай внимания».

Фразеологические единицы *дать на (в) лапу* – дать взятку; *рубить бабки* – зарабатывать каким-либо образом и *пудрить мозги* – вводить в заблуждение, морочить голову используются в разговорном стиле речи без изменения формы и семантики. Фразеологизм *сносит крышу* является одной из трансформаций изначального *крыша течет* – не все дома. К таким же вариантам фразеологизма можно отнести единицы *крыша едет* и *крыша в пути*, типичные проявления устного народного творчества. Фразеологизм *вешать лапшу на уши* в воровском аргю звучит как *двигать лапшу на уши* – давать ложные показания, обманывать. В разговорном языке употребляется второе значение: «Дорогая Зиночка, давайте не будем, как говорят тинэйджеры, *вешать друг другу лапшу на уши*. Ваш прекрасный, деловой, в высшей степени приятный Головкин изворотливый убийца» (2, с.57). Фразеологическая единица *поставить на уши* используется в несколько измененном значении. Если в жаргоне она обозначает «дать нагоняй, нахлобучку», то в общеупотребительном языке к этому добавляется дополнительное значение «привести в возбуждение, волнение, устроить суматоху»:

«Мила не удивилась, в ”Злате“ не принято лезть в чужие дела. А вот Елистратова! Та просто всю контору *на уши поставила*, пообещала бандитов наслать!.. Деньги требовала от Алены, да так грубо...»(2, с.137).

Из молодежного жаргона в общеупотребительный язык пришли фразеологизмы *морда лица*, *в шоколаде*, *жаба душит*, *умереть не встать*, *больной на голову*, *с дуба упал*, *разводить сырость*, *маяться дурью*, *не хочется руки марать*, *простой, как веник*, *по барабану*, *греть уши*:

«Фишка состояла в том, что туда туристка волокла мешок с сеном, чтобы кормить домашнего любимца. Сами понимаете, сухая трава не вызвала никакого ажиотажа, и назад дамочка явилась ”в шоколаде“, посмотрела Голландию, оправдала поездку да еще накупила себе нарядов» (2, с.223).

«Я пошла на выход и около двери машинально посмотрела на себя в зеркало. Да уж, видок не из лучших: чересчур бледная кожа, серые губы и глаза почти без ресниц. Надо срочно покупать себе косметику. Хотя, если признаться честно, *жаба душит* отдавать большие денежки зря» (1, с.15).

«Эх, надо спросить у Тони, чем он занимается? Ну там, композитор, певец, а может, плясун? Хотя последнее вряд ли. Передача рассчитана на современных подростков, им балет, как говорится, *по барабану*» (1, с.30).

Фразеологические единицы в молодежном жаргоне возникают различными способами, в основе которых лежит языковая игра. *Морда лица* – это шутовское сочетание вульгаризма и нейтрального слова, обозначающих одно и то же:

«Существовал и прейскурант на услуги. Допустим, смерть любимого домашнего животного – пятьдесят долларов, испорченная *морда лица* перед свиданием – та же сумма, небольшое ДТП обошлось в двести баксов, и так далее»(1, с.42). В единице *жаба душит* обыгрывается созвучие слов *жадность* и *жаба*, устаревший медицинский термин *грудная жаба*. Грудной жабой называлась стенокардия, которая характеризовалась внезапными приступами сжимающих, давящих болей в груди. Большинство исследуемых фразеологизмов образовано путем видоизменения, трансформации общеупотребительных, давно существующих фразеологических единиц или разговорных значений слов. Так, выражение *простой, как веник* восходит к своим предшественникам *простой, как медный грош* и *простой, как две копейки*:

«Одному это совершенно не надо, другая не усмотрела в произошедшем никакого криминала, *простая, как веник*, житейская ситуация» (1, с.59). Фразеологизм *разводить сырость* образован по той же модели, что и фразеологическая единица *разводить сопли*:

«Все, хватит *сырость разводить*, ложись, спи спокойно, завтра исправим положение. Ну, давай иди, почисти зубы» (2, с.35). Фразеологизм *с дуба упал* – современный вариант единицы *с печки упал*:

«Мало тебе? Хорошо, семьдесят пять! – *С дуба упал?* – закричала я. – Тут работы на триста рублей максимум!» (1, с.128). Фразеологизм *греть уши* возник как трансформация фразеологизма *навострить уши*:

«Я не умею по-вашему разговаривать. – И фиг бы с этим. – Да нет! Слушатели меня не понимают! Парни снова захохотали, а девочка обозлилась окончательно. – Че надо? Фыркай живее. – Напишите слова. – Какие? – Ну, ваши, сленговые, такие, чтобы слушатели меня за свою приняли!.. – Ну, бери пригорок, - велела Лена, - так и быть, *грей уши*» (1, с. 52). Фразеологизм *не хочется руки марать* образован на образной основе фразеологических единиц *руки по локоть в крови, не лезь в душу с грязными руками (ногами), не стоит руки пачкать*:

«И тут Сусанна вытащила из сумочки кассету. - Послушайте на досуге, здесь копия. Нам, думается, пришлют еще много подобных штучек. Ладно, прощайте, но не взыщите, теперь станем говорить знакомым, что с вами лучше никогда не иметь дела! Надавать бы тебе пощечин, дрянь, да *не хочется руки марать!*» (2, с.133).

Часть фразеологических единиц образовалась путем расширения формы и семантики слова прибавлением второго компонента. Этот компонент может выполнять функцию усиления экспрессии, оценки:

«Баба рассмеялась: - А-а, так бы и сказал. Только его Ванькой зовут, да и какой он мастер? *Пьянь подзаборная!* Ступай туда» (2, с.86).

«Зачем же вы сказали, что едете на передачу? – закричала я. – ”Поле чудес“ вчера записали. – Я подумал, вдруг еще раз надо, - сообщил дедуся. – *Умереть не встать*, - взвыла Тоня, - такого я и не припомню. Врубаю рекламу, а ты выкручивайся как хочешь!» (1, с.76).

В первом случае усиливается оценочное слово *пьянь*, при этом создается образ не просто пьяного человека, а алкоголика, который, напившись, валяется где-либо. Во втором - усиливается экспрессия междометных выражений *умереть можно; ох, умру*. Добавочный компонент может выполнять функцию уточнения. Во фразеологизме *больной на голову* обыгрывается переносное значение слова *больной* – «неестественный, ненормальный». В разговорной речи часто можно услышать выражение «Ты что, больной?» в ответ на какое-либо неоправданное

подозрение или неадекватное поведение. Во фразеологической единице подчеркивается умственная ненормальность:

«Не поймешь тебя, - покачал головой дядька, - *больная*, что ли *на голову*? Сразу ведь спросил» (1, с.124).

Фразеологизм *дурью маяться* имеет значение «заниматься чем-то глупым, излишним или, если речь идет о детях, безобразничать». В подтексте имеется в виду переносное значение слова *маяться* – «томиться, изнывать» и уточнение «от скуки, безделья или каких-то особенностей своего характера»:

«А почему Галя тогда у экстрасенса лечится? - недоумевал Вовка. – По моему, ей просто нечем заняться, - фыркнула Катюша, - вот она *дурью и мается*» (1, с.139).

В четвертую группу входят фразеологизмы, образованные в разговорном языке путем переосмысления свободного словосочетания в результате языковой игры: *петь песни, тихо умирать, не поднимать (не держать) ничего тяжелей шариковой ручки, испариться в неизвестном направлении, тушить свечи, прости господи, мало не покажется, сходить налево, белый и пушистый*. Данные фразеологизмы имеют ироническую или шуточную окраску:

«Колобкова возмущенно воскликнула: - Он ни при чем, и не смейте никому рассказывать про Соню, Леня потратил огромное количество времени и денег, чтобы замять эту историю! – Он *белый и пушистый*, - усмехнулся я. – Шергину убил другой человек» (2, с.120).

«Галка обращалась к Ванде, заплатила она пять тысяч, следовательно, “заказала” кого-то. Но кого? Любовницу Леньки, своего мужа? Ну, такое вполне возможно. Вероятно, Леонид *сходил налево*, а женушка узнала об адюльтере» (1, с.127).

«Ах, он гад, - прошипела Раиса, - бабу завел! Ну погоди, только его увижу, *мало не покажется!*» (1, с.19). Процесс переосмысления заключается в том, что фразеологическая единица приобретает особое значение, которое возникает на базе имевшихся у свободного словосочетания смыслов и коннотаций. Так,

фразеологизм *петь песни* имеет значение «лгать, фантазировать, привирать, подробно описывая что-либо»:

«Водитель вытаращил глаза и открыл было рот, но я не дала ему и слова вымолвить: только не нужно *петь песни* про запредельную цену на бензин. Я сама сижу за рулем и хорошо знаю, что почем» (1, с.73). Очевидно, что *песня* в сознании говорящих, кроме прочих коннотаций, ассоциируется с чем-то красивым, но достаточно далеким от жизни, не соответствующим реальной действительности.

Фразеологизм *прости господи* возник как эвфемизм. Называя женщину каким-либо нелитературным словом, народ прибавлял, крестясь, “прости господи”, осознавая, что ругательство – это грех. В дальнейшем выражение *прости господи* стало использоваться вместо ругательства, взяв на себя его функции:

«Знаешь, Ваня, что мне рассказали? – И что же? – Будто ты привел в салон к Валерию абсолютно невероятное существо, вокзальную малолетнюю «прости господи», велел превратить ее в блондинку, а потом завалил на диван в холле и принялся целовать и раздевать!!!» (2, с.204).

Междометный фразеологизм *тушите свечи* синонимичен разговорным *конец, абзац, финиш, кошмар, ужас*, выражающим сильные отрицательные эмоции. Свечи тушили в конце дня или тогда, когда заканчивалось что-либо: спектакль, бал, ужин. Поэтому сначала выражение *тушить свечи* стало ассоциироваться с окончанием чего-либо, с концом. Затем под влиянием переносных значений слов одной семантической группы образовался фразеологизм с междометным значением:

«Я заморгала, но все же выдавила из себя: - Оно такое плохое? – Отстой для безголовых чурбанов, - пояснила Лиза. – А уж ведущие у них! Ну прямо *тушите свечи*» (1, с.319).

Фразеологическая единица *тихо умирать* имеет значение «разваливаться, находиться в состоянии банкротства». Свободное словосочетание «тихо умирать» обозначает состояние человека, больного неизлечимой болезнью, без ярко

выраженной боли, страданий, но безнадежное. Фразеологизм, возникший на базе данного словосочетания, образно выражает состояние какого-либо предприятия, организации:

«Я вздохнула. Ну не говорить же ему правду, что я начальник оперативно-розыскного отдела *тихо умирающего* от отсутствия клиентов частного детективного агентства ”Шерлок“» (1, с.254).

Фразеологизм *ничего тяжелей шариковой ручки в руках не держал* употребляется с иронией по отношению к человеку, не способному к физической работе. Шариковая ручка является единственным «инструментом» чиновников, учителей, медиков, ученых, инженеров и др., которые ассоциируются с физически слабыми людьми, что в народном сознании оценивается отрицательно:

«Я перевел взгляд на ее руки. Сразу видно, что Алена *ничего тяжелей шариковой ручки не поднимает*. Да и затруднительно тоненькими пальчиками с такими длинными, покрытыми нежно-розовым лаком коготками драить полы или чистить краны» (2, с.26).

По форме исследуемые фразеологизмы могут быть изменяемыми и неизменяемыми. Большинство фразеологических единиц являются изменяемыми. Из них 80% построены по модели глагольного словосочетания. Наиболее продуктивной является модель глагол + существительное в В.п.: *терять тормоза, протянуть руку помощи, не хочется руки пачкать, греть уши, разводиться сырость, рубить бабки, гнать пургу, пудрить мозги, сносит крышу, петь песни, заливать баки*. Второй по продуктивности является модель глагол +предлог *на* + существительное в В.п.: *поставить на уши, дать на лапу, вешать лапшу на уши* и модель глагол + предлог *в* + существительное в В.п.: *ринуться в атаку, войти в штопор, впасть в ступор*. К малопродуктивным относятся модели глагол + с + существительное в Р.п.: *упасть с дуба, съехать с катушек*; глагол + на + существительное в П.п.: *заносить на поворотах, держаться на плаву*; глагол + существительное в Т.п.: *расцвести махровым цветом, маяться дурью*. Единичные фразеологизмы образованы по моделям глагол + за +

существительное в В.п.: *взять за жабры*; глагол + у + существительное в Р.п.: *стоять у руля*; глагол + местоимение в Р.п.: *не держать ничего тяжелее шариковой ручки*; глагол + в + существительное в П.п.: *испариться в неизвестном направлении*; глагол + за + существительное в Т.п.: *остаться за кадром*; глагол + наречие: *тихо умирать, сходить налево*.

Среди фразеологизмов, образованных по модели субстантивного словосочетания, выделяются две равные группы единиц. По модели существительное + существительное в Р.п. построены фразеологизмы *бразды правления, разбор полетов, зона риска, морда лица, муки совести*. По модели существительное + прилагательное образованы единицы *пьянь подзаборная, военный совет, карающий меч, консервная банка*; по модели существительное + причастие – фразеологизм *курица, несущая золотые яйца*.

Малопродуктивными являются модели простого предложения: *нервы сдали, жаба душит*; прилагательное + на + существительное в В.п.: *больной на голову*; прилагательное + как + существительное в В.п.: *простой как веник*; модель с сочинительной связью: *белый и пушистый*.

К неизменяемым фразеологизмам относятся единицы, построенные по моделям предлог + существительное: *в курсе (чего-либо), по барабану, в шоколаде*; глагол + существительное без предлога: *тушите свечи, прости господи, нет слов, шагом марш*; глагол + наречие: *мало не покажется*; предлог + числительное + существительное: *в одном флаконе*; глагол + не + глагол: *умереть не встать*.

Компонентный состав описываемых фразеологических единиц варьируется от двух до шести. 53% фразеологизмов состоят из двух компонентов: *жаба душит, нервы сдали, пьянь подзаборная, карающий меч, консервная банка, военный совет, муки совести, морда лица, зона риска, разбор полетов, бразды правления, тихо умирать, сходить налево, маяться дурью, заливать баки, терять тормоза, петь песни, сносит крышу, пудрить мозги, гнать пургу, рубить бабки, разводиться сырость, греть уши, в курсе, шагом марш, нет слов, тушите свечи, прости господи, в шоколаде, по барабану*.

37% фразеологизмов состоит из трех компонентов: *мало не покажется, умереть не встать, в одном флаконе, протянуть руку помощи, поставить на уши, дать на лапу, ринуться в атаку, войти в штопор, впасть в ступор, съехать с катушек, упасть с дуба, заносить на поворотах, держаться на плаву, расцвести махровым цветом, взять за жабры, стоять у руля, оставить за кадром, больной на голову, простой как веник, белый и пушистый.*

Единичные фразеологизмы являются четырех- и шестикомпонентными: *не хочется руки марать, вешать лапшу на уши, испариться в неизвестном направлении, курица, несущая золотые яйца, ничего тяжелей шариковой ручки (в руках) не держал.*

Список литературы

1. Донцова Д. Но-шпа на троих. - М.: Эксмо, 2003.-432с.
2. Донцова Д. Институт Бабы-Яги. - М.: Эксмо, 2002.-432с.
3. Словарь современного русского литературного языка. - М. -Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965. -Т. 1-17.
4. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. - М., 1957-1961. - Т. 1-4.
5. Быков В. Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. – Смоленск: ТРАСТ – ИМАКОМ, 1993.
6. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. - М.: Сов.энциклопедия, 1967.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2001.

Сленг как отражение ментальности молодежи

Отношение лингвистов к молодежному жаргону, как правило, крайне негативное. Действительно, речь, перенасыщенная жаргонизмами, производит угнетающее впечатление и создает у слушающего мнение об убожестве говорящего. С точки зрения языкознания жаргон представляет небольшой интерес, это периферия языка. Однако в социолингвистическом плане исследование молодежного жаргона весьма актуально, так как на основе анализа сленга можно сделать некоторые наблюдения, касающиеся особенностей менталитета отдельной социальной группы носителей языка.

Сленг (англ. Slang) отличается от других жаргонов. В современном языке существуют жаргоны наркоманов, бродяжничающих подростков, проституток и других деклассированных социальных групп. Для этих жаргонов характерна высокая степень грубости. В английской и американской литературе сленгом называется жаргон относительно благополучной, учащейся молодежи - школьников и студентов. В сленге можно выделить ядро слов, употребляемых всеми представителями данной социальной группы. На периферии сленга существует масса жаргонных словечек, используемых отдельными группами молодых людей. Можно сказать, что в каждом городе, в каждом учебном заведении, в каждой компании есть свои, особые слова и выражения. В работах лингвистов чаще всего описываются способы образования сленга и дается его отрицательная оценка с точки зрения нормированного литературного языка. Попробуем, однако, посмотреть на сленг с другой точки зрения.

Сленг, в отличие от арго, создается не для того, чтобы засекретить, сделать недоступной посторонним свою речь, и, в отличие от профессиональных жаргонов, не для того, чтобы назвать специфические для профессии предметы и явления. Сленг – это прежде всего проявление креативности, творческого характера мышления молодых людей. Он свидетельствует о потенциальной способности подростков к языковой игре, к обыгрыванию уже существующих в литературном языке слов и выражений, для чего необходимо тонко чувствовать

язык, интуитивно видеть внутреннюю форму слова, его значение, присущие ему смыслы и соотносить это внутреннее содержание с внешней формой слова.

О. Есперсен называл молодежный сленг «коллективной игрой», а для того чтобы играть, нужна фантазия и желание представить обычные явления в необычном виде. Например, на основе английского глагола *drink* по аналогии с русскими *выпить*, *вылакать* образовано слово *выдринкать* - выпить. Устойчивые сочетания *отбросить копыта*, *отбросить коньки* в значении «умереть» дали жизнь жаргонному *кеды выставить*. Фонетический облик слова *e-mail* привел к тому, что его стали называть *Емелей*. Человека, который не следит за собой, не моется, обзывают, используя свое знание художественной литературы, *казбичем*. Обыгрывая слова *извращенец* и *старуха Изергиль*, подростки придумали слово *извергиль*. О состоянии опьянения говорят *в космосе*, а пьяницу называют *бормотологом*.

Кроме этого, сленг отражает особенности мировосприятия молодежи. В. фон Гумбольдт утверждал, что внутренняя форма слова, образ, признак, положенный в основу наименования предмета или явления, должен быть общепонятным, общепризнанным, важным и узнаваемым для носителей языка. На основе анализа внутренней формы сленговых слов можно делать выводы о том, что для молодых людей является определяющим, как они видят внешний мир. Так, сленговые наименования родителей *шнурки*, *родоки*, *родичи*, *предки*, *преды*, *папахен*, *папик*, *батон* (от *батя*), *фазер*, *мамик*, *мамунда*, *масяня*, *мутер*, *маман* явно свидетельствуют, как это ни печально, об ироничном отношении подростков к отцу и матери. Такое отношение является временным, возрастным и в качестве причины имеет и стремление показать, что подросток уже вышел из младенческого возраста, когда мать и отец были для него самыми красивыми, умными, добрыми, и протест против возросших к нему требований, и разочарование в родителях, когда молодые люди начинают видеть, что родители далеко не идеальны, что у них много недостатков. Если проанализировать менявшие друг друга почти каждые десять лет наименования девушки, то очевидным окажется то, что девушки XX-XXI веков воспринимаются далеко не

так, как в эпоху классицизма и романтизма: *герл, чувиха, кадра* (от *кадрить*), *телка, тѐла* (от *телка*), *кобыла, кукушка, клави, мочалка, швабра, короста*. Подобные названия говорят не только об особенностях восприятия юношей. Они дают основание задуматься над тем, кого так называют, почему именно такой образ возникает в мышлении молодого человека.

Сленг для молодежи является и средством выражения юмора, юмористического отношения к предметам и явлениям реальной действительности. Например, *зоя* - злюка (от *змея, особо ядовитая*); *бухарест* - молодежная вечеринка, от слова *бухать*, на которое накладывается название города *Бухарест*; *безбабье* от слова *бабки*, на которое накладывается и обыгрывается слово *бабы*; *фиолетово, по барабану* - «безразлично», *колбаситься* - «веселиться»; *ботаник* - «отличник».

Молодежный сленг – это и способ противопоставить себя старшему поколению и официозу. В нем выражается вызов несовершенному обществу, неприятие его норм, идеалов, приличий. Например, по отношению к чему-либо внешнему употребляются слова *достать, задрать, задолбать, запарить* - надоесть, *забить на что-либо* - забросить, *обломаться, побриться* - не достичь желаемого, *бесячий, бесить* - раздражать, *косить* - притворяться, подражать, *головняк, депресняк, коматоз* - плохо, *лапша* - ложь (от *вешать лапшу на уши*), *синий комитет* - компания пьяниц, *алик, алконафт* - пьяница, *айбол* - человек, который обещает, но не делает.

В сленге особенно много слов, выражающих эмоции молодых людей, их оценку предметов и явлений действительности. Литературные оценочные слова кажутся подросткам недостаточно выразительными, затертыми. Нечто хорошее, красивое, веселое обозначается словами *круто, я прусь, я тащусь, приколы, ништяк, крутняк, улет, чума, корки, кайф, кайфово, классно, атомный, балдежный, клевый, смачно, четко и др.* Нечто плохое обозначается словами *стремно, полный абзац, полный писец, полный атас, левый, гнилой, беспонты, облом, отстой, фигово, палево*. Подобные выражения используются как эмоциональные восклицания, эмоциональные междометия. Их значения

неопределенны, размыты. Иногда они употребляются для выражения и положительных, и отрицательных эмоций в зависимости от ситуации. Лексическое значение таких слов почти полностью утрачивается, остается только внутренняя форма, выражающая крайнюю степень эмоционального состояния, бурю чувств.

Сленговые слова роднит с жаргонами других социальных групп подчеркнутая грубость. Однако в основу внутренней формы слов из жаргонов деклассированных элементов положены вульгаризмы, бранные слова, названия половых органов. По сравнению с ними сленг имеет невысокую степень грубости. Если сравнить сленговые ругательства и ругательства, издавна существующие в языке и, как правило, не помещаемые в нормативные толковые словари, то можно поставить сленгу еще один плюс. Сленговые ругательства намного мягче, менее оскорбительны. Например, вместо слов *дурак, идиот, кретин* и подобных употребляются слова *тормоз, ручник* от *ручной тормоз, дерево, древо, дрова, деревопитек, дереволаз, крезанутый* от англ. *Craze* - «сумасшедший», *тупень, битумовоз*. Человек, не контролирующий свои поступки, называется *гонимый, обстеганный, ошпаренный, обмороженный, обезбашенный, с утюгом в голове*. Нарочитая грубость, сниженность многих жаргонных слов объясняется стремлением подростков ощущать себя взрослыми людьми. В детстве с ними обычно разговаривали сюсюкая, добавляя к словам уменьшительно-ласкательные суффиксы: *ложечка, тарелочка, юбочка, папочка, ручки, ножки*. Как реакция на это в подростковом возрасте начинает употребляться намеренно огрубленная лексика *мобила, училка, ящик* - «телевизор», *чмо* - «человек морально опущенный», *голяк* - «полное отсутствие», *труба* - «телефон», *водло* - «водка», *валово* - «деньги», *обсос* - «не модно одетый», *втресканный, вбашенный* - «о наркоманах», *жрачка* - «еда». Жаргоны зарождаются и умирают вместе с определенной социальной группой.

Давно исчезли жаргон купцов, светский жаргон, жаргон офеней и многие другие. Молодежный жаргон не может исчезнуть, и его надо изучать. К сожалению, в связи с тем, что это разновидность устной речи, жаргон молодежи

прошлого не зафиксирован (за исключением жаргона бурсы). Между тем, сравнивая сленг разных поколений, можно было бы увидеть, как менялось мировосприятие молодых людей, оценка ими действительности.

Список литературы

1. Шинкоренко Ю.В. БАЗАРГО. Жаргон уральских подростков. – М.: ЮНПРЕСС, 1988.
2. Никитина Т.Г. Так говорит молодежь // Русская речь. – 1999. - №4. - С.115-117.

С.С. Кувалина

Языковые средства выразительности в публицистике А. Проханова

Александр Проханов – писатель, публицист, главный редактор газеты «Завтра», представляющей себя газетой государства Российского. А. Проханов – выразитель национальной, русской идеи, говорящий о рождении, мужании «пятой Русской империи», болеющий о силе и слабости России.

Воздействующее влияние его публикаций начинается с заголовков, отличающихся метафоричностью, книжным характером лексики (нередко церковно-религиозной): *Религия русской победы* («Завтра», № 19, 2006); *Симфония русских пространств* (№ 18, 2006); *Нимбы русской культуры* (№21, 2006); *Байкал и Волга – русские боги* (№ 24, 2006); *Нейрохирургия для русской элиты* (№33, 2006); *Покров Богородицы и молнии ненависти* (№42, 2006); *Ловцы человек* (№38, 2006); *Триумф русского снега* (№28, 2007); *Тринадцатый подвиг Геракла* (№31, 2007); *Властелин стальных колец* (№31, 2006).

Императивность присуща и заголовку «*Сберечь победу, спасти Россию*» (№ 16, 2007).

Наибольшей выразительностью отличается его публицистическая речь на синтаксическом уровне. Писатель использует разнообразные стилистические

фигуры, позволяющие выделить, подчеркнуть основную мысль и значимые части текста.

Так, важное место в его статьях занимают именные предложения: *Русская литература – непрерывная песнь о природе, восторженные псалмы, исполненные религиозного чувства; Тургенев и Бунин, Тютчев и Есенин – святые русской природы, которая для России является второй, после христианства, религией* (№ 24, 2006); *Культурная классика – сбережение богатств, заповедный «алмазный фонд»* (№ 21, 2006); *Строительство государства – всепоглощающее общее дело* (№11, 2006); *Победа – событие, равноценное явлению Христа* (№16, 2007).

Парцелляция привлекает внимание читателя к наиболее важным положениям, выдвигаемым автором, придавая им новое звучание:

Наш народ не забыл грандиозный советский опыт. Освоение целины. Создание «нефтяной цивилизации». Космический прорыв. Соперничество с США. Рывок в будущее (№14, 2006) – ср. с конструкцией, использующей перечислительную интонацию: *Наш народ не забыл грандиозный советский опыт, освоение целины, создание «нефтяной цивилизации», космический прорыв, соперничество с США, рывок в будущее.*

Наносится удар в сердцевину народного самосознания, в его священные представления о Войне и Победе. О подвиге, спасшем Европу от фашистской оккупации. От газовых камер. От рвов, переполненных трупами. От людоедской теории, разделяющей людей на «рабов» и «господ», превращающей мир в огромный тысячелетний концлагерь, а историю – в победную поступь Зла (№16, 2007).

Его период отличается особой торжественностью, выражая взволнованность и эмоциональную приподнятость высказывания: *Когда я думаю о моем народе,- о ныне живущих, вскормивших и вспоивших меня, научивших языку и ремеслам, оснастивших любовью и верой, когда вспоминаю умерших предков, известных мне до пятого поколения, после чего их тени сливаются в безымянное сонмище, из которого льется ко мне река истории, когда с молитвенным обожанием*

поклоняюсь русской культуре и божественной русской природе, – я националист, исповедую религию русской жизни, только в ней и обретаю гармонию.

Когда я думаю о Великой России, о Советском Союзе, моей великой Родине,- о казахстанском Устюрте, где восторгался атомными «городами будущего», о Туркменском канале, по которому плыл среди медно-красных барханов, об Украине, на верфях которой я видел закладку громадных боевых кораблей, а Каракумах, где вставали оазисы «золотых городов», когда я вспоминаю моих друзей и братьев в Баку, Тбилиси и Минске, - я чувствую себя «государственником», «державником», носителем «имперского смысла», ревнителем небывалой страны между трех океанов, размером в шестую часть суши.

Когда я думаю о человечестве, состоящем из множеств культур и религий, создавшем бесценные творения пирамид и пагод, готических соборов и лазурных мечетей, когда ощущаю нависшие над землей напасти,- гулы ревущего, бесконечно далекого метеорита, конвульсии утомленной природы, желающей сбросить с себя человечество, злую вселенскую волю, превращающую народы земли в безропотное, обреченное на подавление стадо, я – «гражданин мира», «всечеловек», сын планеты Земля (№27, 2006).

Синтаксический параллелизм в его публицистике усиливает воздействие текста на читателя:

От «Первой Империи» киевских и новгородских князей нам досталось эпическое «Слово о полку Игореве». От «Второй Империи» Московского царства к нам донеслась «Задонщина». «Третья Империя» Романовых одарила нас Пушкиным и Лермонтовым, Толстым и Достоевским, серебряным веком, где уже звучали пророчества конца. «Четвертая Империя» Сталина оставила нам Маяковского и Мандельштама, Шолохова и Булгакова, Бондарева и Солженицына. Певцы и хулители «Империи», её кумиры жертвы, священнодействовали вокруг жертвенников и светильников, расставленных всё той же «Империей» (№ 21, 2006).

Зачем российской власти потребовалось осквернить священное знамя Победы? Зачем генералу Сигуткину понадобилось подчищать святое полотнище, соскабливая с него серп и молот? Знамя Победы – это икона двадцатого века, подобная Спасу Нерукотворному, на котором отпечатался лик Народа – Богоносца, сокрушившего Сатану. Победа – событие, равноценное явлению Христа (№16, 2007).

Публицистическая речь Александра Проханова ярка, выразительна, образна. Она может служить материалом для дальнейшего исследования.

Д.А. Пелихов

Развитие корневого словообразовательного гнезда *-LĚK- в восточнославянских языках

Корневое словообразовательное гнездо (КСГ), под которым понимается совокупность слов, характеризующаяся общностью корня и упорядоченная отношениями производности (2, т. 1, с. 36), как наиболее крупная единица словообразовательной системы, находящаяся в сфере интересов когнитивной лингвистики, нуждается не только в синхронном анализе, но и в исследовании с точки зрения диахронии. Необходимость такого подхода к КСГ объясняется постоянным изменением состава словообразовательных гнёзд, их переоформлением, изменением словообразовательных отношений между лексемами, появлением сложных производных морфем, выступающих в качестве словообразовательных формантов.

Диахронный подход к исследованию языковых единиц предполагает их изучение в сравнительно-историческом и сопоставительном планах, одним из компонентов которого является анализ лексического состава словообразовательных гнёзд в родственных языках. Сопоставление словообразовательных гнёзд в близкородственных языках способствует выявлению общих и специфических свойств этих деривационных систем –

параллелизма / различия словообразовательных моделей, продуктивности / непродуктивности формантов, наличия / отсутствия у них коннотативного значения, межъязыковой синонимии и др. Анализ семантических особенностей лексического состава КСГ позволяет определить общие и специфические для каждого из сравниваемых языков пути и модели развития у слов новых значений, особенности функционирования слов в языке и речи, их стилистическую окрашенность и т.д.

Сопоставление современного лексического материала словообразовательного гнезда с корнем *-lěk- в трёх близкородственных языках – украинском, русском и белорусском – даёт представление о путях развития КСГ, об основных моделях словопроизводства, о продуктивности / непродуктивности словообразовательных формантов.

Производящей основой данного КСГ является слово **lěkь*, **lěko* – «лечебное средство», восходящее к общеславянскому корню *-lěk-, а также производные – **lěkovati*, **lěčiti*, **lěkarь*. Происхождение данной группы слов в общеславянском языке связывается, по мнению П.Я. Черных, с ранним заимствованием основополагающего слова **lěkь* из германских языков (готск. *lēkeis* – «врач», *lēkinōn* – «лечить, исцелять»; др.-в.-нем.: *lāchinōn* – «лечить», *lāchin* – «исцеление», *lāchi* – «знахарь, лекарь»). Происхождение самого корня связывают с индоевропейским корнем **legʷ-*, имевшим значение «собирать», «подбирать» (ср. лат. *lego* – «собираю»). Значение «лечить» могло развиваться у данного корня из значения «собирать лечебные травы», «знахарствовать», либо из значения «подбирать слова для заговора, для лечения заговором». Однако общеславянский корень нельзя возвести непосредственно к индоевропейскому, так как на славянской почве индоевропейское *gʷ* в результате второй палатализации отражается в виде *zʷ*. Фиксация в древнерусских памятниках письменности слова *лэкъ*, а также его производных (*лэковати*, *лэкарство*, *лэчити*, *лэчитисз*, *лэчьба*, *лэчьбьныи*, *лэчьць*) относится к XI веку (З, т. 1, с. 478 – 479).

На современном этапе в восточнославянских языках в зависимости от реализации фонемы <э> (< *ě) и качества конечного согласного данный корень представлен в следующих фонетических разновидностях:

русск.: лек, леч' (2, т. 1, с. 36);

укр.: лік (1, с. 322);

блр.: лек, лек', ляч (1, с. 322).

Основной лексический состав словообразовательного гнезда с общим значением «лечебная помощь, врачевание» представлен лексико-грамматическими классами *существительного, прилагательного и глагола*.

1. Существительные данного словообразовательного гнезда включают следующие лексико-семантические группы:

а) конкретные существительные со значением лица. Данная группа существительных образуется посредством суффиксального способа словообразования:

Вост.-слав.	Русский язык	Белорусский язык	Украинский язык
-арь-	-арь- лек- арь	-ар- лек- ар	-ар- лік- ар
-тък-	-к- лекар- к-а	-к- лекар- к-а	-к- лікар- к-а
-ьш-	-ш- лекар- ш-а	-к- —	-ш- лікар- ш-а

б) конкретные существительные со значением средства осуществления действия. Данная группа существительных представлена как производными словами, образованными посредством суффиксации, так и первообразными лексемами:

Вост.-слав.	Русский язык	Белорусский язык	Украинский язык
	—	—	лік,
	—	лекі	ліки
-бств-	-ств- лекар- ств-о	-ств- лекар- ства	—

в) конкретные существительные с локальным значением

Вост.-слав.	Русский язык	Белорусский язык	Украинский язык
-иц-	-иц- лечебн-иц-а	—	—
-ьн-	—	—	-н- лікар-н-я

г) отвлечённые существительные с процессуальным значением

Вост.-слав.	Русский язык	Белорусский язык	Украинский язык
-ениј-	-ениј- леч-ениј-е	-энн- ляч-энн-е	—
-ниј-	—	—	-нн- лікува-нн-я

2. Лексико-грамматический класс прилагательных представлен лексико-грамматическими разрядами *качественных* и *относительных* прилагательных:

а) *качественные прилагательные*, обозначающие свойство лекарственных средств, образуются посредством суффиксации. Образование данных лексем характеризуется различием словообразовательных моделей в восточнославянских языках:

Вост.-слав.	Русский язык	Белорусский язык	Украинский язык
ьн/ьн	-енн- лекарств-енн-	—	—
-	ый	-эбн- ляч-эб/ны	—
ьб/ьн-		-ав- лек-ав-ы	—
-ов-	-ебн- леч-ебн-ый	—	-ськ- лікар-ськ-ий
-ьск-	—	—	-льн- лікува-льн-
-льн-	—	—	ий

б) *относительные прилагательные* образуются посредством суффиксации

Вост.-слав.	Русский язык	Белорусский язык	Украинский язык
-ьск-	-ск- лекар-ск-ий	-ск- лекар-ск-і	-ськ- лікар-ськ-ий
-ян-	—	—	лікарн-ян-ий

Лексико-грамматический класс глаголов КСГ *-lěk- составляют глаголы действительного и возвратно-среднего залога:

а) глаголы действительного залога образуются посредством суффиксации:

Вост.-слав.	Русский язык		Белорусский язык		Украинский язык
-и-	-и-	леч-и-ть	-ы-	ляч-ы-ць	—
-ова-		—		—	лік-ува-ти
-ева-		—		—	лікар-юва-ти

б) глаголы возвратно-среднего залога образуются посредством постфиксального способа словообразования:

Вост.-слав.	Русский язык		Белорусский язык		Украинский язык
-ся	-ся	лечить-ся	-ца	лячыц-ца	—
-ся		—		—	-ся лікувати-ся

Лексический материал корневых словообразовательных гнезд в общем виде можно представить следующим образом:

Семан-Тика	Русский язык	Белорусский язык	Украинский язык
Средство	<p>—</p> <p>→ лекар-ств-о</p>	<p>лекі</p> <p>→ лекар-ств-а</p>	<p>лік</p> <p>ліки</p>
Лицо и его признак	<p>→ лек-арь</p> <p>→ лекар-к-а</p> <p>→ лекар-ш-а</p> <p>→ лекар-ск-ий</p>	<p>→ лек-ар</p> <p>→ лекар-к-а</p> <p>→ лекар-к-а</p> <p>→ лекар-ск-і</p>	<p>→ лік-ар</p> <p>→ лікар-к-а</p> <p>→ лікар-ш-а</p> <p>→ лікар-ськ-ий</p>
Место и его признак	<p>→ лечеб-ни-ца</p>		<p>→ лікар-н-я</p> <p>→ лікарн-ян-ий</p>
Свойство	<p>→ лекарств-енн-ый</p> <p>→ лечеб-н-ый</p>	<p>→ лек-ав-ы</p> <p>→ ляч-эб/н-</p>	<p>→ лікар-ськ-ий</p> <p>→ лікува-льн-ий</p>

			ы → ляч-ы- ць	→ лікар-юва- ти → лік-ува- ти → лік-ува-тися → лікува-нн-я
Действие	→ леч-и-ть			
	→ лечить-ся		→ ляччыц-ца	
Опред- меченное действие	→ леч-ениј-е		→ лячч-энн-е	

Сравнение состава лексем в восточнославянских языках показывает, что на современном этапе наиболее широко в первоначальном виде (без смягчения конечного согласного) корень *-lěk- распространён в украинском языке. В русском языке слова с непалатализованным конечным согласным корня представлены в меньшем количестве, кроме того, эти слова несут в себе коннотативный элемент значения и сопровождаются в лексикографических источниках соответствующими пометами (*разг., прост., устар.*).

В большинстве случаев отчётливо прослеживается параллелизм словообразовательных моделей, семантическая корреляция лексем (в таблице они объединены по горизонтали). Однако вместе с тем некоторые из позиций остаются незамещёнными. Так, в русском языке на современном этапе не сохранилось непроизводного слова с непалатализованным конечным согласным корня, и, напротив, в украинском языке не представлено ни одной лексемы с палатализованным согласным.

Таким образом, анализ лексического состава словообразовательных гнёзд в сопоставительном аспекте даёт представление об общих и различных словообразовательных моделях, способствует восстановлению недостающих звеньев словообразовательных цепей, позволяет представить лексический состав гнезда в наиболее полном виде, опираясь на данные других языков, и в конечном итоге позволяет решить одну из основных задач языкознания – восстановление праформы слова.

Список литературы

1. Лемтюгова В.П. Українсько-білоруський словник / За ред. А.Є. Супруна. – Мінск, 1980.
2. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. / Под ред. Б.А. Ларина.– М.: Русский язык, 1985.
3. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Русский язык, 2001.

4. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1979.

Н.М. Ротанова

Концепт «красный» в произведениях Ивана Бунина

В когнитивном плане концепты представляют собой индивидуально-личностные смысловые образования, замещающие значения, объективно закрепленные в коллективном языковом сознании и зафиксированные в авторитетных источниках, например, в толковых и энциклопедических словарях. Концепт – многомерное образование, включающее в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики. Все они должны быть учтены при описании концепта. Средства языка – наиболее доступный путь к раскрытию концепта, анализ лексического значения имени концепта позволяет выявить важнейшие концептуальные признаки этого мыслительного образования.

Вербализованная часть концепта «красный» до XV века не содержала значения цвета, но смыслы, которые передавались словами с корнем «крас-», ассоциативно связывались иногда и с красным цветом – символом жизни, радости, торжества. Смысл «красивый, богатый», ассоциируемый носителями языка с украшением церквей, связал концепт «красный» со значением цвета. В результате концепт изменил объем понятийно структурированного ядра. В дальнейшем на инвариантное содержание концепта «красный» повлияли революционные события во Франции, а затем и в России, а также советский период истории страны.

Современные словари русского языка значение цвета у слова «красный» указывают первым, а древнее значение «красивый, прекрасный», «ясный, яркий, светлый», «парадный, почётный» и «радостный, счастливый» дают соответственно с пометами «трад.-поэтич.», «народно-поэтич.» и «устар.» (4,

с. 122). Для толкования прилагательного «красный» в словарях используется изобразительный способ, т.е. указание на типичный объект, обладающий данным цветом, например: зелёный – цвета свежей листвы, травы; белый – цвета снега; красный – цвета крови. Другими словами, толкование указывает на то, какой денотат (в представлении носителей языка) скрывается за данным именем. Базисным элементом концепта «красный» современные носители языка осознают цвет.

Цвет занимает особое место в картине мира, поскольку все объекты, окружающие человека, наделены определенным цветовым признаком, который можно передать языковыми средствами.

В произведениях И.А. Бунина, написанных до революции, слово «красный» используется в значении цвета, но смысл, который передаётся словом, в некоторых контекстах шире.

*Он высок ростом, худощав, но широкоплеч и строен, а лицом – красавец цыган. Глаза у него блестят дико, он очень ловок, в шёлковой **красной рубахе**, бархатных шароварах и длинных сапогах (Антоновские яблоки).*

В данном случае смысл сказанного связан прежде всего с восприятием красного цвета как символа богатства, что подтверждается общей картиной описания наряда: рубаха шёлковая, шаровары бархатные, сапоги длинные (т.е. дорогие, так как много кожи ушло на их изготовление). Кроме того, выраженная в портрете авторская оценка (высок, широкоплеч, строен – красавец, ловок, богато одет) ассоциативно увязывает символическое значение красного цвета с первоначальным (общеславянским) значением слова «красный» – яркий, красивый. В толково-понятийном словаре русского языка (6, с. 207-208) в качестве вербализаторов понятия «красивый» приводятся слова «привлекательность» (то, что делает человека красивым) и «украшать» (улучшать внешний вид кого-либо), т.е. понятийная составляющая концепта «красный» в древнерусском языке логически связана с современным представлением носителей языка о категориальном значении слова «красный» (красота – цвет).

Недаром в определенный период в сознании русского человека красный цвет соединился с праздником, радостью: что красно, то хорошо и красиво.

В России в XVIII веке начинают использовать бело-красные цветовые сочетания, с небольшим вкраплением золота, берущие традиционное начало от иконописи в Византии. Красный цвет доминирует в народном творчестве, начинает преобладать в праздничной крестьянской одежде. В дореволюционной прозе И. Бунина прилагательное «красный» в значении цвета используется и для выражения этого смысла, т.е. красный как атрибут праздника.

*В праздничные же дни около шалаша – целая ярмарка, и за деревьями поминутно мелькают **красные уборы** (Антоновские яблоки).*

*<...> Воротясь на ярмарку, проглотил стакан водки <...> «Вот морожено!» – тенором кричал лысый потный мороженщик, брюхатый старик **в красной рубахе** (Деревня).*

В следующем примере «красный» употреблено в смысле «указывающий на торжественный момент (торжественность события)» (6, с. 373):

*Дениска вернулся с Серым – и Серый был зачем-то подпоясан по чекменю, по кострецам **красной подпояской**. <...> «Сват не сват, а добрый человек! – не спеша начал Серый необычно развязным и ладным тоном. – Тебе наречённую дочь отдавать, мне сына женить. По доброму согласию, на ихнее счастье давай речь промеж себя держать (Деревня).*

Ассоциирование красного цвета с праздником рождает смысловую составляющую «выделяться в ряду подобного», в результате в речи носителей русского языка появились устойчивые сочетания типа «красная дичь» – лучшая болотная дичь (4, с. 122); высокая, все виды бекасов, от кулика до гаршнепа, также крупная столовая дичь: лебедь, козуля, драхва, глухарь (2, с. 187); «красный зверь» – зверь, наиболее ценный для охотника: медведь, лось, куница и др. (4, с. 122); «красное дерево» – древесина, употребляемая для изготовления высших сортов столярных изделий (там же); «красной нитью проходить» – выделяться, подчеркиваться в качестве основной мысли (там же); «красная дата, красный день календаря» – первоначально церковный праздник «красная суббота» – великая, страстная суббота перед Пасхой, когда красят яйца (там же) и др. В речи современных носителей языка частотны не все из вышеприведенных

выражений, но смысл, который они содержат вместе со значением цвета, понятен, как и сто лет назад (т.е. он является компонентом концепта «красный»).

Конечно, есть среди подобных вербализаторов забытые выражения, и без словаря, где фиксируется общее для всех поколений носителей русского языка знание, смысл их можно не понять. Например, в повести Ивана Бунина «Деревня», написанной в начале прошлого века, употребляется фразеологизм «красный товар». В Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой выражение приводится с пометой «устар.» и толкуется как «ткани, мануфактура» (4, с.122). На первый взгляд, прилагательное «красный» в данном случае является производным от «красить» (в общеславянскую эпоху оно означало «украшать» (3, с. 218), но именно это и указывает на особенность ткани, которую называли «красным товаром»: аршинный, панской¹ (2, с. 187); мануфактура – устар. ткани. «Фабричная мануфактура – ситчик, сатин – была тогда доступна далеко не всем и шла только на праздничную одежду». Яшин. Сирота [МАС 1986:228]. В «Деревне» Иван Бунин использует данный фразеологизм при описании свадьбы.

Тут теснился народ почище – девки в цветных шальях, ребята во всем новом. Пахло красным товаром, полушубками, керосином, махоркой, хвоей. Маленькое зелёное деревцо, убранное кумачными лоскутами, стояло на столе <...> Вокруг стола, под мокрыми, оттаявшими окошечками, у чёрных сырых стен, сидели наряженные игрицы, грубо нарумяненные и набеленные... (Деревня).

Как видим, смысл «торжество, празднество (особое событие)» поддерживается в контексте и вербализаторами концепта «красный»: прилагательным «кумачный» (хлопчатобумажная ткань ярко-красного цвета (4, с. 148)) и причастием «нарумяненный» (румянить, т.е. покрывать румянами лицо; румяна – косметическая краска розового или алого цвета для наведения румянца² (5, с. 741)). И, хотя во втором значении авторы словаря сочетают прилагательное «нарядный» с неодушевленными существительными, мы уверены, что «нарядный – украшенный – нарумяненный» вербализуют один

¹ Сравните: красный двор – барский двор. *Сыновья ушли, а Арина Петровна встала у окна и следила, как они переходили через красный двор к конторе* (Салтыков-Щедрин. Господа Головлёвы).

² Сравните: нарядный – красиво, празднично одетый; красиво, празднично убранный, украшенный (4, с. 392).

смысл, и этот смысл включён носителями языка в концепт «красный» – особенный (выделяющийся среди других), праздничный, красивый, яркий, как красный цвет. Кроме того, красный в значении «праздничный, яркий» при описании деревенской свадьбы используется И. Буниным и в частотном для того времени сочетании «красная рубаха».

Жених пришёл с Васькой, сыном Якова. Жених надел его сапоги; волосы жениха были подстрижены, шея докрасна выбрита. <...> Васька, дружка, в красной рубахе, в романовском полушубке нараспаику... (Деревня).

Кстати сказать, в выражении «шея докрасна выбрита» с точки зрения лексического значения слово «докрасна» употреблено как указание на цвет, но в контексте описанной в рассказе ситуации (парень до свадьбы не то что не брился, даже умывался редко) воспроизводит смысл «особенный, не такой, как всегда, торжественный».

В дореволюционных произведениях И.А. Бунина концепт «красный» представлен и вербализаторами, которые активизируют представление говорящих исключительно о цвете, но сочетание красного с другим цветом (контекст) или указание на оттенки создает определенное настроение.

*Он выезжал на дорогу, на перекрёсток, и становился лицом к заре. <...> Земля, поднимаясь к горизонту, где ещё тлел **красноватый** слабый свет, была черна, как пропасть. <...>*

*И однажды, сидя возле раковины музыкантов, Кузьма так затосковал, что уже не шутя задумался о самоубийстве. Солнце садилось, свет его был **красноватый**, летела мелкая **розовая** листва по аллее, дул холодный ветер. В соборе звонили ко всенощной... (Деревня).*

Ю.Д. Апресян считает, что научное определение слова «розовый» (красный высокой степени яркости и слабой насыщенности, бледно-красный (5, с. 728)) противоречит наивной картине мира¹. Но эксперимент, проведённый психолингвистом Р.М. Фрумкиной, показал, что розовый носители языка стабильно включают в блок «красный цвет». К промежуточным тонам (между красным и оранжевым) они относят, например, огненный, рябиновый, морковный, кирпичный, терракотовый, ржавый и рыжий (7, с. 175).

¹ См.: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. –М., 1974.

В пейзажных зарисовках И.А. Бунин для обозначения бледно-красного цвета часто использует слово «розовый». Например, в описании жаркого летнего вечера, когда всё ещё озарено солнцем, поэт окрашивает удивительные узоры на песке в розовый цвет.

*Узорами ложились тени
На теплый **розовый** песок* (Сказка).

Розовый цвет – это цвет юности, свежести чувств, надежды на счастье. «Розовый песок» – в данном случае не столько цвет, сколько ощущение души. Нежность чувств и передается через оттенок красного – ненасыщенный цвет (розовый) – значит тёплый, а насыщенный (красный) – значит горячий. Это субъективное восприятие выражается через выбор слова.

В рассказе «Легкое дыхание» «розовый вечер» тоже не только цвет, он еще олицетворяет молодость и свежесть Ольги Мещерской, которая проживет свою короткую жизнь на одном дыхании.

*Он любил всё: каток в городском саду, **розовый** вечер, музыку и эту во все стороны скользящую на катке толпу, в которой Оля Мещерская казалась самой беззаботной, самой счастливой* (Лёгкое дыхание).

Радужное настроение от ощущения нового дня, продолжения жизни выражается использованием розового цвета при описании утра:

*Хорошо было проснуться до солнца, **розовым** росистым утром* (Деревня).

*Боже, какая **заря** была! **Розовым** огнем горит вдали восток, в воздухе та дивная свежесть и ясность, что бывает лишь ранней весной, на рассвете в степи* (Жизнь Арсеньева).

В произведениях Бунин часто вспоминает свое детство – доброту, тепло, нежность, любовь, окружающие его. Бунин словно говорит читателю: какое чудо жить, взрослеть, какое счастье быть наедине с природой, видеть её красоту.

*Солнце садилось, все было чисто, молодо, и всё **розовело*** (Жизнь Арсеньева).

Если задачей автора является визуальное отображение картин природы, он пользуется уже не розовым цветом, а красным, причем лексемы со значением красного цвета используются разные. Например, в осеннем пейзаже, кроме слова «красный», можно встретить: рдеть, багряный (багрянец), пурпурный и т.д.

*Пахло цветами в бодром и студеном воздухе **багряного** осеннего заката* (Жизнь Арсеньева).

Вечером в понедельник шел дождь, мглистое небо над Парижем мутно краснело (В Париже).

Вот меркнет даль,

Темнеет сад, краснее запад рдеет

(В пустынной вышине...).

Выбор вербализатора концепта «красный» зависит от того, какой смысл, кроме значения цвета, пытается донести до читателя Бунин. Если пейзаж выражает одиночество лирического героя (надежды рушатся, близкие люди либо уходят, либо умирают), то красный заменяется багровым или получает наречные определения типа «мутно краснело», а также контекстуальное окружение, передающее напряженность чувства, душевный дискомфорт: студеной воздух, мглистое небо, осенний закат, меркнет даль и т.п.

Рдеет красным заревом

На холоде закат (Плоты).

Рдяный – красный, алый (5, с. 688). Нередкий для Бунина прием – тавтологичные словосочетания при именовании цвета. Писатель уточняет значение глагола «рдеть» (краснеть): из светло-красного, ярко-красного цвет в сумерках превращается в более насыщенный и темный, т.е. становится красным, перестает быть алым («темнеет сад, краснее запад рдеет»). Во втором примере глагол «рдеет» имеет значение «горит», а огонь ассоциируется скорее с алым цветом, поэтому, используя любимый глагол, Бунин уточняет его цветовое значение посредством прилагательного «красный», которое является определением к ассоциативно-цветовому понятию «заревом». Однако иногда описание вечерней зари выглядит у Бунина парадоксально. Ярко-красный цвет («алел») он определяет как темный:

В окна зала еще алел над дальними полянами темный весенний закат» (Жизнь Арсеньева).

Возможно, это связано с тем, что в сознании носителей языка глагол «алеть» ассоциируется с кровью (алеет, как кровь).

А вот оригинальное, бунинское, описание вечеров:

Был морозный, первозданно-непорочный, чистый, мертвенно алевший и синевший к ночи вечер» (Генрих).

У слова «мертвенный» в словаре нет значения цвета (мертвенный – 1. такой, как у мертвеца; безжизненный. 2. перен. лишённый жизни, движения (4, с. 255)), однако «такой, как у мертвеца» можно связать и с цветом – синевато-серовато-бледным или серовато-восковым (например: *Искривленное лицо было костляво и даже при освещении костра имело какой-то желтовато-землистый, мертвенный цвет.* М. Горький). Невозможно представить оттенок, если «мертвенно алевший» понимать буквально. В данном контексте через указание на цвет Бунин пытается вызвать у читателя определенные ассоциации: в таких описаниях природа предвещает трагическую смерть (например, смерть главной героини, как в рассказе «Генрих»).

Иногда, чтобы передать тревогу героя, чувство безысходности, Бунин «перенасыщает» красным цветом описание природы:

Багрово краснеет над чёрными садами поднимающаяся луна (Жизнь Арсеньева).

Толково-понятийный словарь русского языка включает в когнитивный контекст концепта «красный» и представление говорящих о цвете пламени и предлагает как возможный эквивалент для номинации красного цвета прилагательное «огненный». Эта ассоциация также отражена в речи Ивана Бунина:

*А издали доносились голоса, крики. И из всех голосов выделялся голос Ваньки Красного, уже два раза побывавшего на донецких шахтах. А потом над усадьбой вдруг поднялся **тёмно-огненный** столб: мужики зажгли в саду шалаши – и пистолет, забытый в шалаше сбежавшим мещанином-садовником, стал сам собой палить из огня...* (Деревня).

*Тихон Ильич поднялся на высокое каменное крыльцо, на котором шумел двухведёрный медный самовар, **краснея, как огненными зубами,** своей решёткой...* (Деревня).

*Разразился ливень с оглушительными громовыми ударами и ослепительно-быстрыми, **огненными змеями молний,** когда мы под вечер подъезжали к Суходолу* (Суходол).

Огненный – ярко-красный, оранжево-красный, цвета огня, пламени (4, с. 585). Молния ассоциируется у носителей языка с очень сильной вспышкой света. Бунин же окрашивает этот свет, делает его красным не только потому, что

описывает вечернюю (закатную) грозу, но и потому, что хочет создать напряжение, ощущение тревоги, стихии. Эта ассоциативная связь красного цвета и чувственного восприятия природы соответствует жизненному опыту читателей и самого автора.

*Горело далеко, за рекой, но страшно жарко, жадно, спешно. Там густо валили **черно-багровым** руном клубы дыма, высоко вырывались из них **кумачные полотнища пламени** (Поздний час).*

Прилагательное «кумачный» употреблено в переносном значении: кумачный то же, что кумачовый – сделанный из кумача (4, с. 149), кумач – хлопчатобумажная ткань ярко-красного цвета. Описание цвета пламени включено в именную метафору (полотнища), которая по существу называет основание сравнения. В этом описании через цвет также создано ощущение тревоги, неподвластной человеку стихии, хотя в «кумачовый» цвет в дореволюционной прозе Бунин не вкладывает того накала негативной оценки, какой появится в дневниковой прозе «Окаянные дни».

Представление ещё об одном промежуточном цвете (между оранжевым и красным), который носители языка включают в блок «красный», выражено у Ивана Бунина в рассказе «Деревня»:

*В общем деннике – три дойных коровы, в отдельных – **красная телушка**, бык Бисмарк: им теперь подавай сена...*

То, что здесь названо красным (принято называть красным), в действительности является тёмно-рыжим. Сравните энциклопедическое описание красного волка: «хищное млекопитающее семейства волчьих. Длина тела около 1 метра. Окраска рыжая» (1, с. 648).

Красный цвет – один из основных тонов спектра, для его наименования в языке существует, как минимум, 39 прилагательных. Кроме того, для цветообозначения есть богатый арсенал других средств выражения.

Для толкования прилагательного «красный» в словарях используется изобразительный способ, т.е. указание на типичный объект, обладающий данным цветом, например: зелёный – цвета свежей листвы, травы; белый – цвета снега; красный – цвета крови. Другими словами, толкование указывает на то,

какой денотат (в представлении носителей языка) скрывается за данным именем. В субъективном восприятии конкретных говорящих красный может *прежде всего* ассоциироваться не с кровью, но эта ассоциация общая не только для носителей русского языка. И, хотя «чистая лингвистика» (Р.М. Фрумкина) игнорирует факты языкового сознания, на самом деле она обращается к языковому сознанию носителей языка, но делает это имплицитно, что видно даже по приведённым выше толкованиям.

Фрейм, лежащий в основе концепта «красный», как структурированная единица знания включает в качестве компонента и фрагменты знания, связанные со словом «кровь».

В дореволюционной прозе Ивана Бунина прилагательное «кровавый» употребляется в значении «кровоточащий; окровавленный» (4, с. 131), т.е. не в значении цвета, а в своем буквальном значении, но активизирует представление говорящих о красном цвете и значении слова «кровавый» – ярко-красный, цвета крови (4, с. 132), тем более в соединении с глаголом «краснеть».

В саду, на белоснежном покрове поляны, краснела бокастая кровавая туша с длинной шеей и ободранной головою; собаки, сгорбившись и упёршись лапами в мясо, жадно вырывали и растягивали кишки; два старых чёрно-сизых ворона боком подпрыгивали к голове, взлетали, когда собаки, рыча, кидались на них, и опять опускались на девственно-чистый снег. «Иванушка, Серый, вороны... – подумал Кузьма. – Господи, спаси и помилуй, вынеси меня отсюда!» (Деревня).

Последняя фраза приведенного отрывка эмоционально перекликается с настроением, которое овладело Буниным в дни революционного переворота. События октября 1917-го и их последствия привели писателя к такому душевному состоянию, при котором не только художественная деятельность, но и какая-либо другая стали для него невозможны. Впечатления, ощущения, переживания находят отражение в дневниковых записях, оформившихся позже в книгу «Окаянные дни». Именно в дневниковой прозе Ивана Бунина основным вербализатором концепта «красный» становятся слова с корнем «кровь».

А против памятника чрезвычайка, в мокром асфальте жидкой кровью текут отражения от красных флагов, обвисших от дождя и особенно паскудных (Окаянные дни).

Обратимся к Словарю русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой. Кровь – красная жидкость (жидкая ткань), обеспечивающая питание и обмен веществ всех клеток; кровавый – сопровождающийся кровопролитием; запятнавший себя кровью многих жертв; ярко-красный, цвета крови (4, с. 131-132). Основанием для метафоры явилось сходство по цвету. В мокром от дождя асфальте отражаются красные флаги, поэтому кажется, что по улице текут потоки крови. Бунину ненавистны эти «паскудные» красные флаги (паскудный – груб. прост. мерзкий, гадкий, отвратительный (5, с. 28)). Недаром у прилагательного, образованного от существительного «кровь», кроме значения цвета, есть и значение отрицательно-оценочное: кровь, которую описывает Бунин в виде отражений красных флагов, говорит не о цвете (не только о цвете, это не главное), а о невинных жертвах, о бессмысленном, с точки зрения здорового человека, кровопролитии. Красный в значении «революционный, связанный с советским строем» соединяется в сознании писателя со значениями слова «кровавый». Для И.А. Бунина всё, что связано с большевиками, символами ненавистной ему революции, ассоциируется с разрушением, крахом, смертью, кровью. Данный образ не встречается ни в стихах, ни в рассказах писателя, но он постоянно присутствует на страницах дневника.

В стихотворении Александра Блока «Сытые», написанном 10 ноября 1905 года, уже заявлено противостояние старого и нового мировосприятия, мировоззрения:

*Так негодует всё, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнанный хлев!
Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещён,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамён!*

Другими словами, в определенный период жизни объем знания, очерченный структурой концепта «красный», расширяется, но индивидуальное восприятие говорящих по-разному сказывается на содержании фрейма. Революция свергает

старые идеи, прежние ценности и воздвигает новые. Переосмысливаются многие символы, в том числе и связанные с красным цветом. Избрав красный как основной цвет революции, люди, принявшие её, привносят в него свой смысл: это цвет торжества, превосходства, победы, свободы и обновления:

*Рабочего
 громады класса враг –
он враг и мой,
 отъявленный и давний.
Велели нам
 идти
 под красный флаг
года труда
 и дни недоеданий.*

(В. Маяковский. Во весь голос)

Но для Ивана Бунина (и тех, кто разделял его взгляды) всё иначе. Недаром в «Окаянных днях» красный цвет играет особую роль. Здесь идет переосмысление изначального, исконного значения этого цвета для русского человека:

Вообще, как только город становится «красным», тотчас резко меняется толпа, наполняющая улицы. Совершается некий подбор лиц, улица преобразуется. <...> На этих лицах, прежде всего, нет обыденности, простоты. Все они почти сплошь резко отталкивающие, пугающие злой тупостью, каким-то угрюмо-холуйским вызовом всему и всем (Окаянные дни).

Красный начинает ассоциироваться с насилием, грубостью, кровью и болью, ненавистью, убийством. Куда бы ни пошел человек, повсюду он видит красноармейцев, везде «только низость, только грязь, только зверство», которое непременно сопровождается красным цветом, переплетается с ним и постепенно становится его неотъемлемой частью в глазах писателя.

Иван Бунин один из первых пишет о красном как о «дьявольском, кровавом» цвете. С болью и горечью писатель констатирует, что свержение старого режима было осуществлено «ужасающе», над страной поднято интернациональное знамя (красного цвета), «то есть претендующее быть знаменем всех наций и дать миру взамен синайских скрижалей и Нагорной проповеди, взамен древних божеских уставов, нечто новое и дьявольское. Основы разрушены, врата закрыты, и лампы погашены. Но без этих лампад не бывать русской земле – нельзя преступно служить *тьме!*»

То, что происходило в России, автор «Окаянных дней» сравнивает с адом. Бунин не может примириться с тем, что это дело рук человеческих: *«сатана Каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправства дохнул на Россию...»* Сравнение с дьяволом, адом совсем неслучайно. В религии красный цвет играл немаловажную роль. Это цвет не только серафимов и божьего суда, но также цвет порока, разврата, сатаны. Красными чернилами или кровью подписывают договоры с дьяволом. Красный цвет присутствует в одежде апокалипсических воинов, один из которых скачет на красном коне в море крови, доходящей до самой уздечки. В русском сознании ад красного цвета: в нем пылает огонь и правит дьявол. Хозяина «подземного царства, местопребывания душ грешников», изображали красным, багровым. Вот почему писатель постоянно сравнивает и красную революцию, и сам цвет, в сознании встают ярко-красные картины: красноармейцев с порождением дьявола, ада. Вот почему, несмотря на то, что прямо цвет не назван (вербализаторами концепта «красный» являются слова «кровь», «дьявол»), встают ярко-красные картины:

Если бы в город ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил в их крови, половина Одессы рыдала бы от восторга. <...> А про эти годы и говорить нечего: день и ночь живём в оргии смерти. И всё во имя «светлого будущего», которое будто бы должно родиться именно из этого дьявольского мрака. <...> Всегда говорят, что вот-вот «это будет последний и решительный бой!». Вечная сказка про красного бычка (Окаянные дни).

Меня белый цвет на красный в устойчивом сочетании слов, Бунин подчеркивает, что все обещания и устремления большевиков, их призывы – просто слова, бесконечный обман народа, который тоже стал «красным»:

«Революция – стихия...» Землетрясение, чума тоже стихии, однако никто не прославляет, никто не канонизирует, с ними борются <...> «Разложение белых...» Какая чудовищная дерзость говорить это после того небывалого в мире «разложения», которое явил «красный» народ» (Окаянные дни).

Кровь, кровавый – у Ивана Бунина основная ассоциация с красным цветом, который стал символом революции.

Почему комиссар, почему трибунал, а не просто суд? Всё потому, что только под защитой таких священно-революционных слов можно так смело шагать по колену в крови, что благодаря им даже наиболее разумные и пристойные революционеры, приходящие в негодование от обычного грабежа,

отлично понимающие, что надо тащить в полицию босняка, который схватил за горло прохожего в обычное время, от восторга захлёбываются перед этим босяком, если он делает то же самое во время, называемое революционным. <...> На Дерибасовской новые картинки на стенах: матрос и красноармеец крутят верёвками отвратительную зелёную жабу – буржуя. Подпись: «Ты давил нас толстой пузой». Огромный мужик взмахнул дубиной, а над ним взвила **окровавленные**, зубастые головы гидра: головы все в коронах <...> из-под корон течет полосами **кровь**... (Окаянные дни).

Бунин сопровождает «красный» словами «проклятый», «дьявольский», «чудовищный», рядом с красным идёт описание грязного города, разрухи, анархии, загубленной жизни. И везде яркий красный цвет смотрится нелепым пятном, уничтожающим гармонию:

По вечерам жутко мистически. <...> На всяких правительственных учреждениях, на чрезвычайках, на театрах и клубах «имени Троцкого», «имени Свердлова», «имени Ленина» прозрачно **горят**, как какие-то медузы, стеклянные **розовые звёзды**. <...> А этот громадный плакат на чрезвычайке?! Нарисованы ступени, на верхней – трон, от трона текут **потоки крови**. Подпись: «Мы кровью народной залитые троны **кровью** наших врагов **обагрим!**» <...> А в **красноармейцах** главное – распущенность. В зубах папироска, глаза мутные, наглые, картуз на затылок <...> иногда ни с того ни с сего **красные рейтузы** и при этом пехотная шинель... (Окаянные дни).

Революция – это огонь, пожар. Только для Бунина это огонь, убивающий жизнь, а для революционеров – созидающий новое и уничтожающий старое. Как пламя смотрятся флаги, город горит от бесконечных красных ленточек, бантов и красных звёзд.

... Ленин и Троцкий решили держать Россию в **накалении** и не прекращать террора и гражданской войны <...> они фанатики, верят в мировой **пожар**. И всего боятся как **огня**, везде им снятся заговоры (Окаянные дни).

«Красный» в устах революционеров приобретает торжественное, патетическое звучание, но в сознании, как и у Бунина, соединяется с «кровью».

Белогвардейская сволочь стремится расстроить **красную силу**, натравить её на мирное население... <...> Ура, долой авантюриста, который вздумал **выкупаться в крови** проголодавшихся рабочих... <...> Григорьев провозгласил лозунг: «Бей жидов, спасай Украину», что несёт страшный вред **Красной Армии** <...> Обсудив вопрос о заключённых белогвардейцах, требуем немедленного расстрела таковых, ибо они продолжают проделывать свои тёмные делишки, проливают напрасно **кровь**, которой так много пролито, благодаря капиталистам и их прихвостням! (Окаянные дни).

Таким образом, после революционных событий в сознании россиян красный цвет «намертво» соединяется с тем, что ассоциируется с насильственной сменой власти, с властью народа, большевиков, диктатурой пролетариата, террором, гражданской войной, атрибутами власти коммунистов и т.д. И, несмотря на то, что общество раскололось пополам в оценке революционных событий, структура концепта «красный» пополнилась этим знанием и языковыми средствами выражения смысла «красный = революционный».

Спустя почти 80 лет красный в значении «революционный» таким же образом, как у Ивана Бунина, используется в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» (1996 г.), те же ассоциации, те же вербализаторы.

*Новые декаденты вроде Маяковского, учуяв явно **адский** характер новой власти, поспешили предложить ей свои услуги. Я, кстати, думаю, что ими двигал не сознательный **сатанизм** – для этого они были слишком инфантильны, – а эстетический инстинкт: **красная пентаграмма** великолепно дополняет жёлтую кофту.*

Обращает на себя внимание название главного символа Октябрьской революции – красной звезды: раз новая власть в восприятии автора – власть сатаны, адская, то её символом является пентаграмма. Понятно и эмоциональное восприятие героем романа (чьими устами говорит автор) другого атрибута революционно настроенных россиян:

*Я постоянно ловил на себе косые взгляды и каждый раз вспоминал, что у меня нет ни денег, ни документов. Вчера в привокзальном клозете я нацепил было на грудь **красный бант**, но снял его сразу же после того, как увидел своё отражение в треснутом зеркале: с бантом я выглядел не только глупо, но и вдвойне подозрительно (В. Пелевин. Чапаев и Пустота).*

Контекст, в который помещен «красный бант», позволяет выявить ассоциации говорящего: отхожее место, нечто недостойное («в привокзальном клозете»), нарушение гармонии, разруха (треснувшее зеркало), лишённый разумной содержательности, неуместный, бессмысленный («выглядел глупо»). Пелевин настойчиво повторяет заявленные ассоциации, а особенности референции (красное полотнище с большевистским призывом автор называет

«фартуком», сами призывы – «нелепицами») подтверждают отрицательную оценку всего, что связано с революционной историей России:

*Бронзовый Пушкин казался чуть печальней, чем обычно, – оттого, наверно, что на груди у него висел **красный фартук** с надписью: «Да здравствует первая годовщина Революции». Но никакого желания иронизировать по поводу того, что здравствовать предлагалось годовщине, а революция была написана через «ять», у меня не было – за последнее время я имел много возможностей разглядеть **демонический лик**, который прятался за всеми этими короткими нелепицами на **красном**.*

Здесь фартук выступает частью рабочей одежды, возникают ассоциации с дворником, кухаркой, только Пушкин («наше всё») в такой роли выглядит явно нелепо («казался печальней, чем обычно»). Ирония автора («здравствовать предлагалось годовщине») звучит как горькое предостережение: если революционное настоящее растянется на годы, то страну, народы, её населяющие, ждет ад, власть сатаны («я имел много возможностей разглядеть демонический лик, который прятался за всеми этими короткими нелепицами на красном»). Недаром Пелевин говорит «прятался»: власть сатаны лицемерна, «сладкими песнями» заманивает народ в кабалу утопических идей, сама не верит в то, что говорит, преследует собственную выгоду и творит расправу над теми, кто не внял этим «песням». Имплицитно выраженный смысл «прочитывается» благодаря знакомым уже вербализаторам концепта «красный»:

*Я не мог понять, кто он. По манерам он меньше всего напоминал **красного командира**, но, тем не менее, явно был одним из них; к тому же подпись и печать на сегодняшнем приказе были такими же, как и на вчерашнем. Выходило, что у него достаточно влияния, чтобы за одно утро добиться нужного ему решения и от **кровавого Держинского**, и от этого темного **Бабаясина**.*

Таким образом, произведения И.А. Бунина содержат достаточно полный «перечень» смыслов концепта «красный». Драматизм интонации красного как символа жизни и смерти достигает наивысшего напряжения в дневниковой прозе Ивана Бунина «Окаянные дни». Писатели, разделяющие взгляды И.А. Бунина на революционные изменения в России, продолжают традиции использования вербализаторов концепта «красный», передавая смыслы (образы, ассоциации, оценки), выраженные Буниным.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь: В 2 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Сов. Энциклопедия, 1991. - Т. 1.
2. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - М.: Русский язык, 1978-1980. - Т. 2.
3. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. - М.: Просвещение, 1975.
4. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. - М.: Русский язык, 1981-1985. - Т. 2.
5. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. - М.: Русский язык, 1981-1985. - Т. 3.
6. Толково-понятийный словарь русского языка / ИЛИ РАН; А.А.Шушков. - М.: Изд-во «Астраль»; Изд-во «АСТ», 2003.
7. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа / Отв. ред. В.Н. Телия. - М.: Наука, 1984.

Н.М. Ротанова

Стилистические средства манипуляции в агитационных текстах (на материале предвыборной кампании в Курганской области)

Одной из осознанных, целенаправленных прагматических задач автора политического текста является задача формирования с помощью необходимых языковых средств определенного эмоционального состояния у реципиента. Эмоциональная память является одним из самых устойчивых видов памяти. Эмоции сильнее и непосредственнее логических рассуждений, поэтому их легче смоделировать. Политику-манипулятору влиять на психическое состояние избирателя, его сознание позволяют (кроме других языковых средств) тропы и риторические фигуры. Стилистические средства усиливают выразительность

речи, позволяют привлекать внимание адресата высказывания и удерживать это внимание. Кроме того, образительно-выразительные средства (например, метафоры) вызывают в памяти адресата живую картину, понятные ему ассоциации. Благодаря аналогиям адресант заставляет воспринимающего точнее, полнее понять мысль и пережить её эмоционально.

Частотным и наиболее эффективным выразительным средством в текстах политической рекламы являются сравнения – явные и скрытые. Откровенное принижение достоинств конкурента по политической борьбе нежелательно: это пугает избирателя, заставляет его не доверять автору хулы и жалеть обруганного конкурента. Скрытые же сравнения, на первый взгляд, только излагают преимущества кандидата на фоне всех других кандидатов или характеризуют положительные качества кандидата в связи с заявленной проблемой. Однако описание проблемы имплицитно выражает отрицательные качества конкурента.

*Надо быть очень **смелым** человеком, чтобы выступить в открытой печати с **трезвой оценкой** деятельности нынешней областной администрации и конкретно Богомолова, как это сделал Петр Назаров сотоварищи* (Из интервью со Светланой Мехниной. Курганская социальная газета).

Смелый – не поддающийся чувству страха, не боящийся опасностей, трудностей, препятствий; храбрый, отважный; стремящийся к новому (1, т. IV, с. 150); *трезвый* – руководствующийся в своих поступках, суждениях, требованиями рассудка, здравого смысла, чуждый мечтательности, фантазерства (1, т. IV, с. 403), – такова оценка журналистом С. Мехниной кандидата на пост губернатора Курганской области и его команды (*Петр Назаров сотоварищи*). Прямо ничего не говорится о качествах «нынешней областной администрации». Однако под выражением *трезвая оценка* понимается критика – отрицательное суждение о чем-, о ком-либо (1, т. I I, с. 130), мнение о качестве, достоинствах, значении кого-либо (1, т. I I, с. 730). Другими словами, имплицитно высказана отрицательная оценка областной администрации и конкретно Богомолова, а их конкуренты достойны уважения и голосов избирателей.

Разновидностью скрытых сравнений являются неопределенные, когда положительные качества кандидата не называются (или не называются отрицательные качества противника по политической борьбе), но именно они являются основанием сравнения.

*Личность Петра Назарова лишена тех **очевидных недостатков**, которыми обладает Олег Алексеевич Богомолов* (Из интервью с Александром Сергеевичем Тереховым. Курганская социальная газета).

Очевидный – такой, который легко обнаружить, заметить; явный, видимый; не требующий доказательств, несомненный, бесспорный (1, т. I I, с. 732). Безапелляционное заявление соратника П. Назарова сообщает избирателям только о положительном отношении к кандидату и отрицательном к его конкуренту. В данном случае манипуляция производится и на уровне выбора слова: если всё очевидно и не требует объяснений, то следует согласиться с оратором, в противном случае избирателю придётся признать, что он не способен замечать очевидное (т.е. себя оценить отрицательно). Любая реклама говорит о фактах, а имеет в виду ценности. Предлагая характеристику кандидата как объективные данные о нем, агитационный текст на самом деле только создает нужный манипулятору образ кандидата.

Скрытые сравнения использованы и в предвыборной газете Алексея Дудича «Дело чести».

*Партия Президента поддержала Алексея Дудича. Роль, которую играет сегодня партия «Единая Россия» в жизни нашей страны, переоценить трудно. Без преувеличения, это **партия больших возможностей**, партия, на которую может опереться сам **президент страны Владимир Путин*** (газета «Дело чести». Передовая статья).

Название газеты – «Дело чести» – уже дает оценку кандидату: Алексей Дудич обладает «совокупностью высших морально-этических принципов, личными и профессиональными достоинствами, незапятнанной репутацией» (1, т. IV, с. 672). Перечисленные положительные качества партии, которая поддержала кандидата, использование имени популярного в народе президента

как указание на достоинство партии («может опереться *сам* президент») – это основание сравнения и одновременно оценка кандидата, но не явная, а опосредованная ссылкой на авторитеты.

Один из самых распространенных приемов манипуляции информацией в агитационных материалах О.А. Богомолова – привлечение авторитетного посредника (от президента Владимира Путина до губернаторов других регионов).

Зауралье с Олегом Богомоловым – Россия с Владимиром Путиным (рядом фото жмущих друг другу руки Богомолова и Путина. – Н. Р.) (газета «Порядок и справедливость»).

Синтаксической параллелизм, сопоставительные отношения между предложениями позволяют воспринимающему уравнивать смыслы и оценки. Лозунговость, краткость выражения способствует запоминанию этого оценочного сравнения. Этот же смысл, но более пространно представлен и в следующем примере: *Первый тур завершился, большинство жителей Курганской области проголосовали за Олега Богомолова. Тем самым был еще раз подтвержден выбор годичной давности, когда в Зауралье уверенно победила «Единая Россия», и выбор, сделанный в марте этого года, когда подавляющее большинство жителей Зауралья отдали свои голоса за Владимира Путина* (газета «Порядок и справедливость»).

Выразительность данного высказывания намного меньше, нет достаточной ясности, но акценты (ключевые понятия для этого контекста) воспринимаются четко: Богомолов – «Единая Россия» (партия власти) – президент Путин. Возникает даже ассоциация с лозунгом, который во времена социалистической России скандировали на молодежных съездах: Ленин – партия – комсомол.

Менее эффектно этот популярный в политическом дискурсе прием (привлечение авторитетного посредника) использован в агитационных материалах П.И. Назарова.

В случае моего избрания правительство возглавит кандидат экономических наук, вице-президент Российского союза Промышленников и предпринимателей России, генеральный директор завода «Корвет» Анатолий

*Чернов. Руководителем аграрного сектора станет Лев Ефремов - представитель **старейшей** в Зауралье аграрной **династии** (Петр Назаров, буклет «Будем созидать вместе»).*

А Татьяна Николаенко (врач-кардиолог), понимая, видимо, что из-за постоянного применения этого приема он утратил силу воздействия, а также считая его нечестным (кандидат таким образом как бы делит будущую ответственность за свою деятельность с авторитетными посредниками), демонстративно отказывается от него.

*Я не собираюсь пробраться в Думу «**на горбу**» какого-то политического объединения, как это сейчас делают многие. Можно сказать, что я представляю партию профессионалов или партию здоровья (Татьяна Николаенко, листовка «Выбирай сердцем»).*

Сидеть на горбу (у кого-либо) – быть на содержании, иждивении, попечении, обременяя кого-либо (3, с. 418). В сознании носителей языка быть иждивенцем – плохо, а смысл выражения «быть на содержании» несет резко негативную оценку и перекликается с устаревшим «содержанка» – женщина, живущая на содержании у любовника (1, т. IV, с. 180). Татьяна Николаенко – женщина-кандидат, но, в отличие от «многих», она способна сама, самостоятельно добиваться цели, потому что она – профессионал («я представляю партию профессионалов»). Так на первый взгляд прочитывается смысл сказанного Татьяной Николаенко, однако в подтексте – привлечение авторитетных посредников, и, хотя они не названы поименно, они охарактеризованы: это люди достойные, способные очень хорошо делать свою работу (профессионалы, «партия здоровья»), они могут народу помочь в главном – сохранить/поправить здоровье (эксплуатируется стереотип «будет здоровье – будет всё»).

Оценка кандидата может быть имплицитно выражена и без привлечения авторитетных посредников, но через комплимент (положительную оценку) избирателей.

*Спасибо за то, что вы **поверили в будущее** Зауралья, положительно оценили мою работу на посту губернатора Курганской области (Олег Богомолов. Газета «Порядок и справедливость»).*

Манипулятивной в высказывании кандидата является фраза «поверили в будущее». Обращение к избирателям опубликовано в газете после первого тура голосования. Здесь поверившими в будущее называются те, кто проголосовал за Богомолова. Значит, те, кто не проголосовал за него, не верят в будущее Зауралья. «Светлое будущее» для россиянина за долгие годы советской власти стало и целью, и мечтой, превратилось в значимое аксиологическое понятие. Через отрицание «светлого будущего» (пусть даже «в исполнении» Олега Алексеевича Богомолова) имплицитно высказана негативная оценка избирателей (которые не отдали свой голос за губернатора Богомолова) и тех кандидатов, за кого эти избиратели проголосовали. В данном высказывании есть и еще одна имплицитная информация. Все, кто проголосовал за действующего губернатора, положительно оценивают его работу. А он набрал в первом туре большинство голосов. Следовательно, большинство зауральцев оценивают работу действующего губернатора как хорошую

То, что сделал Богомолов для Зауралья, может послужить хорошим примером для других, более обеспеченных регионов (Геннадий Селезнев, газета «Порядок и справедливость»).

В данном высказывании оценка губернатора представлена и явно и скрыто (т.е. читатель должен её логически вывести). *Послужить хорошим примером* – прямо высказанная оценка. Она усиливается благодаря такому манипулятивному приему, как привлечение авторитетного посредника: Геннадий Селезнев – политик федерального масштаба, и он достаточно высоко оценивает деятельность Богомолова. Упоминая о «более обеспеченных регионах», Селезнев дает понять, что в равных условиях работы Олег Алексеевич Богомолов смог бы показать более высокий уровень руководства регионом, чем другие губернаторы, – налицо скрытое сравнение.

Метафорический контекст (аналогии) также позволяет высказать оценку и кандидата, и его политического противника. Сама метафора филологами именуется скрытым сравнением: предмет сравнения прямо не назван, он только подразумевается, узнается, благодаря точно наведенной цепи ассоциаций.

Сегодня наш город в беде. Он как парусник в бушующем океане в отсутствие рулевого – шторм мотает корабль из стороны в сторону, ломает реи, рвет паруса, то и дело выносит на мели и рифы. А команде во главе с капитаном, похоже, на это наплевать (предвыборная газета Алексея Дудича «Дело чести»).

Если город – парусник, то капитан – мэр города, т.е. А. Ельчанинов (конкурент А. Дудича). Яркая, эмоциональная оценка положения дел (оно катастрофическое, по мнению автора материала) – «город в беде», а значит, и его жители, – позволяет манипулятору активизировать желание избирателя изменить положение дел. Причину бед Дудич видит в «команде во главе с капитаном», которой на проблемы горожан наплевать (наплевать – отнестись к кому-, чему-либо с пренебрежением, проявить презрительное безразличие, равнодушие (1, т. II, с. 380)). Люди не прощают такого отношения к себе властей. Как уже говорилось, противоположная оценка А. Дудича заложена имплицитно в названии газеты, он претендует на место А. Ельчанинова, он знает, какого отношения к себе ждут от него горожане, наконец, он знает основную причину бед – «отсутствие рулевого» (другими словами, мэр Ельчанинов не умеет организовать работу, не умеет руководить). Из этих импликатур можно сделать только один вывод: мэра нужно заменить, и лучшая кандидатура на этот пост – Алексей Дудич.

Манипулятивное речевое воздействие, имея целый арсенал языковых средств, определенным образом организовано как процесс. Применительно к предвыборной политической агитации это может выглядеть так: избирателям показывают, что для них хорошего может (готов) сделать кандидат (т.е. объясняют, «чего они, избиратели, хотят»), затем объясняют, почему предлагаемое кандидатом может улучшить жизнь избирателей (фактически

кандидат предлагается как средство осуществления «хочу» избирателей), наконец, сообщается способ получения «этого средства удовлетворения желания жить лучше» (средство=кандидат) – нужно за него проголосовать на выборах. Поэтому положительная характеристика кандидата, выраженная явно или имплицитно, противопоставление её оценке конкурента – это способ манипулятора сформулировать, чего же хочет избиратель (это «хочу» электората), и представить средство для реализации желания (кандидатуру претендента на место во властных структурах). Возможность получения этого «средства» может и не называться: в ситуации предвыборной агитации это понятно – отдать голос за рекламируемого кандидата.

Еще один вид имплицитной информации – это прагматические пресуппозиции, т.е. пресуппозиции, касающиеся знаний и убеждений адресата и адресанта. Прагматическая пресуппозиция, в отличие от семантической, оказывается несостоятельной, если адресат ничего не знает о том, что имплицитно утверждает адресант. Например, манипулятору чрезвычайно важно учитывать прагматические пресуппозиции в таком жанре предвыборной агитации, как фельетон-сказка.

Не было житья в Круганской области от Богомола-разбойника. Много лет сидел он на дереве и день-деньской свистел. Свистел хорошо – профессионально. Были у него три любимые мелодии. Одна называлась «Я решаю ваши проблемы», другая – «Мы будем жить хорошо», а третья – «Я самый-самый, и нет меня прекрасней» (газета «За преобразование Зауралья с Петром Назаровым». «Сказка о том, как Петр Назарович Богомола-разбойника победил и Круганскую область от гибели спас»).

В одной захолустной губернии во времена рыночных отношений жил-был генерал-губернатор Боголомов. Народ он не жаловал, зато Богу молился усердно. И звали его Бога – Нажива. Тридцать лет и три года правил Боголомов губернией и непременно в нужное время жертвы своему Богу приносил. То врачей без довольствия оставит, то преподавателей словесности на

заклание пошлет (газета «За преобразование Зауралья. Для тех, кто верит в лучшее». «Сказка о том, как один Губернатор нефть нашел»).

При использовании иносказания манипулятору необходимо заранее отработать все интерпретации сообщения, в том числе и те, которые входят в противоречие с прагматической пресуппозицией. Например, в ноябре 2004 года в теледебатах фрагмент фельетона-сказки был использован оппонентом как контраргумент благодаря интерпретации, которая противоречит содержащейся в тексте прагматической пресуппозиции. Используя прием «бумеранга» (подхвата реплики), О.А. Богомолов сумел высказать резко отрицательную оценку своего конкурента – Петра Ивановича Назарова.

Вот я в руках держу Вашу газету «За преобразование Зауралья». Вы часто говорите, что любите свое Зауралье, уважаете свой народ. Я читаю в этой газете, которую Вы выпускаете: «В Курятинской области овечьё население... овечьи стада... овцы вглядывались в предвыборные плакаты, самые умные овцы догадались: идёт речь о Терентии Пальцеве, курганском (оговорка: в газете – курятинском) хлеборобе... овцы-пенсионеры» и т.д. Как Вы расцениваете свою любовь к народу и вот с такой писаниной в Ваших изданиях? Как-то не вяжется Ваша доброта, Ваше уважение и Ваши высказывания по поводу Вашей любви к краю, к людям, если Вы называете их овцами.

Логически выводимая импликатура: губернатор должен уважать, ценить жителей вверенной ему области, оппонент (и конкурент в данном случае) не таков, следовательно, не достоин должности губернатора. Однако фельетон в информационном бюллетене нельзя считать адекватным доводом для доказательства «нелюбви к народу». Кроме того, аллегорический смысл фельетона скорее говорит о сочувствии населению, которое не может за себя постоять и наивно связывает свои надежды на лучшее будущее с выборами. В действительности сатирический пафос фельетона направлен на так называемых «чужаков» (т.е. кандидатов на должность губернатора Курганской области – жителей Екатеринбурга и Москвы). Образ овцы в данном случае связан с фразеологизмом *волк в овечьей шкуре*, вынесенным автором в заглавие и

характеризующим кандидатов-чужаков (волк в овечьей шкуре – человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели; лицемер (3, с. 74)). Агитационные материалы самого Олега Алексеевича Богомолова содержали не менее резкие, по смыслу совпадающие с содержанием процитированного фельетона выпады против названных кандидатов. Приёмы метафорического использования слов создают ситуацию, когда очевидная ложность прямого смысла высказывания (т.е., по Г.П. Грайсу, нарушение постулата качества – истинности) заставляет адресата искать в высказывании скрытый смысл. Можно предположить, что О.А. Богомолов неверно истолковал этот смысл и действительно оскорблен сравнением зауральцев с овцами. Однако коммуникативный контекст дает нам основания утверждать, что это не так. Не раз жители области (кстати, благодаря телевидению) становились свидетелями достаточно грубой реакции действующего губернатора на критику в его адрес, а первые строчки фельетона (помещенного под рубрикой «Быль») указывают именно на Богомолова: «Дела в Курятинской области шли неладно <...> с надеждой ждали выборов, чтобы поставить на место областного главы кого-то, кто сможет преодолеть курятинский кризис»¹. Так что не только незнание адресатом прагматической пресуппозиции, но и намеренное её игнорирование может привести к коммуникативной неудаче.

*В семье медведей завелось насекомое **Богомолы** – отряд хищных насекомых, близких к таракановым. Наиболее характерный признак **Богомола** – устройство передней пары ног, вооруженных сильными шипами и служащих для захватывания добычи... **Богомолы** – типичные хищники (газета «Выбери меня!». Вып. 1).*

Аллегория – выражение отвлеченных понятий в конкретных образах. В агитационных текстах использование иносказания позволяет обозначить и высмеять отрицательные моральные качества конкурента. Символом (логотипом) партии «Единая Россия» является медведь. Герой сказки-фельетона носит имя,

¹ Подробнее об этом см.: Ротанова Н.М. Диалог в прямом эфире: постулаты коммуникации в предвыборных теледебатах// Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации: Материалы Международной научной конференций. – Пермь: ГОУ ВПО Пермский государственный университет, 2005. – С. 131-139.

созвучное имени действующего губернатора области. Рассказывая о нравственных качествах героя повествования, «сказочник»-манипулятор, создавая непривлекательный ракурс, работает на понижение имиджа конкурента. В иносказании идет речь о неожиданном и быстром вступлении губернатора О.А. Богомолова в «Единую Россию» – перед выборами, по мнению автора материала, чтобы заручиться поддержкой лидеров или известных членов популярной в народе партии. Так подчеркивается лицемерие, изворотливость, хитрость, а также качество, которое прямо названо в тексте: «Богомолы – типичные хищники». Хищник – тот, кто обогащается на разорении, эксплуатации кого-либо; хищничество – поедание хищниками других животных; образ действия, свойственный хищнику (1, т. IV, с. 600). Такая характеристика – намек на грубость и вседозволенность губернатора, а определение «типичный» говорит о том, что эти качества присущи человеку постоянно, они не случайны в его характере, это его натура. Представление избирателей об общественно значимых ценностях (любовь к ближнему, нравственность, справедливость) позволяет манипулятору сформировать нужную ему эмоцию.

Метафорический смысл другого текста – листовки Алексея Иванова – перекликается с выше описанным образом действующего губернатора.

*Сегодня подлизы губернатора обложили меня, как загнанного волка, красными флажками. Но ни с чем останутся **политические охотники**, если вы, мои избиратели, скажете мне «да»* (А. Иванов. Листовка «Правда – ложь избиркома»).

Прямое значение слова *охотник* – тот, кто преследует зверя или птицу с целью истребления (1, т. II, с. 729). В словаре публицистики определяется понятие «политические охотники» через толкование слова *охота*: *перен., негат.* - деятельность, направленная на привлечение на свою сторону (с использованием любых средств) кого-либо (населения, избирателей и т.п.); жестокое преследование кого-либо (2, с. 379). Этот образ поддерживается сравнением «обложили, как загнанного волка» и отрицательно окрашенным –

«подлизы губернатора»: подлизаться – лестью, угодливостью снискать чьё-либо расположение (1, т. III, с. 196). Как говорится, короля делает свита.

Таким образом, наиболее частотными стилистическими средствами, использованными в манипулятивных речевых тактиках во время предвыборной борьбы в Зауралье, являются: сравнения (причем чаще скрытые и неопределенные), метафоры и аллегории.

Список литературы

1. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. - М.: Русский язык, 1981-1985.
2. Солганик Г.Я. Толковый словарь. Язык газеты, радио и телевидения. - М.: Астрель, 2002.
3. Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л. А. Войнова и др.; Под ред. А. И. Молоткова. - М.: Русский язык, 1994.

Р.П. Сысуева

Ревизская сказка 1834 года о купцах города Кургана как лингвистический источник

В течение XVIII - XIX веков в России было проведено десять ревизий податного населения для учета их подушного обложения и воинской повинности. Первичным материалом при их проведении были ревизские сказки – списки, в которых поименно перечислялись все взрослые, относящиеся к податным сословиям, их дети, внуки и другие родственники.

В Государственном архиве Курганской области хранится рукописная ревизская сказка 1834 года на жителей города Кургана – купцов, мещан, цеховых и отставных солдат (ф. 8 оп. 1 д. 6. 92 л.). Она не издавалась и не была предметом исследования в лингвистическом отношении. Между тем введение ее в научный оборот позволяет шире и глубже судить о состоянии делового стиля русского

литературного языка в первой половине XIX столетия и в формировании общенациональных норм русского языка в целом.

Нами рассмотрен язык части этой ревизской сказки, относящейся к сведениям о купцах «второй и третьей гильдии» (лл. 3-15, см. табл. 1).

Специфика жанра этого фискального документа обусловила наличие в нем богатого материала по антропонимике.

Так, главы купеческих семейств, их братья и внуки мужского пола обозначены полными трехчленными именованиями, свидетельствуя о сложении в русском языке трехчленной антропологической системы; *купцы: Иванъ Ивановъ Корсаковъ, 4об; Алексей Дмитръвъ Багшеевъ, 5об; Иванъ Петровъ Никифоровъ, 6об; Стефанъ Архиповъ Слепцовъ, 8об; братъ: Гаврила Кондратьева братъ Андрѣй Кондратьевъ Деминъ, 13об; внук: Алексея Дмитриева внукъ Василий Тимофѣвъ Багшеевъ, 5об.*

При перечислении родных сыновей и дочерей, жен купцов указывается только имя: *Феофанъ Федоровъ Горбатовъ – Феофановъ сынъ Иван, 6об; Ивана Феофанова жена Агафья, ево же дочери Домна, Анна, 7; при перечислении других родственников по женской линии указываются имя и фамилия: Александръ (так в ркп) Иванова мать Василиса Викулова, 10; Алексея Дмитръва сноха Екатерина Григорьева, 6.*

Употребляются только христианские личные имена.

Текст сказки позволяет проследить северновеликорусскую особенность в родовой характеристике и склонении личных имен: в трех случаях мы отмечаем мужские имена на –о: *Данило Ивановъ Шушаринъ, 12об; Гаврило Кондратьевъ Деминъ, 13об; Михайло Стѣпановъ Саматовъ, 14.* Они склоняются по мужскому роду: *Данила Иванова жена Стѣфанида, 13; Гаврила Кондратьева жена Марья, 14.*

В тексте находим 31 название лиц мужского пола: *Иван – 14 словоупотреблений, Василей – 13, Николай – 7, Петръ – 6, Алексей – 6, Андрей – 5, Дмитрей – 5, Александръ – 4, Стефанъ – 4, Григорій – 4, Гаврило – 3, Федоръ, Сидоръ, Ларіонъ, Игнатей, Данило – по 2 раза. Единичными выступают: Абрамъ,*

Акинфъ, Евграфъ, Евгений, Егор, Илья, Константинъ, Михайло, Тѣрентей, Осипъ, Феофанъ, Яковъ.

В сказке зафиксированы 23 имени собственных, обозначающих лиц женского пола. По частотности они располагаются так: *Александра, Анна, Екатерина, Марья – по 5 словоупотреблений; Парасковья – 3; Арина, Анисья, Аграфена, Василиса, Ольга, Пелагея – 2; Агафья, Авдотья, Афрасинья, Домна, Дарья, Евгения, Лукерья, Меланья, Надѣжда, Стѣфанида, Серафима, Фекла – 1.*

Из 44 фамилий самые частотные: *Петровъ – 8 словоупотреблений, Ивановъ – 8, Дмитрѣвъ – 7, Феофановъ – 4.* Образованы с помощью суффиксов *–ов/ев – 4, с –ин 4.*

В тексте представлена тематическая группа наименований родства: по прямой линии: *мать – 10, съ отцом своимъ, 7об; внукъ, 5об; сынъ, боб; другой сынъ боб; трѣтій сынъ, боб; дочь, 9, дети, боб;* по боковой линии: *братъ, 13об; сестра, 14;* по свойству (по отношениям, возникшим в результате брачного союза): *жена, 7, сноха, 6.*

В сказке находим наименования людей по социальной и территориальной принадлежности, по роду занятий: *изъ вольскихъ купцовъ, 3об; изъ крѣстьянъ Вязниковской округи, 8об; изъ ялutorовскихъ купцовъ, 4об; изъ тобольскихъ мещанъ, 10об; изъ вязьмиковскихъ купцовъ, боб; изъ московскихъ купцовъ, 10об; изъ крестьянъ Челябинского уезда, 11об; изъ саратовскихъ купцовъ, 11об; изъ курганскихъ мѣщанъ, 12об; перѣчисленъ въ мещанѣ, 4об.*

Форма сказки (вступление, основная часть, заключение) предопределила широкое функционирование терминологической лексики и фразеологии фискального делопроизводства: *ревизская сказка, 3; причисленъ по указу, 3об; перѣчисленъ ... въ ту же гильдію, 3об; по последней ревизіи состояло и после оной прибыло ... выбыло, 4об; нынѣ налицо, 3об; во врѣмянной отлучкѣ, 4; за нѣобъявленіемъ капитала перѣчисленъ, 4об; записанъ въ списокѣ, 5об; итого мужеска ... женска пола налицо, 11об,12; все души ... въ наличности бывшія показаны, приписныхъ нетъ, 14; сказкосоставитѣль ... руку приложилъ, 14.*

Названия административных и территориальных учреждений, имеющиеся в сказке: *перѣчислень по городу Тюменю, 3об; Смоленской волости, 8об; Тобольской губернии, города Кургана, 3; по указу Тобольской казенной палаты, 3об; изъ Вязниковской округи, 8об; изъ Челябинского уезда, 11об.*

В сказке заслуживают внимания некоторые фонетико-морфологические и словообразовательные данные. Именно в них находим отступления от норм официально-делового стиля в сторону живой народно-разговорной, иногда диалектной речи.

В области гласных наблюдаем смешение букв **ѣ** и **е**, употребление их без этимологической точности как под ударением, так и в безударном положении, как в основах слов, так и в окончаниях; что свидетельствует о том, что эти буквы передавали один звук [э]:

жѣ, 3об – же, 10; нынѣ, 3об – ныне, 7; врѣмянной, 4 – времянной, 6; лѣта, 11 – лета, 4; дѣти, 4 – дети, 8об; въ отлучкѣ, 4 – въ отлучке, 5; рѣвизии, 8об – ревизии, 3об; послѣ, 4об – после, 6об; дѣкабря, 4об – декабря, 10об; помѣрь, 12об – помер, 6об; Василѣй, 7об – Василей, 6об; мужѣска (пола), 9об – мужеска, 3об; новорождѣнной, 5об – новорожденной, 6об; мѣщань, 12об – мешчань, 12об; мѣсяцовъ, 6об – месяца, 10; Семѣновъ, 4об – Семенова, 6; жѣны, 12 – жены, 6; Екатѣрина, 9 – Екатерина, 10.

В ревизской сказке находим единичные случаи прямого и косвенного отражения аканья: *Тобольская палата, 5об – 18 словоупотреблений; Стѣфанъ Егоравъ, 11об; Гаврило Кандратьевъ, 13об; Александръ Ивановъ Полаумовъ, 9об; усиление лабиализации ударного **о**: Корсаковъ, 4об – Курсаковъ, 3об.*

В области согласных отмечаем наличие и отсутствие протетического **в** перед начальным лабиализованным **о**: *к осмнатцатому июля тысяча восемсотъ тритцать четвертаго года, 14.*

Имеют место упрощения групп согласных, выпадение согласных, отвердение **ц** и **ш**: *к осмнатцатому, тритцать, шездесять – 14; Баушкинь, 10 об; месяцевъ, 9об; душъ, 14.*

Обращаем внимание на образование и функционирование сложного слова *сказкосоставитѣль* (л.14), употребленного в заключении сказки. Это новообразование. Оно не зафиксировано «Словарем русского языка XI-XVII вв.», но имеет место в «Словаре русского языка» В.И. Даля (1955, т. IV, с. 190).

Сведения по морфологии ограничены жанром. Преобладают имена существительные, имеют место прилагательные, местоимения, числительные и причастия. Имена собственные мужского рода в им.п. ед.ч. имеют в основном живую, разговорную форму на **-ей**: *Василей, 7об; Алексей, 5об; Андрей, 8об; Дмитръѣй, боб; Игнатей, 9об*. Но и книжную на **-ій**: *Григорій, 8об; Евгеній, 9об*. В род.п. ед.ч. **-ья**: *Василья, 8; Григорья, 8; Игнатья, 10*.

В им.п. ед.ч. мужского рода полных прилагательных находим окончания **-ой**: *новорожденной, боб*; и **-ій**: *курганскій мещанин, 14*.

В род.п. ед.ч. сохраняется окончание **-аго**: *съ котораго врѣмяни, 4; четвертаго года, 14*.

В им.п. мн.ч. находим книжную, архаическую флексию **-ья/ія** у прилагательного и причастия: *новорожденныя (дѣти), 8об; бывшія (души), 14*.

Местоимение **онь** содержит две формы: *ево (сноха, дочь, сестра, сынъ), 14 – 17 словоупотреблений, его (сынъ), боб – 1 раз; того (года), 4об*.

Сложное числительное восемьсот в тексте передается двумя самостоятельными словами: *тысяча восемь сотъ тритцать четвертаго года, 14*.

Канцеляритом является краткая форма относительного прилагательного в род.п. ед.ч.: *итого мужеска пола налицо, боб; женска пола, 4*.

В сказке находим слитное написание существительного с предлогом: *причислень сначала того года, 4об – 17 словоупотреблений*, но и: *поступил съ начала года, 12об*. Разнобой в орфографии объясняется формированием класса наречий в этот период.

Таким образом, краткое обозрение ревизской сказки, датированной и локально приуроченной, дает представление о функционировании деловой разновидности русского языка. В целом в ней отражены книжные черты с

элементами разговорного. Диалектные черты Зауралья отсутствуют. Язык сказки не выходит за пределы литературной речи.

В таблице 1 мы публикуем копию этой ревизской сказки.

Ревизская сказка
тысяча восемь соть тридцать / четвертаго года июля
семнатцатаго дня подписанная того жь числа / Табольской
губернии города Кургана купцамъ второй и третей гилдии
(ГАКО, И-8. Оп.1. Д.1. лл.3-14)
Публикация

Се- мьи	Мужеской поль	по последней ревизии состояло и после оной прибыло	изъ того числа выбыло	нынѣ налицо	Женской поль	во врѣмянной отлучкѣ	Нынѣ налицо
№	Купѣць 2-й гилдии	Лета	когда имянно	лета	Купца 2-й гилдии жена и дѣти	съ котораго врѣмяни	Лета
1	Егоръ Федоровъ Курсаковъ	причислень по указу Табольской казенной полаты отъ 19 января 1818 года за № 239 из вольскихъ 2-й гилдии купцовъ въ начало того года	По указу оной жѣ полаты отъ 24 дѣкабря 1821 года за № 9134 перѣчислѣнь съ 1822 года по городу Тюмену в ту же гилдию				

Семья и №	Мужеской поль	по последнЭй ревизіи состояло и послЭ оной прибыло	изъ того числа выбыло	нынѣ налицо	Женской поль	во врѣмянной отлучкѣ	Нынѣ налицо
1	Иванъ Ивановъ Корсаковъ Купцы 3-й гилдіи	36 лета	Съ 1817 года за нѣобъявленіемъ капитала перѣчисленъ по городу Кургану в мещанѣ гдѣ и записанъ под № 172	лета	Купцевъ 3-й гилдіи жены и дѣти	съ котораго врѣмяни	Лета
2	Федоръ Семѣновъ Баженовъ	причисленъ по указу Табольской казенной полаты отъ 1-го февраля 1824 года за № 178 сначала того года изъ крѣстьянъ вязниковской округи	За нѣобъявленіемъ капитала перѣчисленъ въ курганскіи мещанѣ съ 1827 года и записанъ въ списокѣ под № 171				
3	Петръ Егоровъ Бело (дедовъ)	причисленъ по указу Табольской казенной полаты	За нѣобъявленіемъ капитала перѣчисленъ въ				

		отъ 3 дѣкабря 1832 года за № 4746 сначала 1833 года изъ ялуторовскихъ 3-й гилдіи купцовъ	отъ 3 дѣкабря 1832 года за № 4746 сначала 1833 года изъ ялуторовскихъ 3-й гилдіи купцовъ	курганскіи мещанѣ съ 1834 года гдѣ и записанъ въ списокѣ под № 209				
4	Марьи Семѣиной дети <u>Пиленковы:</u> Левъ Ильинъ Акинфъ Ильинъ	причислены по указу Табольской казенной полаты отъ 22 дѣкабря 1832 года за № 5043 сначала 1833 года изъ табольскихъ мещанъ	причислены по указу Табольской казенной полаты отъ 22 дѣкабря 1832 года за № 5043 сначала 1833 года изъ табольскихъ мещанъ	За нѣобъявлѣніемъ капитала съ 1834 года перѣчисленъ въ курганскіе мѣщанѣ, гдѣ и записаны въ списокѣ под № 210		Марья Семенова Пилѣнкова		
5	Алексей Дмитрѣвъ Багашевъ Алексеевъ сынъ Тѣрентей Алексея Дмитрѣва	причисленъ по указу Табольской казенной полаты отъ дѣкабря 1817 года за № 6571 1818 года, изъ вязниковскихъ 2-й гилдіи купцовъ	причисленъ по указу Табольской казенной полаты отъ дѣкабря 1817 года за № 6571 1818 года, изъ вязниковскихъ 2-й гилдіи купцовъ		73	Алексея Дмитрева жена Авдотья Терѣнтѣева жена Ульяна Алексея Дмитрѣва сноха Екатерина Григорьева Ево же другая сноха Марья Тимофѣева	67 21 32 24	
					24			
					12 ½			

	внукъ Василей Тимофѣевъ Багашевъ	новорождѣнной					
6	Иванъ Петровъ Никифоровъ Ивана Петрова Дети: Александръ Петръ Василей Николай Иванъ Григорій				47	Ивана Петрова жена Анна	34
					12 11 8 5 3 мѣсяц овъ 6		

7	Феофанъ Федоровъ Горбатовъ		причисленъ по указу Табольской казенной полаты отъ 20 января 1817 года за № 324. Сначала того года изъ московскихъ 3-й гилдіи купцовъ новорожденныя	50 27 4 10 8	Ивана Феофанова жена Агафья Ево же дочери: Домна Анна	50 24 11
8	Василѣй Феофановъ Горбышовъ Василья Феофанова Дети:		Причисленъ по указу Табольской казенной полаты отъ 30 ноября 1818 года за № 7723 съ 1819 года изъ вязниковскихъ 3-й гилдіи	48	Василья Феофанова жена Парасковья Ево же Дочери: Пелагея Анна Аграфена Арина	47 13 12 8 4

	Илья Петрь		купцовъ	10 7				
			новорожденной новорожденной новорожденной					
9	Абрамъ Феофановъ Горбышовъ	причисленъ съ вместѣ своимъ отцомъ своимъ выше под № 7-м показаннымъ и отдѣленъ съ 1820 года	причисленъ съ вместѣ своимъ отцомъ своимъ выше под № 7-м показаннымъ и отдѣленъ съ 1826 года новорожденныя				-	-
10	Григорій Федоровъ Козловъ	причисленъ по указу Табольской казенной полаты отъ 1-го сентября 1823 года за № 6294 начала того года изъ взынковскихъ 3-й гилдіи купцовъ	помѣръ въ 1831 году			Григорья Федорова жена Парасковья Ево же Дочь Александра	42 7	
11	Павѣль	причисленъ по	Убить въ 1828			Павла Александрова	32	

	Александровъ Фоняковъ	указу Табольской казенной полаты отъ 12 февраля 1825 года за № 297 сначала того года изъ табольскихъ мещанъ	году		жена Екатерина	
12	<p>Стефанъ Архиповъ Слепцовъ</p> <p>Стефана Архипова Дети: Константинъ Александръ Григорій Петръ Иванъ</p>	<p>причисленъ изъ крѣстьянъ Смолинской волости по указу Табольской казенной полаты отъ 23 октября 1825 года за № 3339 сначала 1826 года новорожденныя</p>		44	<p>Стѣфана Архипова жена Анна Ево жѣ Дочери: Александра Марья</p>	40 16 15
				17 11 5 1 ½ 1/2		

13	Андрей Петровъ Карповъ Андрѣя Петрова сынъ Ларіонъ Ларіоновъ сынъ Яковъ Андрѣя Петрова другой сынъ Сидоръ Ево жѣ трѣтій сынъ Гаврило	причисленъ изъ крѣстьянъ вязниковской округи сначала 1829-го года по приказу Табольской казенной полаты отъ 4 августа 1828 года за № 313 новорожденной новорожденной	63	Андрея Петрова жена Екаѣрина Ево же Дочь Дарья Ларіона Андрѣева жена Анисья Ево жѣ Дочь Марья Сидора Андрѣева жена Лукерья Ево жѣ Дочь Василиса	56 21 30 2 мѣсяц овъ 30 8
14	Николай Петровъ Такорѣвъ Николаевъ сынъ Евгеній	причисленъ изъ уфимскихъ 3-й гилдии купцовъ сначала 1831 года по приказу Табольской казенной полаты отъ 21 генваря 1831 года за № 181 новорожденной	32	Николая Петрова жена Анисья	21

15	Игнагей Михаиловъ Даниловъ	причисленъ изъ табольскихъ мещанъ сначала 1831 года по указу Табольской казенной полаты отъ 18 февраля 1831 года за № 566	60	Игнатя Михайлова жена Аграфена Ево жѣ дочь Екатерина Ивана Игнатъева жена Серафима Дмитрѣя Игнатъева жена Екатерина Ево же дочери: Александра Марья	58 19 28 18 1 1 месяца
16	Александръ Ивановъ Полаумовъ Александровъ сынъ Иванъ	новорожденной Причисленъ изъ табольскихъ мещанъ сначала 1837 года по указу Табольской казенной полаты отъ 5 генваря 1833 года за № 18 Новорожденной	32 ½ 3-х месяцо въ	Александръ (так в рп) Иванова мать Василиса Викулова Ево жѣ жена Александра	58 22
17	Петръ Дмитрѣвъ Калмыковъ	Причисленъ изъ табольскихъ мещанъ сначала 1833 года по указу Табольской	55	Петра Дмитрѣва жена Анна Ево жѣ дочь Александра Николая Пѣтрова жена Анна	52 10 20

	<p>Петра Дмитрива дѣти: Александръ Николай Павель Евграфъ Алексей Федоръ</p>	<p>казенной полаты отъ 22 декабря 1832 года за № 5039-м</p>		<p>26 25 22 20 19 14</p>			
<p>18</p>	<p>Дмитрій Ивановъ Баушкинъ</p>	<p>Причисленъ изъ челябинскихъ 2- й гилдіи купцовъ сначала 1834 года по указу Табольской казенной полаты отъ 15 декабря 1833 года за № 5072</p>		<p>67</p>	<p>Дмитрія жена Марья Иванова</p>		<p>54</p>

19	Василѣй Ивановъ Хлызовъ	причисленъ изъ крестьянъ Челябинскаго уезда сначала 1833 года, по указу Табольской казенной полаты отъ 15-го апреля 1833 года, за № 1392		52 ½	Василья Иванова жена Надѣжда Ево жѣ дочери: Аграфена Афросинья Арина Василья Васильева жена Меланья Ево жѣ дочери: Александра Екатерина	52 22 19 18 36 10 2
20	Василья Иванова сынъ Василѣй Василья Васильева дѣти: Горгонъ Данило Иванъ Осипъ Василья Иванова другой сынъ Иванъ	причисленъ изъ Саратовскихъ 3- й гилдіи купцовъ сначала 1834 года, по указу Табольской казенной полаты отъ 15 дѣкабря 1833 года за №		43 ½ 10	Стѣфана Егорова дочь Евгенія	8
	Стѣфановъ сынъ					

	Александръ	5106 новорожденной							
21	Алексей Дмитръвъ Кузнѣцовъ	поступилъ изъ курганскихъ мѣщанъ 1827 года	53	Алексея Дмитръва жена Фекла			61		
22	Василѣй Петровъ Стрѣльниковъ	поступилъ изъ курганскихъ мѣщанъ 1832 года	43	Василья Петрова жена Парасковья			45		
	Васильевъ сынъ Дмитръй		20	Дмитръя Васильева жена Авдотья			20		
23	Данило Ивановъ Шушаринъ	поступилъ изъ курганскихъ мѣщанъ 1833 года	55	Данила Иванова жена Стѣфанида			60		
24	Николай Алексеевъ Кузнѣцовъ	поступилъ изъ курганскихъ мѣщанъ 1826 года	-	-			-		

25	Гаврило Кандратьевъ Деминъ	поступилъ изъ курганскихъ мѣщанъ съначала 1832 года	изъ новорождѣнной		31	Гаврила Кандратьева жена Марья ево жѣ дочь Ольга ево жѣ сестра Ольга	30 7 20
	Гавриловъ Николай Гаврила Кандратьева Андрѣй Кандратьевъ Деминъ	сынъ			1 ½ 22		

Всего жѣ наличныхъ мужеска пола 61 душа

Въсего въ сей рѣвизской сказкѣ заключаются наличныхъ душъ мужеска пола шездесять одна и женска пола пятьдесятъ четыре души

Что въ сей рѣвизской сказкѣ все души къ осмнатцатому июля тысяча восемь сотъ трицать четвертаго года въ наличности бывшія показаны и приписныхъ нетъ в томъ сказкосоставигѣль курганскій мещанинъ Михаило Стѣпановъ сынъ Саматовъ руку приложилъ.

Ревижская скаска 1816 года июля 31 дня Тоболской губернии города Кургана
(Государственный архив Курганской области:
фонд 8, опись 1, дело 2)
Публикация

(мещанъ из купцов)

семь и	мужеской поль	по последней ревизіи состояло и после оной прибыло	изъ онаго выбыло	нынѣ налицо	женский поль	во времен- ной отлучкѣ	нынѣ налицо
№	Мещанѣ	лѣта	Когда имянно	лѣта	жены и дѣти купцовъ	с кото- раго времени	лѣта
1	3 ^и гильдіи Савостьянъ Гавриловъ Михалевъ	37	Поступилъ первоначално в купцы 2 гилдіи въ 1794. Курганской округи Утяцкой волости изъ государственныхъ крестьянъ в сію ж гилдію былъ причисленъ въ		-	-	-

2	Степанъ Степановъ сынъ Саматовъ Степана Саматова дѣти Михайло Александръ	54 25 5	1796 и считаясь в'оной с переходом однако ж из оной въ курганскіе мещанѣ в разные года наконецъ осталса во оныхъ мещанеѣ съ 1815	поступил в купцы 3 гилдіи въ 1794. Курганской округи Смолинской волости из крестьянъ и перехода в сеи гилдеи а потомъ в Курганскихъ мещанехъ в разныя года наконецъ осталса и состоить в мещанехъ съ 1813					

3	<p>Купцы</p> <p>Иванъ Даниловъ Хворостовъ Ивана Данилова дѣти Александръ Степанъ Андрей Иванъ</p>	<p>29 ½</p> <p>9</p> <p>8</p> <p>5</p> <p>4</p>	<p>поступили въ купцы 3 гилдіи въ 1793 году города Тюмени изъ мещанъ и оставаясь в сеи гилдіи до 1813 во оной годъ причисленъ в курганскіе мѣщанѣ</p>				
4	<p>Василій Васильевъ Бологовъ</p>	<p>38</p>	<p>поступил в купцы 3 гилдіи въ 1791 изъ тюменскихъ мещанъ и оставаясь в сей гилдіи до 1815. во оной годъ причисленъ в курганскіе мещанѣ</p>				
5	<p>Иванъ Егоровъ Бачаговъ</p>	<p>35</p>	<p>поступил в купцы въ 1808 изъ курганскихъ мещанъ и оставался во ономъ званіи до 1813. в томъ году</p>				

6	Алексей Дмитревъ Кузнецов	31	поступилъ обратно в тѣ ж мещанѣ	поступилъ обратно в тѣ ж мещанѣ	поступилъ въ купцы въ 1803 из курганскихъ мещанъ и оставаясь во ономъ званіи до 1813. в томъ году поступилъ обратно в те жъ мещанѣ	—			
7	Иванъ Ивановъ Карсаков	32	поступилъ въ купцы въ 1809 изъ курганскихъ мещанъ и оставаясь в семь сословіи въ 1813; и 1814. обратно в мещанѣ съ 1815. Состоитъ паки в прежнемъ купеческомъ званіи	поступилъ въ купцы въ 1809 изъ курганскихъ мещанъ и оставаясь в семь сословіи въ 1813; и 1814. обратно в мещанѣ съ 1815. Состоитъ паки в прежнемъ купеческомъ званіи	36	Ивана Иванова жена Александра Ивана Иванова дочери Александра Серафима Юлія Надежда	30	30	9 5 4 1
8	Александръ Ильинъ Филатъевъ	5	поступилъ въ курганскіе мещанѣ въ 1813	поступилъ въ курганскіе мещанѣ въ 1813	8				

				изъ котораго общества и купцомъ въ 1811 былъ записанъ					
9	Алексей Иванов Дубровскіѹ	25		поступилъ в курганскіе мещанѣ въ 1813. в купцы же поступилъ въ 1810 изъ тюменскихъ мещанъ					
10	Василии Федотовъ Чарышевъ	33		оступилъ в курганскіе мещанѣ въ 1813. в купцы же изъ таковыхъ же екатеренбургскихъ въ 1811					
11	Василья Федотова снъ Александръ	7							
1	Афонасій Ивановъ Арямовъ Афонасьевъ сынъ Степанъ	53 13	57 17		Афонасья Иванова жена Фекла его дочери Анна Дарья Евгенія Якова Афонасьева жена		38 12 4 1/2 1 1/2		
2	Яковъ Афонасьевъ Молодыхъ	42		Умеръ въ 1811 ^м и по указу			1		45

				Тобольской казенной полаты от 8 мая 1813 за № 1326 яко ошибкой показанной из общества и оклада изключень			Авдогья		
3	Иванъ Яковлевъ Шалабановъ Ивана Яковлева от первой жены, сынъ Дмитрій его же отъ второй жены дети Илья Федоръ Алексей Николай	49 16.4 мцов 12 11 4 новорожден			53 20 16 15 8 2 ½	Ивана Яковлева жена Авдогья его же дочери Ольга Палагья		40 7 5	
4	Егоръ Ивановъ Шалабановъ	18			22	Егора Иванова жена Катерина		29	
5	Иванъ Максимое Поповъ Ивановъ сынъ Дмитрий	39 3			43 7	Ивана Максимова жена Степанида его же дочери Варвара Палагья Марья		46 18 15 13	

6	Павѣль Максимовъ Поповъ Павла Максимова дети Евдоким Александръ Петръ	36 10 6 2			40	Павла Максимова мать Анна Федорова Павла Максимова жена Степанида его же дочери Александра Евгѣнія Анна	79 41 17 4 2
7	Михаило Ивановъ Сомовъ	79			83	Михаила Иванова сноха вдова Авдотья Дорофѣева	53
8	Семень Ивановъ Анелвовъ Лотинъ Семена Иванова сынъ Василій	31 6			35 10	Семена Иванова жена Алена его же дочери Анна Филанцета Марья	29 12 6 5
9	Дмитріи Алексѣвъ Черныхъ Дмитрея Алексѣва снъ Петръ его жъ внукъ незаконнорожденной дочью девкой Аленой Дмитрій Ивановъ	46 17 Новорожденной	рекрут с 1813		50 2 ½	Дмитрея Алексѣва жена Настасья	48
10	Павѣль Никифоровъ Осокинъ Павловъ сынъ Федоръ	56 26	Умеръ въ 1813		60	Павла Никифорова жена Дарья	46

11	Андрей Афонасьевъ Бардинъ Андрея Афонасьева дѣти Афонасей Степанъ	32 7 3	Умеръ въ 1813	11 7	Андрѣя Афонасьева дочь Палагѣя	2 ½
12	Василій Петровъ Апачинской	46	умѣръ въ 1816		Василья Петрова жена Матрена пріемышь ево Наталья Иванова	46 13
13	Алексѣй Дорофѣевъ Власовъ Алексѣя Дорофѣева дѣти Александръ Федоръ	40 14 13		41 18 17	Алексѣя Дорофѣева жена Авдотья его же дочери Парасковья Марья	37 14 12
14	Семень Дорофѣевъ Власовъ Семена Дорофѣева дети Степанъ Александръ Николай	31 8 4 1		35 12 8 5	Семена Дорофѣева жена Парасковья его же дочери Кагерина Александра Елисафета Анна	33 14 10 9 3

15	Иванъ Петровъ Власовъ Ивана Петрова братъ, Петръ Петровъ Власовъ Петровъ сынъ Степанъ	31 24 Новорожден ной	Умеръ въ 1812	28 $\frac{1}{2}$	Петра Петрова жена Варвара	24
16	Степан Петровъ Власовъ	27		34	Степана Петрова мать Федосья его же сестра Палагѣя Степана Петрова жена Парасковья принятая в дворъ Анна Иванова	58 20 26 6
17	Семень Дорофѣевъ Кропанинъ Семена Дорофѣева дети Иванъ Николай	39 7 6		43 11 10	Семена Дорофѣева жена Настасья его же дочери Маремьяна Вѣра Олга Анна	41 18 16 4 1
18	Иванъ Григорьевъ Губановъ Ивана Григорьева дети Егоръ Савелей	55 21 17 $\frac{1}{2}$		59 25 Рекрутъ съ 1813	Ивана Григорьева жена Дарья его же дочь Татьяна	48 23
19	Иванъ Ивановъ Кубасовъ Ивановъ сынъ Петръ	75 42		79 46	Ивана Иванова жена Марфа	75

20	Василии Лаврентьевъ, Лаврентьевъ же Василья Лаврентьева (так в ркп) дѣти Степанъ Андрей	61		65	Василья Лаврентьева жена Дарья	59
21	Александръ Денисовъ Красилниковъ Александра Денисова братъ Иванъ Денисовъ Красилниковъ Ивана Денисова сынъ Никифоръ	19 17 новорожден ной	Рекрутъ съ 1814	23 2 ½	Александра Денисова жена Анна его же дочь Анна жъ	25 2 ½
22	Иванъ Инфантьевъ Стрелниковъ Ивановъ сынъ Степанъ Степана Иванова сынъ Семень	56 33 1	умеръ въ 1815 умеръ въ 1816	5	Ивана Инфантьева дочь Палагѣя Степана Иванова жена Катерина его же дочь Анисья	20 38 12
23	Дмитрей Семеновъ Вотяковъ Дмитрея Семенова братъ Всеволодъ Семеновъ Вотяковъ	17 8		21 12	Дмитрея Семенова мать Фекла Федорова Дмитрея Семенова сестра Палагѣя	61 19

24	Гаврило Семеновъ Юнинъ Гавриловъ сынъ Семень Семена Гаврилова дѣти Петръ Семионъ	56 32 9 Новорожден ной		60 36 13 3 ½	Семена Гаврилова жена Марфа его же дочери Степанида Марья	48 16 8
25	Иванъ Гавриловъ Юнинъ Ивановъ снъ Александръ	30 7		34 11	Ивана Гаврилова жена Евпраксія его же дочери Афросинья Матрена	30 6 4 ½
26	Макаръ Ефимовъ Лапинъ Макара Ефимова дети Степанъ Матвѣи Семень	43 10 8 3		47 14 12 7	Макара Ефимова жена Соломѣя его же дочери Мавра Аграфена Палагѣя Александра	38 17 6 4 2
27	Панфилъ Никифоровъ Бологовъ Панфиловъ сынъ Василій Васильевъ сынъ Петръ	70 36 3		74 40 7	Василья Панфилова жена Татьяна его же дочери Парасковья Наталья	38 14 5
28	Степанъ Михаиловъ Буторинъ Степановъ сынъ Михаило	24 3 мцовъ		28 4	Степана Михаилова жена Палагѣя его же дочь Александра	30 1 ½

29	Николай Сергѣевъ Бачаговъ	15		19	Николая Сергѣева мачиха Матрена Семенова его же сестры Марья Катерина	33
30	Михайло Егоровъ Бачаговъ Михайлова сынъ Алексѣй	38 17	42 21		Михайлы Егорова жена Варвара его же дочери Наталья Евгѣнїя Александра Федосья	44 18 13 9 1
31	Иванъ Ананьевъ Соколовъ Ивана Ананьева дѣти Степанъ Иванъ Александръ	33 11 9 6		37 15 13 10	Ивана Ананьева мать Мавра Иванова Ивана Ананьева жена Арина	62 30
32	Борисъ Ивановъ Зудиловъ Борисовъ сынъ Федоръ	34 7		38 11	Бориса Иванова жена Анна его же Дочери Александра Филанцета Серафима Маргарита Елисаветѣта	35 13 10 8 6 4

33	Григорей Петровъ Буровъ Григорья Петрова дети Тимофей Иванъ	51 18 16.2 мцов	рекрут съ 1814	55 20	Григорья Петрова дочь Надѣжда Ивана Григорьева жена Настасья его же дочь Степанида Григорья Петрова падчерица Ульяна Михайлова его же внучка Палагея Александрова	22 24 3 мцовъ 33
34	Козьма Петровъ Пластѣвъ Козминъ снъ Петръ Петровъ сынъ Александръ	59 26 1		63 30 5	Козмы Петрова жена Мавра Петра Козмина жена Мавра его же дочери Татьяна Анна	4 мцовъ 45 32 4 1

35	Николай Лазаревъ Поновъ Николая Лазарева дѣти Иванъ Тимофей	43 18 ½ 13		47 22 ½ 17	Николая Лазарева жена Домна его же дочери Анна Аполинарія Филанцета Фекла	45 15 12 10 8
36	Иванъ Ивановъ Власевской	5		9	— — — —	— — — —
37	Данило Филиповъ Абышевъ Даниловъ сынъ Ефимъ	54 12		58 16	Данила Филипова жена Агафья его же дочь Аграфена Данила Филипова внучка Ульяна Григорьева	59 9 14
38	Прокопей Даниловъ Абышевъ	16.10 мцовъ		21	Прокофья Данилова жена Фекла его же дочь Матрена	22 3
39	Яковъ Михайловъ Бологовъ Якова Михайлова дѣти Всеволодъ Семіонъ Михаило	33 1 новорожден новорожден		37 5 2 ½ 1 ½	Якова Михайлова жена Лукерья	42
40	Ефремъ Максимовъ Бологовъ Ефрема	25	Рекрутъ съ 1812		Ефрема Максимова матъ	56

	Максимова дети Николай Степанъ Андрей	4 3 Новорожден нои		8 7 3 ½	Дарья Васильева Ефрема Максимова дочь Авдотья	5
41	Григорей Александровъ Бологовъ	13		17		
42	Петръ Михайловъ Меншенинъ Петра Михайлова Дѣти Ефимъ Павѣль	44 14 12		48 18 16	Петра Михайлова мать Матрена Осипова Петра Михайлова жена Татьяна его же дочери Дарья Александра Катерина Ульяна Александра	70 40 16 15 14 7 3
43	Василий Михайловъ Меншенин	41		45	Василья Михайлова жена Афанасья	40
44	Федоръ Егоровъ Васильевъ	36		40	Федора Егорова жена Катерина Федора Егорова сестры Анна Аграфена	35 20 14
45	Тимофей Маркѣловъ Поповъ	46		50		
46	Козьма Тимофѣевъ Абышевъ	14		18		

47	Михайло Филиповъ Абышевъ Михайлы Филипова Дѣти Петръ Федоръ	41 15 14		45 19 18	Михаилы Филипова жена Арина его же дочь Федосья	49 13
48	Сергей Савагѣвъ Невзоровъ	52		56	Сергѣя Савагѣва жена Анна его же отъ первой жены дочери Наталья Анисья Филанцета	31 20 15 10
49	Ивоило Никитинъ Бологовъ	44		48	Ивоилы Никитина жена Парасковья его же дочь Анна	44 7
50	Андреи Ивановъ Зенковъ	61		65	Андрея Иванова жена Тапѣяна его же дочь Матрена	51 19
51	Михаило Ефимовъ Мехряковъ Михаилы Ефимова братъ, Василій Ефимовъ Мехряковъ	20 14	Рекрутъ съ 1815	18	Михаилы Ефимова магъ Настасья Васильева Михаилы Ефимова сестра Лукерья	50 23
52	Павѣль Гавриловъ Семеновъ Павловъ сынъ Александръ	68 17	умѣръ въ 1813	21	Павла Гаврилова жена Настасья его же дочь Елена	50 21

53	Николай Говриловъ Михайловъ	47	умѣръ въ 1816			Николая Гаврилова жена Марина его же дочери Александра Вѣра		45
54	Степанъ Ивановъ Красишниковъ Степановъ сынъ Осипъ Осипа Степанова дѣти Федоръ Александръ Иванъ	66 35 5 3 5 мцовъ	умѣръ въ 1812		39 9 4	Степана Иванова жена Марья его же дочь Матрена Осипа Степанова жена Анна		66 24 31
55	Михайло Ивановъ Зыряновъ	48			52	Михайлы Яванова жена Парасковья его же дочь Надѣжда		29 7
56	Екимъ Явановъ Кубасовъ	51	Умеръ въ 1814			Екима Яванова жена Елена его же дочери Марья Анна		60 26 20
57	Яковъ Яковлевъ Чебыкинъ	48			52	Якова Яковлева дочери Александра Евпраксія Якова Яковлева сестра Марья Принятая в дворъ Парасковья		17 10 46 13

						Семенова			
58	Осипъ Дмитріевъ Кропанинъ	20			24	Осипа Дмитрева жена Устинья его же дочери Арина Катерина Аксинья		25	4 3 1
59	Михайло Ивановъ Кропанин Михайлы Иванова брата Яковъ Ивановъ Кропанин Григорій Ивановъ Кропанин Петръ Ивановъ Кропанин	19 16 ½ 9 6		умеръ въ 1812	23 13 10	Михайлы Јванова мать Катерина Дмитрева Михайлы Јванова жена Анисья		47	28
60	Андрей Федоровъ Кропанинъ его же брата Федоръ Федоровъ Кропанин Александръ Федоровъ Кропанин	13 12 4			17 16 8	Андрѣя Федорова мать Палагѣя Иванова		41	
61	Иванъ Андрѣевъ Безруковъ Јвана Андрѣева дѣти Федоръ Андреи	43 19 13			47 23 17	Ивана Андрѣева жена Анна его же дочери Парасковья Парасковья жъ		51	24 21
62	Василій Даниловъ Хворостовъ	22			26				
63	Петръ Нифантьевъ Стрельниковъ	65			69	Петра Нифантьева жена Алена		67	

64	Василіи Петровъ Стрелниковъ Василья Петрова дѣти Иванъ Дмитрей Василья петрова племянникъ Михаило Николаевъ Стрелниковъ	21 10 нидель Новорожден ной 10		25 4 2 14	Василья Петрова жена Ульяна его же дочь Марина Василья Петрова племянница Николаева	28 9 12
65	Тимофѣй Васильевъ Бологовъ Тимофеѣя Васильева дѣти Иванъ Иванъ же Ивана Тимофѣева меншаго сынъ Дмитрій	41 19 17 ½ Новорожден ной	Рекрутъ съ 1813	45 21 ½ ½	Тимофѣя Васильева жена Дарья Ивана Тимофѣева меньшаго жена Авдогья	51 22
66	Яковъ васильевъ Обрѣзовъ	39	за преступленіе сосланъ въ тюменскую губернію на поселеніе въ 1816			
67	Михаило Филиповъ Половневъ Михаилы Филипова дѣти Семіонъ Егоръ Автономъ	42 10 2 Новорожден ной	умеръ въ 1815	46 14 - 2	Михаилы Филипова жена Федосья его же пріемыши девки Анна Софья Катерина	43 14 10 5 30
68	Дмитрій Филиповъ Половнѣвъ	35		39	Дмитрея Филипова жена Марфа	

69	Герасимъ Васильевъ Еруничъ Герасимовъ сынъ Василіи	15 новорожден нои		19 ½	Герасима Васильева мать Мавра Герасима Васильева жена Парасковья	69
70	Михаило Петровъ Николской Михаиловъ сынъ Иванъ	40 17		44 21	Михаилы Петрова жена Татьяна его же дочери Парасковья Филанцета Палагѣя Ивана Михайлова жена Степанида	43 14 10 6 22
71	Алексѣй Дмитревъ Даниловъ	43	умѣръ въ 1814		Алексѣя Дмитрева жена Алена его же дочери Степанида Анна Катерина	45 11 выбы ла 8 1 ½
72	Ефимъ Ефимовъ Поповцовъ Ефимовы дѣти Иванъ Петръ Илья	39 9 4 1 ½		43 13 8 5	Ефима Ефимова жена Степанида его же дочери Катерина Парасковья	43 11 2 ½

73	Василіи Афонасьевъ Мурзинцовъ Васильева дети Дмитрій Александръ	35 3 новорожден ной			39 7 2 ½	Василья Афонасьева мать Марфа Лукина Василья Афонасьева жена Парасковья его же дочери Фаланцета Марина	64 26 6 1
74	Иванъ Степановъ Кокшаровъ	17			21	Ивана Степанова мать Авдотья Павлова Ивана Степанова жена Афимья	48 19
75	Василіи Максимов Пантелеевъ	9			13		
76	Осипъ Григорьевъ Буровъ Осипа Григорьева дѣти Степанъ Иванъ	29 6 новорожден ной			33 10 2	Осипа Григорьева жена Парасковья его же Дочери Парасковья Татьяна	30 7 1 ниде ля
77	Василіи Сергѣевъ Кашинъ	13			17	Василья Сергѣева бабка Марья Евсевьева	67
78	Андрей Алексѣевъ Черныхъ Андрѣевы дѣти Алексѣи Семіонъ Павѣль	43 9 6 5 нидѣль			47 13 10 4	Андрѣя Алексѣева жена Авдотья его же дочь Домна	43 17

79	Яковъ Степановъ Меншенинъ	4		8	Якова Степанова сестры Акулина Авдотья Вѣра	11 9 4
80	Степанъ Јвановъ Кусковъ Степановъ сынъ Јванъ	25 новорожденной		29 2 ½	Степана Јванова мать Марфа Иванова Степана Јванова жена Елисаветта его же дочь Александра	64 31 4
81	Василии Яковлевъ Ильинъ Василья Яковлева дѣти Александръ Дмитрей Василии	36 3 4 мцовъ новорожденной		40 7 4 1 нидѣ ли	Василья Яковлева жена Анна его же дочери Катерина Аграфена	85 11 10
82	Алекси Јвановъ Захаровъ Алексеѣвъ сынъ Алексеи же	52 19	Рекрутъ съ 1812	56	Алексиѣ Јванова жена Авдотья	45
83	Иванъ Алексѣевъ Захаровъ Ивановъ сынъ Алексеи	24 3		28 7	Јвана Алексѣева жена Арина	35
84	Степанъ Алексѣевъ Захаровъ, Степановъ сынъ Николай	15 новорожденной		19 3 мцовъ	Степана Алексеѣва жена Анна	17

85	Василіи Ивановъ Пирожниковъ Васильевъ братъ Александръ Ивановъ Пирожниковъ	19 13		23 17	Василья Иванова мать Марфа Васильева его же сестра Марья	48 15
86	Андрей Михайловъ Пирожниковъ	45		49		
87	Савелей Васильевъ Болотовъ Савельевъ сынъ Елисей	36 новорожден ои		40 2 ½	Савелья Васильева жена Марфа его же дочери Марья Александра Елисавета Дарья	40 21 17 15 12
88	Прокопій Афонасьевъ Орловъ Прокопьевъ сынъ Иванъ	44	умеръ въ 1815		Ивана Прокопьева жена Надѣжда его же дочь Александра	23 4 мцов ь
89	Григорій Герасимовъ Шибаевъ Григорья Герасимова Дѣти Яковъ Дмитрей Василіи Семіонъ	34 10 8 4 новорожден ноі		38 14 12 8 2 ½	Григорья Герасимова жена Василиса его же дочь Марфа	35 1

90	Игнатей Гавриловъ Абаимовъ Игнатя Гаврилова отъ первой жены сынъ Филипъ Филиповы дѣти Василии Яковъ	56 30 6 новорожден ноі		60 34 10 2 мцовъ	Игнатя Гаврилова жена Катерина его же дочери Анна Александра	40 6 4
91	Екимъ Игнатевъ Абаимовъ Екимовы дѣти Павѣль Матвѣи	31 3 новорожден ноі		35 7 2 ½	Екима Игнатева жена Акулина его же дочери Елисаветѣ Филанцета Катерина Авдотя	30 10 5 3 1
92	Матвей Никитинъ Абаимовъ	4		8	Матвѣя Никитина сестры Авдотя Александра Александра жъ	13 11 ½ 6
93	Максимъ Игнатевъ Абаимовъ Михаиловъ сынъ Никифоръ	26 12 нидѣль		30 4	Максима Игнатева жена Арина его же дочери Александра Варвара	33 7 6
94	Прокофій Ивановъ Ошурковъ	36		40	Прокопя Иванова мать Лепестриня Якимова Прокопя Иванова жена Макрида	76 37

95	Федоръ Григорьевъ Дюковъ	21	Рекрутъ с 1812		Федора Григорьева мать Федосья Анисимова		66
96	Федоръ Ларіоновъ Огрысковъ Федора Ларіонова братъ Иванъ Ларіоновъ Огрысковъ	15 5	рекрут съ 1815	9	—		
97	Петръ Денисьевъ Волковъ Петра Денисьева дѣти Василіи Николаи	41 12 3		45 16 7	Петра Денисьева жена Авдотья его же дочери Анна Марья	44 14 5	
98	Архипъ Васильевъ Осинцовъ Архипа Васильева дѣти Яковъ Андреи	46 10 9		50 14 13	Архипа Васильева жена Наталья его же дочери Катерина Архипа Васильева племянница Акулина Јванова	41 10 30	
99	Михайла Семеновъ Лызовъ	46		50	Михаилы Семенова жена Дарья его же дочь Марья	54 12	
100	Екимъ Семеновъ Лызовъ Екима Семенова дѣти Иванъ Дмитрии	32 4 новорожденной		36 8 1 1/2	Екима Семенова жена Татьяна его же дочери Матрена Александра	31 13 3	
101	Никита Никитинъ Тимофеев	30		34	Никиты Никитина	35	

102	Иванъ Нифантьевъ Стрелниковъ	62				66	сестра Катерина Жвана Нифантьева жена Авдотья		68
103	Алексѣи Козминъ Ведерниковъ	7				11	_____		
104	Александръ Андрѣевъ Ананьевъ Александровъ братъ Николай Андрѣевъ Ананьевъ	10 3				14 7	_____		
105	Николай Петровъ Крюковъ	28		рекрут съ 1813					
106	Василии Филиповъ Юшковъ Васильевъ сынъ Николай Николая Васильева дѣти Прокопѣ Михаило	47 17 Новорожден ноі Новорожден ной				51 21 4 1 1/2	Василья Филипова жена Степанида Николая Васильева жена Евгенія его же дочь Катерина		50 22 5
107	Зенови Федосѣевъ Седаевъ	45				49	Зеновья Федосѣева жена Дарья его же дочь Катерина его же сестра Анна Федосѣева		26 5 27

108	Козьма Игнатъевъ Фроловъ Козьмины дѣти Федоръ Иванъ Алексѣи Левъ Семіонъ Василіи	42 12 11 9 7 5 3			46 16 15 13 11 9 7	Козьмы Игнатъева жена Марина		46
109	Илья Клементъевъ Саламатовъ Ильи Клементъева племянник Иван Афонасьевъ Саламатовъ	21 10	Рекрутъ съ 1813		14	Ильи Клементъева мать Магрена Яковлева Ильи Клементъева сестра Марья		66 16
110	Кондратей Јвановъ Ереминъ Кондратя Јванова дѣти Ефимъ Гаврило Андреи	41 14 9 5 нидѣль			45 18 13 4	Кондратя Јванова жена Катерина его же дочери Фаланцета Марья Ольга		43 10 4 2
111	Андрей Васильевъ Багатыревъ Андреевы дѣти Петръ Иванъ	36 2 10 нидѣль			40 6 5	Андрей Васильева жена Аграфена его же дочери Татьяна Мавра		38 3 1 ½
112	Иванъ Евдокимовъ Михалевъ Ивана Евдокимова дѣти Александръ Алексѣй	36 1 ½ 8 мцовъ			40 5 ½ 7.8 мцовъ	Ивана Евдокимова жена Авдотья его же дочери Августа Ольга		33 10 7

113	Савастьянъ Јвановъ Чащинъ	30		34	Савастьяна Јванова жена Наталья	34
114	Иванъ Васильевъ Подкорыловъ Ивановъ сынъ Илья	42 3 мцовъ		46 4	Јвана Васильева жена Анна его же Дочь Арина	44 10
115	Алексъи Михайловъ	19		23	Алексъя Михайлова жена Агафья	22
116	Семень Михайловъ	16		20	Семена Михайлова жена Наталья	20
117	Петръ Васильевъ Бакинъ Петровъ братъ Семіонъ Васильевъ Бакинъ	15 9		19 13	Петра Васильева мать Катерина Леонтьева	42
118	Александръ Яковлевъ Яковлевъ Александра Яковлева дѣти Јванъ Евдокимъ	26 6 3: мцовъ	умѣръ въ 1814	10 4	Александра Яковлева жена Анна его же дочь Палагья	32 7
119	Василіи Михайловъ Бакинъ Васильевъ братъ Ерофеи Михайловъ Бакинъ	15 7	умеръ въ 1816	10	Василья Михайлова мать Аксинья Јванова Василья Михайлова сестра Марья Михайлова	48 14

120	Василий Иванович	11		15	Василья Иванова жена Акулина его же дочь Александра	17 1 мцов
121	Константин Васильев Пигалев	25		29	Константина Васильева жена Парасковья его же дочь Наталья	27 1 ½
122	Михайло Михайлов Плюснин	46		50	Михайлы Михайлова жена Авдотья его же дочь Степанида	47 15
123	Степанъ Степановъ Самаговъ Степана Степанова дѣти отъ первой жены Михайло от второй Александръ	поступилъ изъ здешнихъ же купцовъ въ мещанъсь 1813		58 29 9	Степана Степанова жена Арина его же дочери Серафима Марья Степана Степанова теща Парасковья Андрѣева его же свояченица Дарья Федорова его же племянница Александра Яковлева	37 2 3 мца 65 23 15

124	Иванъ Даниловъ Хворостовъ, Ивана Данилова дети Александръ Степанъ Андрей Иванъ Алексѣи Федоръ Егоръ	поступил изъ здешнихъ же купцовъ въ мещанѣ		33 ½ 13 12 9 8 2 ½ 6 мцов	Ивана Данилова жена Настасья его же дочери Филанцета Авдотья Александра	34 8 6 4
125	Иванъ Егоровъ Бачаговъ	поступилъ изъ здешних же купцовъ въ мещанѣ съ 1813		39	Ивана Егорова мать Палагѣя Савина Ивана Егорова жена Настасья его же дочери Катерина Палагѣя	83 37 14 9
126	Алексѣй Дмитревъ Кузнецовъ	поступилъ изъ здешнихъ купцовъ въ мещанѣ съ 1813		35	Алексѣя Дмитрева жена Фекла Алексѣя Дмитрева от перваго отца сестра Аксиныя Ефтифѣва	43 59

127	Александръ Ильинъ Филатьеѣ	поступилъ изъ здешнихъ купцовъ въ мещанѣ		9	Александра Ильина мать Лукерья Петрова Александра Ильина сестры Елисавета Ольга	34 6 4
128	Алексей Ивановъ Дубровской	поступилъ изъ здешних купцовъ въ мещанѣ въ 1813		29		
129	Василій Федотовъ Чирышевъ Васильевъ снъ Александръ	поступилъ изъ здешнихъ купцовъ въ мещанѣ съ 1813		37 11	Василья Федотова жена Настасья	40
130	Савастьянъ Гавриловъ Михалевъ	поступилъ изъ здешнихъ купцовъ въ мещанѣ съ 1815		41	Савастьяна Гаврилова жена Анна его же дочери Вѣра Катерина	40 18 16
131	Василій Васильевъ Бологовъ	поступилъ изъ здешнихъ купцовъ в мещанѣ въ 1815		42	Василья Васильева жена Парасковья	48

132	Незаконнорожденной Иванъ Ивановъ Шибаетъ Ево братъ таковой же Гаврило Ивановъ Шибаетъ	новорожденны			Николая Иванова мать Марфа Иванова Шибаета	32
133	Павель Осиповъ Тушинъ	причислень по указу Тобольской казенной полаты от 22 генваря 1816 изъ уволенных от рабства женой умершаго порутчика Лушкова	50			

134	Андрей Федоровъ Марковъ Андрѣя Федорова снъ Павелъ	причисленъ по указу тоболской казенной полаты отъ 10 июня 1816 за № 3146 изъ уволенныхъ отъ рабства умершим коллежс-кимъ ассессоромъ (так в ркп) башнякомъ дворовыхъ людѣй сначала сѣго жь года		28 11	Андрѣя Федорова дочери Елисавета Варвара	8 4
135	Василии Герасимовъ Герасимовъ же	причисленъ по указу тоболской казенной полаты отъ 8 июля 1816 за № 3811 ^м изъ уволенныхъ отъ рабства штабсъ		36	Василыя Герасимова жена Парасковья	35

	капитаншей Капустиной дворовых люди сначала сѣго жь года						
	Итого мужеска пола на лицо 3 а всего 267					Итого женска пола 3 а всего 315	

**Ревижская скаска 1816 года июля 31 дня Тоболской губернии города Кургана о состоящихъ во
ономъ мещаныхъ въ окладѣ изъ числа следовавшихъ за байкаль на поселеніе**

семьи	мужеской полъ	По последней ревизіи состояло и после оной прибыло	изъ того выбыло	нынѣ налицо	женской полъ	во времен ной отлучк ѣ	нынѣ налицо
№	Мещанѣ в окладѣ	Лѣта	когда имянно	лѣта	мещанки	с котора го времен и	Лѣта
	изъ числа слѣдовавшихъ за байкаль на поселение						
1.	Григорей Федосѣевъ Иголкинъ	52		56	-	-	-
2	Давыдъ Андрѣевъ	35	Умеръ въ 1814		-	-	-

	Меллеръ											
3	Никита Павловъ Павловъ же	59			63	-	-	-	-	-	-	-
4	Борисъ Осиповъ	47			51	-	-	-	-	-	-	-
5	Денисъ Федоровъ	58			62	-	-	-	-	-	-	-
6	Андрей Егоровъ Аболдѣвъ	41			45	-	-	-	-	-	-	-
7	Иванъ Афонасьевъ Шатовъ	51			55	Ивана Афонасьева жена Фекла его же дочь Аграфена					46	
8	Фадѣи Емельяновъ	43			47							
9	Еврей Хаймъ Берхъ	38		Пропаль без вести въ 1813		-	-	-	-	-	-	-
10	Костанкинъ Семеновъ Мелеховъ (так в ркп)	24			28	Констанкина Семенова жена Татьяна его же дочери Александра Юлія					26	2 ½ 1 мца
11	Аврамъ, Васильевъ	33		умер въ 1813								
		Итого										
		Итого	мужеска									
		пола	налицо 8									
		Итого	женска									
		пола	налицо 5									

**Ревизская скаска 1816 года јюля дня Тоболской губерніи города Кургана о состоящих во ономъ
мещанахъ в окладѣ изъ военнопленныхъ**

Се- мьи	Мужеской поль Мещане в окладѣ	по последней ревизии состояло и послѣ оной прибыло лѣта	из того выбыло когда имянно	нынѣ налицо лѣта	женский пол мещанки	во временной отлучкѣ с котораго времени	нынѣ налицо лѣта
1	Иванъ Денисовъ	причислены по указу тоболской казенной полаты отъ 12 ноября 1814, за № 4945, изъ военнопленныхъ съ 10 летнею отъ платежа податей льготой со второй половины 1814	исключень по указу тоболской казенной полаты отъ 27 февраля 1815 за № 1488 ^м С начала того жъ года по городу Тюмѣнъ въ мещанѣ	лѣта			
2	Степанъ,			45	-	-	-

	Блажевской								
3	Юзеф, Валенкѡвичь	причислены по указу тоболской казенной полаты отъ 19 декабря 1814 за № 5399м из военнопленныхъ	34	-	-				-
4	Филипъ, Ленденовичь	иныхъ льготъ съ 10 ^{ти} летнего отъ платежа а потомъ съ 2 половины того <u>жс</u> года	40						
5	Романъ Ковалевскіи	иныхъ льготъ съ 10 ^{ти} летнего отъ платежа а потомъ съ 2 половины того <u>жс</u> года	35	Романа Ковалевскова жена Анна					16
		Итого мужеска пола налицо 4		Итого женска пола налицо 1					

Ревижская скаска 1816 года июля 31 дня Тоболской губернии города Кургана о состоящих / во ономъ цѣховыхъ въ окладѣ и не въ окладѣ							
	мужеской поль цѣховые	по последней ревизіи состояло и после оной выбыло лѣта	Из того выбыло когда имянно	нынѣ налицо лѣта	их жены	женской поль во временной отлучкѣ с котораго времени	Нынѣ налицо лѣта
1	Иванъ Ивановъ Рыковъ Ивановъ сынъ Дементей Ивана Михайлова внукъ Михаило Федоровъ Рыковъ	64 17 2		68 21 6	Ивана Иванова жена Степанида Дементья Иванова жена Дарья		66 19
2	Николай Васильевъ Герасимовъ	Причислень по указу, Тоболской казенной полаты от 8. июля 1816 за № 3811 в цехъ изъ уволенныхъ отъ рабства штабсъ капитанши Капустиной дворовыхъ людей с начала сего жъ года		9			
		Итого мужеска пола налицо 4			Итого женска пола налицо 2		

Ревижская Скаска 1816 года июля 31 дня Tobолской губерні Города Кургана о состоящихъ во ономъ, цѣховыхъ и поселщиковъ въ окладѣ							
семьи	мужеской поль цеховые ис посельщиковъ въ окладѣ	по последнѣй ревизіи и послѣ оной прибыло лѣта	из того выбыло когда имянно	нынѣ налицо лѣта	Женской поль Ихъ жены	во временной отлучкѣ с котораго времени	нынѣ налицо лѣта
1	Данило Иванов Федорченко Даниловы дѣти Александръ Иванъ	причислены по указу Tobолской казенной полаты от 16 августа 1812 года за № 8284 в цехъ и окладъ		50	Данилы Яванова жена Анна его же дочери Марья Фаланцета		32 11 1
2	Степанъ Ивановъ Юзавичъ			32	Степана Яванова сестра Матрена		20
3	Яковъ Манцеленко Яковлевы дѣти Иванъ Филипъ Осипъ Иванъ Якова Манцеленко ва племянникъ	изъ цыганъ и поселщиковъ с начала того жъ 1812 года	Исключены по указу Тоболской казенной полаты отъ 13. Юля 1815. года за № 4629 м Курганской округи в волость Иковскую				

	Петръ		сначала того же года въ крестьянѣ				
		Итого мужеска пола налицо 4				Итого женска пола налицо 4	

Ревизская скаска 1816 года јюля 31 дня Тоболской губрніи Города Кургана о состоящихъ во ономъ цѣховыхъ не въ окладѣ поселщиковъ из цыганъ

	мужеской полъ цеховые не в окладѣ	по последней ревизіи состояло и после ревизіи прибыло	из того выбыло когда имянно	ныне налицо лѣта	женской полъ ихъ жены	во временной отлучкѣ с котораго времени	Лта
1	Антон Чиженко	причислены по указу Тоболской казенной полаты отъ 16 августа 1812 года за № 828 изъ цыганъ и поселщиковъ без положенія въ окладѣ	без вести пропаль в 1815 ^м году				
2	Иван, Юзавичъ			46			
		Итого мужеска пола налицо 1			Итого женска пола налицо -		

Таблица 2

**Перечневая вѣдомость
о состоящихъ въ городѣ Курганѣ купцахъ мещаняхъ и цеховыхъ в подушном окладѣ и не во ономъ
изъ военно пленныхъ полякъ равно причисленныхъ за байкаль в мещанѣ и не положенныхъ в цеховые в оклад
непоселыщиковъ**

л.45 №	Званіе людѣй Города Кургана	Число душъ	
		мужеска	Женска
1	Купцовъ	1	5
2	Мещанъ	267	315
3	Мещанъ из числа забайкальскихъ поселенцов в окладѣ	8	5
4	Причисленныхъ из военно пленныхъ поляковъ не в оклады съ 10 ^{ти} летней лготой	4	
5	Цеховыхъ в окладѣ	4	2
6	Таковыхъ же из цыганъ поселщиковъ в окладѣ	4	4
7	Не в окладѣ изъ цыганъ	1	-
итого	в окладѣ купцов	1	5
	Мещанъ	279	320
	В томъ числѣ 4 из военнопленныхъ поляковъ съ 10 ^{ти} летней от платежа лготой цеховыхъ	8	6
	не положенныхъ в окладъ изъ цыганъ	1	-
	А всѣго	289	331
	Подлинныя Скаска въ ревизскую комисію подавали и подписомъ утвердили ратманы Иванъ Корсаковъ Федоръ Васильевъ городской староста Иванъ Шалабановъ по безграмотству приложилъ печать		

Об одном способе словообразования специальной лексики XVIII века

В спектре современного словообразования выделяется (помимо чисто формального, морфемного) семантический способ производности, в основе которого лежит образование лексемы с *производным* значением. Исследователи (8) отмечают, что семантическое словообразование так же, как и морфемное, имеет типовые отношения и отличается регулярной производностью. Семантические дериваты тоже имеют формальные показатели своего образования. Если в морфемном словообразовании это аффиксы, то в семантическом – иные грамматические признаки производного слова по сравнению с производящим. «Если слово понимается как совокупность грамматических форм, то эти формы (по сравнению с формами производящего слова) у слов, образованных семантическим способом, могут достаточно резко различаться», – пишет В. М. Марков (7, с.9). Иными грамматическими категориями могут быть род, число, падеж, одушевленность, переходность, возвратность. Изменяется и сочетаемость слова, иногда и его стилистическая маркировка.

Нас интересовало функционирование семантического способа словообразования в рамках специальной, в частности, военной, лексики XVIII в., где семантическая деривация проявляется в образовании не только новой категориально-лексической семы, но и новой категориально-грамматической семы. Первый процесс происходит при *метафорическом* и *метонимическом* способах словообразования, второй – при переходе слова из одной части речи в другую, или так называемой *конверсии*.

Военная лексика образуется всеми тремя способами семантического словообразования. Однако распределение лексем по способу семантической деривации внутри тематических групп различно. Отметим, что путём конверсии и метонимизации образуются, как правило, наименования лиц по воинской должности. Метафоризация характерна для абстрактной военной лексики.

Приведем примеры.

Метафорический перенос: **партия** «военный отряд специального назначения»: *того ж 736 г. командирован был легкою партию обще с подполковником Миклашевским за воровскими башкирцами* (1, с. 42) → **партия** «шайка воров»: *было два казака из воровской полевой партии* (6, с.68). **Тишина** «спокойствие» → «состояние перемирия»: *Тешенским договором... восстановлена тишина в Германіи* (6, с. 5). Метафорический перенос зачастую сопровождается детерминологизацией военной лексики, переходом её из сферы специального в сферу общего употребления.

Метонимический перенос: (**военный, офицерскій) чинъ** – «воинское звание»: *Изъ дворянъ во оныя чины изъ унтеръ-офицеровъ производитъ тѣмъ* (древнерусский «ять» передаем знаком «Ъ») *же порядкомъ, какъ и въ прочіе офицерскіе чины* (2, с. 2) → (**полковой, строевой) чинъ** «лицо, имеющее такое звание»: *ординарца никто изъ полковыхъ чиновъ, кромѣ одного полкового командира имѣть не можетъ* (2, с. 3); *шляпъ строевымъ чинамъ и артиллерійскимъ служителямъ съ желтымъ голуномъ... нынѣ состоитъ 790* (2, с. 31). В данном случае слово конкретизируется в своём употреблении, из области абстрактных понятий переходит в область названий конкретных предметов.

Терминологизация слова путём семантического словообразования может происходить в двух направлениях: термин образуется путём переноса значения общеупотребительного слова; термин образуется путём переноса значения уже существующего термина на новый термин. В то же время вновь образованные термины для определенности их понимания часто «избавляются» от широкой семантики: **Улица** – «проезд, дорога между рядами домов» → **улица** – «расстояние между рядами солдат»: *Полковыя жъ улицы могутъ 50 шаговъ быть разстояниемъ между линиями могутъ отъ 300 и болѣе шаговъ быть, ротныя улицы чинить по положенному размѣру*; **ружьё** – «вооружение вообще» → **ружьё** – «вид оружия»: *мелкое ружье, ружье (казенное / партикулярное), студеное ружье* → **ружьё (одного калибра)** (примеры из «Устава воинского...» 1780 г.).

Образование нового слова путем переноса значения старого происходило в специальных областях знаний, например, в геральдике, где предметы военного дела служили обозначениями элементов геральдического описания: *щит, шлем* – «доспехи» – *щит, шлем* – «части герба»: *во ономъ щитѣ... виденъ золотой... поясъ имѣющій два желѣза копейные* (т. е. копья) (3, с. 160); *Щитъ покрытъ Графскою Короною, на поверхности которой означенъ турнирный шлѣмъ* (3, с. 10); *на поверхности щита наложена Графская Корона съ тремя на ней шлемами; изъ нихъ средній шлѣмъ серебряной. Прочіе же два шлѣма желѣзные* (3, с. 12).

Конверсия (переход из одной части речи в другую) представлена субстантивацией: *воинские* – «относящийся к вооружённым силам»: *воинскихъ в Окуневску служителей... ружейныхъ за выкомандированиемъ на защищение Челябинскаго провинціального города дву сотъ двадцати человекъ более здѣсь ружейныхъ не имется* (1, с. 65) → *воинские* – «военнослужащие»: *отъ техъ воровскихъ людей воинскихъ убили сотника да 40 человекъ беломестныхъ казаковъ* (1, с. 27); *нерегулярное войско* – «ополчение, набираемое по особому случаю»: *буде же где воровскіе станицы явятся къ тебѣ сыщику командою для искоренения ихъ ... в прибавку къ своей командѣ брать где есть изъ нерегулярныхъ войскъ а где нѣтъ тутошнихъ помѣщиковъ живущихъ въ своихъ деревняхъ съ людьми и крестьяны* (6, с. 13) → *нерегулярные* – «воины, относящиеся къ нерегулярнымъ войскамъ (временному ополчению)»: *за тою работою по выноске соли какъ регулярнымъ такъ и нерегулярнымъ платитъ за каждо' день по три копейки* (1, с. 66). Другие примеры конверсионного словообразования военных номинаций: *беглые, верховый, рядовые (солдаты), дежурный, дневальной, караульный, кошевой, обозной, отставной, полковой «воевода»* (4, с. 291), *регулярные, сотенный* (4, с. 386), *сотский*. Слово *рядовой* образовалось еще в XVII веке, но оно встречалось нередко в сочетании *рядовой солдатъ*. В XVIII веке оно также употребляется: *Января 16. Росписаніе штрафовъ: за бѣглыхъ солдатъ по чему имать съ Оберъ и Унтеръ Офицеровъ, и съ рядовыхъ солдатъ и извощиковъ* (5, с. 275). Чаще, однако, это прилагательное употребляется в значении

существительного: *Января 29. О бытіи арміи по опредѣленнымъ табелямъ, и о жалованьѣ гарнизоннымъ Штабъ и Оберъ и Ундеръ Офицерамъ и рядовымъ* (5, с. 276).

Процесс конверсии, по нашему мнению, происходит в два этапа: первоначально производящее слово входит в состав словосочетания, затем в неполных конструкциях прилагательное, являющееся носителем основного вещественного значения слова, начинает употребляться без существительного, и лишь после этого производная лексема приобретает новое категориальное значение, поменяв семантику призначности, адъективности на семантику грамматического предмета. Так произошло со словом *рядовой*, первоначально фиксируемом в сочетании *рядовой солдат* — «солдат в шеренге, ряду других военнослужащих, солдат как часть ряда».

Иногда в семантическом словообразовании сочетаются два вида переноса — метонимический и конверсионный. Так, в сочетании: *съ хозяевами какъ Оберъ-офицерамъ, такъ и всѣмъ нижнимъ приказать обходиться ласково без наглости и грубиянства* (2, с. 5) слово *нижний* образуется из сочетания *нижний чинъ*, т. е. офицер младшего командного состава. Словообразование здесь совершается в две ступени: *нижний чинъ* (*чин* — «воинское звание» → *чин* — «лицо, имеющее это воинское звание» — метонимический перенос) → *нижний* (прил. *нижний* — «относящийся к младшему воинскому составу» → сущ. *нижний* — «лицо, имеющее младший воинский чин» — конверсионный перенос).

Полученные конверсионным путем образования типа *нижніе, пешіе, воинскіе* служат примером изменения грамматических признаков производного слова по сравнению с производящим: слово *воинскій* — «относящийся к вооруженным силам», является прилагательным, способно изменяться по числам, в то время как *воинскій* — «военнослужащий» — существительное, употребляющееся преимущественно во множественном числе.

Таким образом, военная лексика, будучи семантически широкой и достаточно терминологически определенной группой слов, органично включала в свою парадигму номинации, образованные семантическим способом, и это, в

свою очередь, сыграло определенную роль в становлении военной терминосистемы современного русского литературного языка.

Список литературы

1. Инструкція коннаго полку полковнику съ приложеніемъ формъ и табелей конфирмованная отъ Ея Императорскаго Величества. 1766 года, генваря 14 дня Въ СанктпетербургѢ. – 80 с.
2. Лингвистическое краеведение на Южном Урале: Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / Под общ. ред. Л. А. Глинкиной. – Ч. II. – Челябинск: Челябинский педуниверситет, 2001. – 242 с.
3. Марков В. М. О семантическом способе образования слов // Русское семантическое словообразование: Сборник научных трудов. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 1984. – С.3–12.
4. Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссійскія Имперіи, начатый въ 1797 году: В 2 ч. – СПб., 1992. –Ч. 2.
5. Рукописный лексикон первой половины XVIII века / Подг. к печати и вступ. ст. А. П. Аверьянова. – Л.: ЛГУ, 1964. – 402 с.
6. Семантическая деривация и её взаимодействие с морфемной: Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: ОмГУ, 2003. – 136 с.
7. Словарь Юридическій, или Сводъ Россійскихъ узаконеній, временныхъ учрежденій, суда и расправы. Часть вторая (съ 7157 [1649] года). Собранный... Секрет. Михайломъ Чулковымъ. Въ МосквѢ при Университетской Типографіи у В. Огорокова. 1792.
8. Сысуева Р. П. Курганская старина: Материалы к истории языка деловой письменности Южного Зауралья. Вып. 3. – Курган: Курганский государственный университет, 2005. – 212 с.

Региональная топонимическая терминология как отражение картины мира жителей Курганской области

Интерес к региональным исследованиям активизируется в последнее время в лингвистической литературе. А.С. Гердом был введен термин «региолект», под которым понимается «особый тип языкового состояния, который является сегодня основной формой устно-речевого общения больших групп русских как на селе, так и в городах и поселках городского типа» (1, с. 48). М.А. Бородина анализирует соотношение терминов «региональный язык» и «региолект», «региональный говор», «регионализм»(2) и обозначает следующие различия между явлениями, названными этими терминами: «региональные черты (регионализмы, провинциализмы) - это отдельные особенности местной разговорной речи, которые отнюдь не обязательно входят в систему региональных говоров или регионального языка. Термин «региональный язык», или «региолект», предусматривает определенную функционирующую лингвистическую структуру. Синонимичен региональному говору термин «региональный язык». Можно говорить о региональных говорах (региолектах) как о самостоятельных лингвистических единствах» (2, с. 30).

В.Н. Шапошников описывает один из типов регионального функционирования языка, которым, по его мнению, является речевая практика малого города: «Языковое пространство современной России в значительной степени определяется жизнью и спецификой малых городов» (3). В.А. Левашова, привлекая для анализа факты английского языка, обозначает роль национально-культурного компонента в ономастической лексике, что позволяет ей сделать следующий вывод: «Ономастическая лексика трудна для полного восприятия именно по той причине, что она реализует культурные значения и смыслы, ограниченные во времени и пространстве» (4, с. 162) Особое внимание привлекают работы, связанные с описанием языковой картины отдельного региона. В частности, нельзя не отметить исследование А.Н. Карпова об

ономастических образованиях, связанных с Поволжьем (5), где автор представляет комплекс собственных имен всех разрядов, употребляемых жителями региона в настоящее время. М.А. Ююкин (6), привлекая данные этимологического анализа, делает вывод о том, что ономастика Южной Руси обнаруживает широкие индоевропейские связи. М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова описывают приметы времени в современной городской топонимике, обусловленные в первую очередь тем, что «коренные социальные изменения в жизни общества способствуют более яркому проявлению карнавального начала» (7, с. 345), что существенно изменяет «семиотическое пространство города, т.к. отдельные его участки образуют сложный социокультурный контекст, вызывая многообразные исторические или литературные ассоциации» (7, с. 347).

Географические названия представляют собой системное образование. Специфика системного подхода заключается в том, что он направлен на изучение объекта в целом и во взаимоотношении его элементов, на выявление связей между элементами системы, на описание объекта именно в том виде, в каком он представляет систему. Если термин «система» понимать как «множество языковых элементов любого естественного языка, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенное единство и целостность» (8, с. 452), то под топонимической системой целесообразно подразумевать «совокупность топонимов определенной территории, связанных парадигматическими и синтагматическими отношениями, совокупность топонимов, организованных в единое целое для наиболее оптимального выполнения ими дифференцирующей и идентифицирующей функций» (8, с. 453). В основу построения топонимических систем, исследуемых в трудах Ю.А. Карпенко, А.В. Суперанской, В.Н. Топорова, Е.Л. Березович и других ученых, положены основные принципы: целостность системы, дифференциация элементов системы, соотносимость и взаимодействие различных элементов системы, экстралингвистическая обоснованность элементов системы. В то же время Г.В. Глинских отмечает: «Системные отношения между лингвистическими

единицами, функционирующими в языке, переносятся на топонимический материал, что вполне вероятно и закономерно, но интерпретируются как специфические связи, создающие особую, топонимическую системность» (9, с. 44).

Поиски системности ономастической лексики отражают поиск системности в языковой картине мира. Полагаем, что языковая картина мира и система представляют собой взаимосвязанные модели, а значит, микромодель языковой картины мира можно связать с топонимической системой. Соответственно, задача данной статьи и заключается в том, чтобы попытаться обозначить и наметить пути характеристики основных механизмов подобного взаимовлияния.

Принимая во внимание тезис о том, что определенное единство системы может быть сформировано посредством общности территории, времени и языка, следует признать, что признак, позволяющий объединить все региональные топонимы без исключения, очевидно, необходимо искать за пределами языковой системы. Объединяющим началом, по нашему мнению, может являться ментальный компонент. Топонимическая система как часть общей языковой системы существует в сознании носителей языка, и этим фактом мотивируется рассмотрение ее ментального бытия, а значит, изучения когнитивных структур. Центральную позицию при этом занимает активность человеческого сознания. Следовательно, необходимо ориентироваться на процесс создания слова и анализа всего комплекса процессов и условий, связанных с этим. Мы полагаем, что номинация в сфере ономастики в конечном счете носит искусственный характер, при котором географическое название выбирается носителями языка под существенным воздействием субъективных и личностных факторов. Введение создаваемого географического имени в систему языка представляет собой волевой акт со стороны социума, сопровождаемый письменной фиксацией этого названия. В результате появляется искусственное название с особыми эстетическими функциями. Именно на основании данного положения и возникает в последнее время в науке взгляд на топонимию с позиции человеческого

сознания, учитывающий связь речемыслительной деятельности с внеязыковым содержанием, с привлечением прагматических установок.

Современными лингвистами картина мира понимается как исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека. По мнению авторов коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира» (10), картина мира как субъективный образ объективной реальности, не переставая быть образом реальности, опредмечивается в знаковых формах, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них. Отмечается, что картина мира имеет двойственную природу как неопредмеченный элемент сознания и жизнедеятельности человека и знание, объективированное в виде опредмеченных образований, «следов», оставляемых человеком в процессе жизнедеятельности.

По мнению Э.Д. Сулейменовой, картина мира «создается благодаря познающей деятельности человека и отражающей способности его мышления»; важнейшим свойством картины мира ученый считает целостность, а элементом - смысл, характеризующийся инвариантностью, актуальностью, субъективностью, неполной экспликацией, недоступностью полному восприятию, континуальностью, динамичностью (11, с. 47). Наряду с целостностью, отмечаются такие характеристики картины мира, как космологическая ориентированность (глобальность образа мира), внутренняя безусловная достоверность для субъектов, стабильность и динамичность, наглядность, конкретность облика элементов. По мнению ученого, «языковая картина мира» как терминологическое сочетание возникло благодаря включению языка в непосредственное взаимодействие (минуя мышление) с действительностью. На самом деле такого непосредственного контакта языка и действительности нет (11, с. 30). Эта точка зрения совпадает с позицией Л.М. Дмитриевой, которая пишет: «Язык не отражает действительность, а отображает ее знаковым образом» (12, с. 40). Результатом отображения являются концепты. Картина мира представляет собой чрезвычайно сложное явление; она вариативна, изменчива. Одновременно в

ней есть константы, присущие каждому индивиду, обеспечивающие взаимопонимание людей.

В.А. Маслова отмечает, что «понятие картины мира (в том числе и языковой) строится на изучении представлений человека о мире. Если мир - это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира - результат переработки информации о среде и человеке. Наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно с ним связана» (13, с. 64). По мнению исследователя, картина мира - это система образов.

Будучи знанием, зафиксированным в содержании языковых форм и конвенциональных способах их выражения, как своеобразная система членения мира и форма его категоризации (13, с. 80), данная система образов находит отражение в разных единицах языка, в том числе и в топонимических терминах.

Для курганских топонимов характерно использование общерегиональных сибирских географических терминов: **канава** – *кюветы по краям проезжей части, по которым текут ручьи, водные потоки*; **канал** – *протока между болотами или озерами*; **озерки** – *ряд заболоченных, связанных каналами озер*; **согра** – *болотистое место, заросшее сосновым лесом*; **садок** – *место с искусственными насаждениями*; **бугор** – *насыпная горка, курган*; **дуброва** – *устар. от дубрава – стройный березовый лес*; **кочки** – *бугорки на низменной или болотистой местности, поросшие травой*.

Интересно, что существует народная этимология наименования **Согра**:

Согра – название леса. В нём бьёт ключ, и вода в нём не застывает, а так же одной температуры и зимой и летом. Как будто «согретая».

Также встречаем здесь диалектные слова: **одина** – *объект, расположенный особняком, далеко от других географических объектов*; **стрелка** – *дорога с развилкой*; **мандра** – *берег, земля возле воды*.

В оронимах частотны термины: **поле, лог, грань, могилки, горка, степь, садок, стан, ворота, редуха, пашня, борок, дуброва, бор, колок, падь, чаша**. Часть из них имеет местные толкования, отличные от официальных. Например,

воротами именовали выезд с поскотины, не обнесенный при этом забором; *гранью* – прокопанные между нарезкой сельских угодий канавы; *чашей* – впадину, яму на поверхности земли, иногда заполненную водой; *редухой* – редник – мелкий, низкорослый, угнетенный лес (все толкования географических терминов даны по монографии С.В. Плотникова (14).

Региональная топонимическая система может быть рассмотрена в фокусе фрагментов и уровней картины мира, формирующейся из множества взаимосвязанных компонентов. Применительно к топонимике Курганской области к ним можно отнести явления двух уровней: историко-культурные и рельефно-географические. К первой группе относятся: первичное восприятие сознанием древнего человека местного географического объекта как единственного в своём роде – отсюда терминологические топонимы типа Устье, Исток (деревни в Целинном районе), Падь, Лог (реки в Юргамышском районе) и т.п. Распространение на территории области сибирской группы смешанных говоров и интернациональный состав населения отдельных районов отражаются в употреблении диалектных и заимствованных топонимических терминов: *падь* (сиб. провал, глубокий крутой лог), *поварня* (сиб. крытые землёю срубы, первоначально для приюта проезжих), *согра* (сиб. долина в бору, заваленная дрязгой), *ляга* (сиб. низкое урочище, заливаемое водой), *куль/коль* – составная часть названий многих озёр Курганской области (в тюркских языках – озеро), *юдам* (татар. долина, впадина, низменность), *юдав* (татар. низкое топкое место) и пр.

С точки зрения второго аспекта региональная топонимическая терминология Курганской области отражает прежде всего сознание «степняка», человека, привыкшего к более-менее ровному, плоскому рельефу, в ряде районов к тому же безлесому. Поэтому всё, что является отклонением от привычной картины, получает наименование, семантика которого несколько отличается от значения данного географического термина в литературном языке. Так, любая возвышенность, независимо от высоты, любое возвышение над окружающим и даже просто крутой берег реки именуется в большинстве районов Курганской

области *горкой*, а самое высокое в округе место – *горой*, хотя эта возвышенность далеко не так значительна, как настоящая гора. Если в литературном языке термин *урочище* используется в значении *участок, отличный от окружающей местности*, то в отдельных районах Курганской области он обозначает участки леса (иногда конкретно определённого вида - березняк, осинник, бор), что подчёркивает восприятие лесной части ландшафта как отличие от окружающей безлесой степи. Тем самым подтверждается положение, что язык не может отображать все возможные противоположения и отличия объектов действительности. Говорящие могут (по сути дела произвольно, как коллективный носитель языка) фиксировать одни признаки системы и игнорировать другие (12). Нередко в топонимической терминологии отражаются рельефные признаки местности, переосмысленные (метафорически и метонимически) сознанием носителей языка. Так возникают местные топонимические наименования: *вилка* – место слияния рек (Юргамышский район); *редник* – редкий лесок (Юргамышский район); *кустики* – название земли с мелким лесом (Юргамышский район); *прорва* – место на лугу, активно заливаемое в половодье (Притобольный район); *прокопь* – канава, протока реки (Юргамышский район). Активному переосмыслению подвергаются и довольно распространённые терминологические понятия, причём расширение значений литературного слова может наблюдаться в сторону сразу нескольких лексико-семантических вариантов при многозначности. Например, слово *край* в литературном языке имеет значения: *предельная часть чего-нибудь; местность, страна, область; крупная административно-территориальная единица в России*. В топонимической системе Курганской области это слово также многозначно, его значения – некий синтез литературных: так называют крайнюю улицу в селе, выходящую к лесу, и просто улицу или часть села, а также всё, что находится вокруг центра, - чаще, не на площади, улице, где стоит сельсовет.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что топонимическая система имеет свои системные связи и является одним из компонентов картины мира человека, в которой концентрируются как общечеловеческие, так и

индивидуальные особенности, связанные в том числе и с местом проживания, окружающей социальной и географической средой.

Список литературы

1. Герд А.С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» //Русский язык сегодня: Сб.статей / Отв. ред. Л.П. Крысин. - Вып.1. - М., 2000. - С.48.
2. Бородина М.А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) // Вопросы языкознания. - 1982. -№ 5. -С. 29-38.
3. Шапошников В.Н. О территориальной и функциональной структуре русского языка к концу XX столетия // Вопросы языкознания. - 1999. - № 2. -С.53.
4. Левашова В.А. О национально-культурном компоненте в ономастической лексике // Материалы Межвузовской научно-методической конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики» (10-11 февраля 1999 г.). - М., 1999.
5. Карпов А.Н. Ономастические образования в русском языке, связанные с Поволжьем // Ономастика Поволжья: Материалы VII конференции по ономастике Поволжья. - М., 1997. - С.162-167.
6. Ююкин М.А. О некоторых гидронимах и этнонимах Южной Руси // Филологические науки. - 2000. - № 4. - С.82-85.
7. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная городская коммуникация: тенденции развития (на материале языка Москвы) // Русский язык конца XX века (1985-1995). - М., 2000.
8. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Система языковая // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. - М., 1980.
9. Глинских Г.В. Топонимическая система и структурно-семантические признаки исходных апеллятивов // Формирование и развитие топонимии. - Свердловск, 1987.
10. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. - М., 1988.

11. Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. - Алма-Ата, 1989.
12. Дмитриева Л.М. Топонимическая картина мира: отражение бытийных ценностей // Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всероссийской конференции. - Омск, 2000.
13. Маслова В.А. Лингвокультурология. - М., 2001.
14. Плотников С.В. Знакомые потоки. - Юргамыш, 2001.

С.А. Черницына

А.В. Щербинина

Диалектные и топонимические особенности Каргапольского района Курганской области

Выездная диалектологическая экспедиция 2007 года исследовала топонимику Каргапольского района Курганской области и говор села Новоиковское этого района. Район расположен в северо-западной части Курганской области. Районный центр — рабочий поселок Каргаполье — находится на расстоянии 86 км от областного центра. Освоение территории района русскими переселенцами началось в 70-е годы XVII века. В эти же годы выходцами из северных губерний Европейской России была построена деревня Каргапольская, ставшая впоследствии районным центром.

Среди собранного нами диалектного материала можно выделить несколько групп диалектизмов.

К **лексическим** диалектизмам относятся слова: *паровые* - лучшие, **баской** – красивый, *разгрешить* – разругаться, *пимы* – валенки, *шабурчик*, *шабур* – верхняя одежда из домотканого сукна и другие. Например, в речи местной жительницы Татьяны Николаевны Егоровой 1930 года рождения:

Мущин всех паровых взяли в армию. Пришлось разгрешить с ним. А сын у меня шибко баской.

Фонетические диалектизмы отражают черты сибирского говора, характерные для диалекта Курганской области: среди гласных звуков наблюдается различие букв О и А в безударном слоге [бол'шá], [убралáс'а], [молóд'óж], [тадá], что свидетельствует о полном **оканье архаического типа**.

Достаточно ярко представлено в речи жителей **еканье**: *впечатлении, намели бока, по грезе, посеели*.

Иканье наблюдается между мягкими согласными в некоторых местоимениях и в слове *еще*: *иё, мини, ище*.

Говору известен **переход [е] (из ятя) в [і]** между мягкими согласными - правда, последовательно выдержанный только на уровне словообразования: в формообразовании победило аналогическое выравнивание. Так, произносят *полено, но полинниса* - однако *сено и в сене*. На уровне формообразования эта черта прослеживается лишь в формах глагола **есть** «кушать» - *ись*.

В области гласных отмечаем **сохранение вокализованного варианта возвратного аффикса** независимо от фонетических условий: *заинтересовалиса*.

В области согласных яркой чертой говора является **утрата затвора у аффрикат** – *нассени* – «на сцене», *сцеплят* – «сцеплять», *просентов и др.*; **отверждение щ** – *помошши, ишшо*.

Полная ассимиляция взрывных звонких перед аналогичными по месту образования носовыми отразилась в произношении слов *оммундирование, омман*.

Используются **заднеязычные взрывные г, г'**. Исключения составляют [бóγ], [бóγа], [боуáтый], [убóγој], [γóсподи], [блаγóдáрност'] и производные от них. Фрикативные наблюдаются и в междометиях: [ohó], [ahá].

Прогрессивное смягчение между мягкими: [вáн'к'а], [зóјк'а].

Наблюдается **упрощение групп согласных** в тех случаях, когда оно не происходит в литературном языке: *спахали* - «вспахали», *ненасья, уверенность*.

Из **морфологических особенностей говора** в речи сельчан нашли отражение:

У существительных 1) влияние 1-го склонения на 3-е: *к осени, о жизни*; 2) иная родовая отнесенность существительных: *проса* (ж.р.) и *конопле* (ср.р.); 3) более широкое распространение ударного окончания *а* во мн. числе в им. падеже сущ. м.р. 2-го склонения, *пруга, поршня, пола, месяца*; 4) окончание *-е* в соответствии с литературным *-и* у существительных на *-ие, ия* в п.пад. ед.ч.: *на общем собрание, в армии*.

В прилагательных отражены диалектные черты: 1) флексия *-ымя* (*имя*) в тв. п. мн. ч. *с белымя сумками*; 2) окончание *-ым* (*-им*) в пр. пад. ед. ч. м. и ср. р.: *на деревянным полу*; 3) окончание *-ой* в им. п. ед. ч. м. р. прилагательных с основой на твёрдые и заднеязычные: *домик стариной, педжак синенькой*; 4) стяжение флексий, имевших интервокальный [j]: *малиника еще была, в средню школу*.

В местоимениях и числительных морфологическими диалектизмами являются: 1) окончание *-имя* в личном местоимении 3-го лица мн. числа: *с имя, с нимя*; 2) обобщение по женскому роду форм *оне, одне, одних*; 3) изменение по образцу прилагательных собирательных слов: *двои сани, трои наушники* (то есть с согласованием, а не с управлением, когда собирательное слово стоит в им. – в.п.); 4) замена личного местоимения *их* в притяжательном значении адъективным образованием *ихний*; 5) числительные склоняются со стремлением заменить все косвенные падежи родительным: *с двáдцать рублями, без пять сёмь*.

В области глаголов в говоре отразились следующие особенности: 1) стяжение флексий с интервокальным [j]: *черпат, получают*; 2) образование форм наклонений без характерного для литературного языка чередования заднеязычных с шипящими: *ляжет, пекёт*; 3) перенос чередования *о || а* в позицию после мягких: *держит - удярживать*; 4) употребление настоящего и простого будущего времени с частицей *бы*. Эта конструкция употребляется в рассказах: *«Иду бы я по берегу»*.

Из **синтаксических особенностей** в говоре встречаются:

Двойное глагольное сказуемое: *пойду сяду*.

Смысловая согласованность глагола – сказуемого с подлежащим, с собирательным существительным: *молодежь пошли*. Если употребляется в значении целостного поколения, то глагол стоит в единственном числе: *молодёжь пошла в торговлю*.

Уменьшение употребления сложноподчинённых предложений.

Отсутствие указательного слова в придаточных определительных: *Дарю, которого люблю*, вместо: «Дарю тому, которого люблю».

Беспредложный местный падеж: *двенадцатом году*.

Множественное число глагола-сказуемого при подлежащем, выраженном единственным числом: *Отец спыхали*.

Большее употребление сравнительно с литературной речью безличных конструкции, типа *вчера уже сроблено, сеном запасено на всю зиму*.

Таким образом, собранный и исследованный материал позволил сделать выводы о характере говора села Новоиковское Каргапольского района: он относится к **смешанному типу с севернорусской основой**.

Собранный экспедицией **топонимический материал** представлен несколькими группами топонимов: официальную топонимику представляют названия сёл, деревень, рек, озер. К неофициальной относятся названия краёв – частей деревень, отдельных улиц, урочищ, мелких водоемов. Материал об официальной топонимике был найден в архивах и музеях школ района. Часть наименований была нами записана, а объяснения найдены в материалах Курганского государственного архива.

Вот, например, сведения о селе Брылинском:

Село Брылинское получило свое название от первого народонаселителя крестьянина Ялуторовского округа, из Терксюкской волости Герасима Замятина, которого многие звали Брылой, что в переводе с татарского «чубастый», либо имеющий «усы над верхней губой».

Село это расположено по сторонам реки Ик, что значит Черный, которая вытекает из озера Иткуль и впадает в реку Исеть. По удобству местоположения, кроме Герасима Замятина, скоро переплыли по приглашению из той же Терксюкской волости его родственники. В 1851 году 9 октября была заложена церковь. Окончена постройка в 1853 году и тогда же освящена. На состав населения влияли внутренние миграции, был замечен приток староверов. Основными занятиями Брылинской волости были земледелие и скотоводство. Этому способствовало наличие удобной для земледелия земли и сенокосных угодий, выпасов для скота. Кроме того, жители занимались переработкой охотских шкур. Было широко распространено пимокатное ремесло, существовали целые династии пимокатов. Возникли гончарное и бондарное ремесла. Существовали еще и чисто женские промыслы и рукоделия: переработка льна, конопли и овечьей шерсти. В 1930-х годах создан колхоз. До сих пор действует образовавшийся на его основе агропромышленный комплекс. Много лет в селе работал кирпичный завод, сейчас на его месте построили завод керамических материалов.

О неофициальной топонимике мы узнавали из рассказов жителей деревень и сёл, записывая топонимические легенды и предания.

Например, часть села Чаши имеет название Расковалова.

В народе бытует суждение, что она получила название по месту, где раньше с государственных преступников, так называемых колодников, снимали цепи – расковывали их, считая, что отсюда, из глуши Сибири, они уже никуда не убегут. По названию деревни называется и озеро – Расковаловское. Жители покажут даже здание, где снимали цепи и кандалы с каторжников.

Иногда мы слышали несколько вариантов толкования топонима. Например, в селе Брылинское есть пруд Золотой мостик.

По одной из версий пруд назван так из-за большого количества жёлтой рыбы (карасей, чебаков).

По другой - Мостик, потому что водоём разделён запрудой, на которой проложен асфальт, а Золотой, потому что в нём спрятаны сокровища одного из ссыльных каторжан.

Названия заимочных участков чаще всего указывают на характер выполняемых здесь работ: Заимка, Пасека, Пашенная избушка, Мельница. Обозначения по роду деятельности сочетаются с указанием владельца (заимка Огнева, пасека Павлова) или по месту их положения и по качеству растительности: Болотистый покос, Солоновка (на солонцеватых почвах).

Таким образом, данные экспедиции могут служить ценным языковым материалом и помогают узнать много нового об истории и быте родного края.

И.А. Шушарина

М. Кузьмина

Реализация этноисторического концепта «жизнь» в русском и польском языках

Одним из направлений современной лингвистики является изучение концептосфер, образуемых совокупностью концептов, то есть конкретных лексем и устойчивых сочетаний как знаков, обладающих определенной семантикой, синтактикой и прагматикой, выступающих в конкретном социокультурном окружении. Концепт тесно связан с человеком и его восприятием окружающей действительности, а следовательно, концептосфера конкретного человека может подвергаться частичным изменениям на разных жизненных этапах в связи с изменением представлений самого человека. Вместе с тем концептосфера каждого человека формируется под влиянием концептосферы семьи, общества и этноса в целом. Чем шире социокультурный круг, тем более медленными трансформациям подвержены актуальные для него концепты, однако определённые сдвиги в них всё-таки происходят. Именно поэтому нам показалось

интересным сопоставить один и тот же концепт у разных этносов, находящихся в родственных отношениях.

Языковая концептуализация как совокупность приемов семантического представления плана содержания лексических единиц различна в разных культурах (4, с. 238), но при этом языковые и культурные особенности, воплощающиеся в концептах, в значительной мере случайны. Во многих концептах отражаются различные способы видения разных народов, и тем самым концепты, отмеченные этнической спецификой, соотносятся с менталитетом как множеством когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов этноса. Концепт как ментальное образование обязательно отмечен лингвокультурной спецификой и участвует в воссоздании антропоцентрической парадигмы этноса. Даже у очень близких по происхождению народов один и тот же концепт может быть представлен по-разному, вызывая различные глубинные ассоциации. Таким образом, концептосфера – это система понятий, выработанных этническим языковым сознанием, которая воспринимается в совокупности всех ассоциативных возможностей в каждом конкретном языке.

В настоящей работе мы остановимся на концепте «жизнь» и ее культурно-этнической и культурно-исторической реализации в русском и польском языках, генетически восходящих к одному языку-основе и многократно пересекавшихся в ходе своего развития.

В качестве рабочей гипотезы мы предполагаем, что концепт «жизнь», относящийся к общечеловеческим понятиям, реализуется в русском и польском языках очень близко, так как эти народы изначально имели не только общий язык, но и общие традиции, одинаковое отношение к жизни и смерти, одинаковую обрядность. Поверхностные наблюдения подтвердят это умозаключение, так как и в русском, и в польском языках сохраняются значительные по объёму гнёзда слов с историческим корнем –*жи-* / –*ży-*. Если принимать во внимание только слова, употребляемые в современных литературных языках, то в русском гнездо насчитывает 168 слов, в польском – 110. Этимологически родственный корень –*гой-* / –*goj-* лишь ненамного расширит эти гнёзда: рус. *изгой* «устар. человек,

вышедший из своего прежнего социального состояния», «изгоняемый, отвергнутый обществом», а также вышедшие ныне из употребления восклицание приветствия (например, у Лермонтова: *Уж ты гой еси, царь Иван Васильевич!*), обозначение заклинателя, колдуна, а, по сути, и лекаря – *гойт*, обозначение того, что даёт жизнь – *гойло / гойло* (6, с. 59), обозначение пояса, шнурка (необходимо помнить, что пояс всегда считался у славян оберегом, напрямую связанным с жизнью) – *гайтан / гойтан* (8, с. 8,59) и др.; польск. *zagoić* «заживить, зарубцевать», *zagoić się* «зажить, зарубцеваться», *goić* «лечить, заживлять», *goić się* «заживать». Если мы обратимся к историческим словарям, то гнезда с рассматриваемыми корнями увеличатся примерно в два с половиной раза, если привлечем областные словари, словари жаргонов, то сможем добавить к гнездам еще несколько десятков слов.

Однако простые количественные подсчёты мало что дадут для понимания концепта «жизнь» в русском и польском языках. Чтобы разобраться, с какими представлениями связывали восточные и западные славяне жизнь, какие понятия наделяли качествами, присущими живому, какие понятия лишали этих качеств и намеренно подчёркивали это, необходимо слова, содержащие корни *-жи-* / *-ży-* и *-гой-* / *-goi-*, разделить на близкие по семантике группы.

И в русском, и в польском языках наиболее многочисленной является группа слов, объединяющая лексемы со значением «промежуток времени между рождением и смертью». Сюда входят и имена, обозначающие этот промежуток времени (*жизнь, житьё, житьишко, житуха*, уст. *живот* и др. – *życie, rożycie, żywot, dożycie* и др.), и глаголы, характеризующие процесс протекания времени в этом промежутке, взаимоотношения людей на протяжении этого времени (*жить, зажить* «начать жить», *пожить, дожить, житься, нажиться* «вдоволь пожить», *прожить, пережить, сжиться, ужиться* и др. – *żyć, przeżyć, pażyć się, dożyć, dożywać, zżywać się, zżyć się* и др.). Вероятно, это представление в славянских языках, а в частности в русском и польском, является одним из наиболее древних. Такой вывод мы можем сделать исходя из того, что подавляющее большинство русских и польских слов этой группы эквивалентно,

лишь некоторые из них в польском языке передаются описательно: например, русский глагол *зажить* - «начать жить» в польском имеет эквивалент *zacząć żyć*. Нетрудно заметить, что и словообразовательные модели у большинства из этих лексем одинаковые. В остальных группах такого единства не наблюдается. Даже в группе слов, характеризующих завершающий этап жизненного пути, в русском и польском языках нет полного единства. Если в русском языке о человеке в возрасте принято говорить, что он *пожилой* (исторически перед нами местоименная форма действительного причастия прошедшего времени на -л- от глагола *пожити*), то в польском языке такого человека назовут *podeszły* (буквально «подошедший к определённой черте»), *podstarzały* (буквально «находящийся под старостью», ср. рус. *престарелый*).

И всё-таки русский и польский языки объединяют представления о том, что или кто приносит жизнь (*живительный, живоносный, животворящий* – *ożywczy, życiodajny*). Однако если в русском языке представления об отношении к жизни передаются с помощью сложных слов (*жизнеощущение, жизнерадостность, жизнерадостный, жизнеутверждающий*), то в польском языке им соответствуют только описательные модели (*жизнеощущение* – *pożucie życia, жизнерадостность* – *radość życia, жизнерадостный* – *pełen radości życia, жизнеутверждающий* – *afirmujący życie, przywiązany do życia, pragnący żyć*). Свидетельствовать это в данном случае может лишь о том, что лексемы этой группы относятся не к разговорной речи, а к книжной. В разговорной речи и в русском, и в польском языках ощущается искусственность этих лексем, излишняя торжественность.

Лингвокультурные представления о жизни у славян прежде всего связывались с возможностью движения, текучестью, подвижностью, поэтому многие лексемы, характеризующие скорость движения, имеют корень –*жи-* / –*жу-*: русские лексемы *живо* - «быстро», *живость, оживлённый, оживляться* имеют точные эквиваленты в польском языке: *żywo, żywość, ożywiony, ożywiać się*. Однако есть в этой группе и слова, имеющие в родственном языке иную

словообразовательную модель (*живчик – żyву*) или лишь модель описательную (*живо! - z życiem! - «пошевеливайся»*).

Особый интерес имеют слова, образованные от разных корней. Это является прямым свидетельством того, что в основе лингвокультурных представлений о данном предмете или действии у русских и поляков лежат разные взгляды на него. Так, несомненно, русское прилагательное *живой* в значении «*подвижный*» связано с быстрым движением, однако польское прилагательное *żyву* такого значения не имеет. Оно передаётся с помощью прилагательного *ruchliwy*, в основе которого лежит представление о быстроте обмена, расторопности, подвижности, но никак не жизни. Можно привести и обратные примеры, когда в основе польских наименований лежат представления о жизни, связанной с движением, а в русском используются либо славянские слова с другим корнем, либо заимствования: *стихия – żywiół, стихийный, буйный, бурный – żywiółowy, темперамент, энергия – życie*. Безусловно, значение «темперамент, энергия» у польского слова *życie*, обозначающего прежде всего жизнь как промежуток времени между рождением и смертью, развилось на основе метафоры – «нечто стремительное, находящееся в постоянном движении». Но эта метафора свойственна не только польскому языку. Сравните, например, русское восклицание «*Вот это жизнь!*», характеризующее жизнь, полную приключений, движения.

Слово современного русского языка *смола* этимологически связано с представлениями о чем-то пачкающем, дымящем, чадящем (9, 2, с. 179-180), однако в древнерусском языке для обозначения липкого сока, выделяемого хвойными деревьями, существовало и другое название – *живица*. Название это возникло из представлений о том, что смола течёт по дереву, принося ему жизнь, истекает из ранки на дереве, заживляет рану. В польском языке это более древнее название смолы сохранилось по сей день – *żywica*. Какое представление лежит в основе лексемы *живица / żywica*? Возможно, представление, связанное с врачеванием (сравните рус. *заживлять, заживить, зажить*, однако в польском понятие врачевания восходит к этимологически родственному, но всё-таки

фонетически далеко отстоящему на современном этапе развития языков корню – *zagoić* - «зажить, зарубцевать», *zagoić się* - «зажиться, зарубцеваться», *goić* - «лечить, заживлять», *goić się* - «заживать»). Возможно, с представлением о том, что даёт жизнь. Возможно, с представлением о том, что движется, струится. Очень вероятно и то, что в смысле этой лексемы слилось сразу несколько представлений, так или иначе связанных с жизнью.

Славяне издавна известны как народ, занимающийся земледелием, возделывающий различные злаковые культуры, среди которых наиболее популярными были пшеница, рожь, ячмень, просо, греча, овёс. Видимо, из-за того, что от наличия или отсутствия зерновых культур зависело существование самой жизни, в праславянском языке их общим наименованием было слово, напрямую связанное с понятием жизни, с тем, что даёт жизнь, – *жито*. В этом значении лексема *жито* известна во многих русских говорах (в основном северо-восточных), а также в русском литературном языке. Однако по говорам известны и другие значения слова *жито*, развившиеся в связи с преобладанием на какой-либо территории той или иной злаковой культуры. Так, в северных и северо-западных районах *житом* называют ячмень, на юге и юго-востоке – рожь, в центральных районах – пшеницу. В польском языке наименование *żyto* закрепилось за рожью – наиболее широко возделываемой культурой. Вполне естественно, что и производные слова и в русском, и в польском языках образуются от того же корня, однако в связи с разными бытовыми условиями жизни русских и поляков, в связи с разными хлеборобскими традициями фонетически сходные лексемы получают в русском и польском языках разное значение: *житный* - «пшеничный, зерновой» – *żytny* - «ржаной», *жито* - «зерно, зерно на корню» в отдельных районах – «рожь», «пшеница», «ячмень» – *żyto* - «рожь». Часть лексем в русском и польском языках не имеют фонетических эквивалентов, например, *житница* - «помещение для хлеба, зерна», «богатый урожаем район», *żytniówka* «хлебная водка».

Концепт «жизнь», безусловно, не исчерпывается в русском и польском языках одним корнем. Огромный интерес для исследователей представляют

лексико-семантические группы, в основе которых в одном из языков лежит представление о жизни и её проявлениях, а в другом на первый план выходят другие начала.

Так, в русском языке обширная группа слов связана с обозначением животных: *живность, животное, животновод, животноводство, животноводческий, животинка, животное, а также наживка, живец*. При этом в русском языке выработалось противопоставление *животное – зверь*. Животное – живое, тёплое, домашнее, приручённое, а также нейтральное название всех живых существ, способных передвигаться и чувствовать. Зверь – дикое, обычно хищное животное, в переносном значении – жестокий человек. Таким образом, в русском языке сохраняется исконное значение лексемы *зверь* - «дикое животное» (9, 1, с. 320). В польском языке и домашнее, и дикое животное обозначается лексемой *zwierzę*, для обозначения домашнего животного иногда может использоваться уточнение – *zwierzę domowe*, рабочий скот обозначается лексемой *bydło, bydłę* (от *być*, буквально «то, что существует»). Лексема *żywotny* в польском языке имеет несколько значений, которые в той или иной мере связаны с проявлением жизни, однако она не обозначает конкретного живого существа: «живучий», «жизненный», «активный, предприимчивый», «живительный, животворный», «животрепещущий».

С изображением жизни, живых картин в русском языке связано обозначение художника – *живописец* – и его деятельности: *живопись, живописный, живописать*. В польском языке для обозначения этих понятий используется немецкое заимствование – *malarz* – и производные от него формы: *malarstwo, malowniczo*.

Не совпадает у русских и поляков и представление о строении, предназначенном для *проживания (жительства)*. В русском языке это *жильё, жилище*, помещение, предназначенное для хозяйственных нужд или покинутое людьми, называется *жилым*, а человек, живущий где-либо, называется *жилецом, жителем*. Таким образом, корень –*жи-* в русском языке реализует еще одно значение – «связанное с обитанием кого-либо где-либо». Это значение реализует

в польском языке другой корень, первичное предназначение которого – обозначение места: *mieszkanie, mieszkalny, niemieszkalny, mieszkaniac, mieszczanin* и др.

В польском языке с семой «жизнь» связана большая лексико-семантическая группа, объединяемая общим значением «пища, корм»: *pożywienie* - «пища», *żywienie* - «питание», *odżywka* - «питательное средство», *żywić* - «кормить», *pożywić* - «накормить», *odżywiać* - «питать», *dożywiać* - «подкармливать», *pożywiać się* - «есть, удовлетворять голод», *żywiciel* - «кормилец» и т.д. К этой группе примыкают и лексемы, обозначающие пожизненную пенсию, ренту – *dożywocie*, и полнотелого человека – *zażywny*.

С семой «жизнь» в польском языке связаны и лексико-семантические группы «Заём», «Желание», «Польза». В русском языке в основе этих групп лежат совсем иные представления.

Таким образом, концепт «жизнь» в русском и польском языках совпадает далеко не полностью. Вероятно, наиболее древними семами, входящими в этот концепт, были семы «промежуток времени между жизнью и смертью», «движение», «то, что приносит жизнь». На основе этих сем развились другие, при этом развитие метафорических и метонимических значений в русском и польском языках идёт разными путями. Поскольку большинство лексем, входящих в концепт «жизнь», не являются новообразованиями в русском и польском языках, мы можем с уверенностью сказать, что формирование ментальных различий между двумя народами произошло на достаточно раннем этапе, и, несмотря на тесные культурные, экономические, милитаристские связи, происходило постоянное расподобление народов, что не могло не отразиться и на их языках.

Список литературы

1. Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego.- Kraków: Wydawnictwo literackie, 2006.
2. Podręczny słownik rosyjsko-polski / Pod red. J.H.Dworeckiego. - Warszawa, 1975.
3. Słownik poprawnej polszczyzny / Red. W. Doroszewski. -Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1973.

4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ. - 1993. - Т. 52. - № 1.
5. Словарь русского языка XI – XVII вв. Т. 1 – 27. - М., 1975 – (издание продолжается).
6. Стыпула Р., Ковалёва Г.В. Новый польско-русский словарь. - М., 2004.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. - СПб., 1996.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. - М., 1994.

И.А. Шушарина

М.А. Шушарин

Церковные документы XVIII века как лексикографический источник

Церковные документы всегда являлись ценным и богатым источником изучения языка. Они дают обширный фонетический, грамматический и лексико-фразеологический материал, который позволяет судить об уровне развития русского языка в тот или иной период. Вместе с тем язык неразрывно связан с историей народа, с развитием его самосознания, с культурными преобразованиями.

Многие церковные документы в силу разных причин были долгое время недоступны для исследователей, да и сейчас далеко не всякое духовное учреждение охотно раскроет свои архивы. Доступными оказываются разве что метрические книги и государственные указы, пришедшие из Святейшего синода. На этом фоне особый интерес представляют документы церквей, прекративших своё существование в советское время и передавших дела в государственные архивы. Это не только метрические книги, духовные росписи, брачные обыски и государственные указы, но и документы, связанные со строительством церквей, росписи церковной утвари, служебные уставы, указы о наложении епитимий и отлучении от церкви, служебные запреты, духовные наставления, проповеди

(поучения), обыски беглых монахов с подробным описанием их внешности, земельные тяжбы и многое другое.

Материалом нашего исследования стали документы Николаевской церкви села Усть-Суерского (ф.13), Алексеевской церкви села Белозерского (ф.32), Богоявленской церкви села Утятского (ф.75), Знаменской церкви села Мостовского (ф.77), Петропавловской церкви села Черемухова (ф.78), Крестовоздвиженской церкви крепости Звериноголовской (ф.111), Богоявленской церкви слободы Марайской (ф.113), Васильевской церкви слободы Иковской (ф.207), Воскресенской церкви слободы Воскресенской (ф. 272). Они относятся к XVIII веку (с 1703 по 1800 гг.), хранятся в Государственном архиве Курганской области. Каждый фонд составляет несколько дел, содержащих от 20 до 560 листов.

В течение XVIII века сменилось несколько эпох (Петровская, Бироновская, Елизаветинская, Екатерининская, эпохи Павла I и Александра I), каждая из которых характеризовалась своими начинаниями, нововведениями, что, безусловно, отражалось и на языке, в том числе и на языке церковных документов.

В исследованных нами памятниках представлена лексика самой разнообразной тематики, что подтверждает широту интересов церкви и активность её позиции по отношению к различным сторонам жизни. В документах выделяется несколько обширных лексических групп, каждая из которых имеет более дробное внутреннее деление: *церковная лексика, лексика делопроизводства, административно-правовая лексика, бытовая лексика, военная лексика, образовательно-педагогическая лексика, медицинская лексика.*

Наиболее частотной является *церковная лексика*. Она составляет более 40 % всех употреблений. Эта лексика традиционна, она практически без изменений использовалась на протяжении нескольких веков и в современной церкви остаётся актуальной. В настоящее время вышли из церковного употребления лишь некоторые лексемы, однако многие слова современным носителям литературного языка, далёким от церковной культуры, могут показаться незнакомыми.

Объясняется это изменившимся на протяжении XX века положением церкви в России.

Традиционными являются названия духовных санов и лиц, имеющих отношение к церкви (в том числе обобщающие названия): *архиерей, архимандрит, братство, духовенство, дьякон, епископ, игумен, иерей, иеродьякон, иеромонах, иподьякон, митрополит, молебщик, монах, пастырь, патриарх, поп, послушник, пресвитер, прихожанин, причт, причетник, протодьякон, священник, священнослужитель, церковнослужитель, чашиник.*

Пласт лексики, называющей предметы церковной утвари, священнического облачения, икон, церковных книг, наиболее полно представлен в росписях, где зачастую даются не только названия той или иной вещи, но и представлено описание ее внешнего вида, материала, из которого она изготовлена. Эта лексика представлена и в других документах, но уже без описания внешнего вида.

Названия церковных книг

В росписях упоминаются почти все книги, используемые в богослужении:

Апостол – книга, содержащая часть Нового Завета – Деяния и Послания св. апостолов. В ней приведено годовое богослужебное расписание новозаветных чтений с указанием прокимнов и аллилуориев.

Евангелие – богослужебная книга, содержащая текст Четвероевангелия (т.е. четырех Евангелий – от Матфея, Марка, Луки и Иоанна) и расписание евангельских богослужебных чтений. Чтение Евангелия входит в богослужения литургии, праздничной утрени, царских часов и некоторые другие. За исключением времени чтения, Евангелие находится в алтаре на престоле.

Ирмологий – богослужебная книга, содержащая ирмосы и катавасии канонов из октоиха и праздничных канонов из минеи и триоди.

Минеи – богослужебная книга, содержащая тексты изменяемых молитвословий неподвижного годового богослужебного круга. Различаются три вида миней: месячная, праздничная и общая. Месячная минея содержит службы святых и праздников (расположенные в соответствии с месяцесловом) одного из

двенадцати месяцев. Праздничная минея состоит из служб наиболее важных двенадцатых праздников и некоторых других. Общая минея включает службы, посвященные определенному типу святости (мученику, святителю и др.), она используется, когда совершается богослужение в память какого-либо святого, отдельная служба которому отсутствует в месячной минее.

Октоих – книга, содержащая тексты изменяемых молитвословий восьми гласов на каждый день недели.

Псалтирь – книга, содержащая псалтирь, разделенную на двадцать кафизм, с указанием тропарей и молитв, читаемых после кафизм. В книге могут помещаться часослов и месяцеслов.

Служебник – книга, предназначенная для богослужения священника и дьякона. Содержит чинопоследования вечерни, утрени, литургий Иоанна Златоуста, Василия Великого и Преждеосвященных Даров с текстами так называемых тайных иерейских молитв, в том числе молитвы евхаристического канона. В служебнике приведены месяцеслов, указания к совершению литургии, тексты прокимнов и аллилуариев, некоторые молитвословия из Постной триоды и Цветной триоды, а также чин благословения колива и чин литии об умерших.

Требник – книга, содержащая чинопоследование треб. Различаются малый и большой требники.

Типикон – книга, содержащая богослужебный устав, месяцеслов с Марковыми главами, соединяющими подвижный и неподвижный годовые богослужебные круги, правила о постах, правила монастырского общежития и указания о совершении храмовых праздников.

Триодь – (греч. трипесенный) – богослужебная книга, содержащая тексты изменяемых молитвословий подвижного годового богослужебного круга. По содержанию различаются Триодь Постная и Триодь Цветная. Постная содержит службы Великого поста и трех предшествующих недель. Цветная, иначе называемая пентикостарион (греч. пятидесятница), содержит службы от Пасхи до недели Всех святых (т.е. Пятидесятницы и еще одной недели). Название происходит от содержащихся в книге трехпесенных канонов.

Часослов – книга, содержащая тексты неизменяемых молитвословий суточного богослужебного круга (в том числе часов), а также тексты некоторых из наиболее употребляемых изменяемых молитвословий.

Не упоминается, как правило, только «чиновник», предназначенный для ведения архиерейских служб.

Названия богослужебных облачений

В росписях подробно перечисляется облачение клира. Из текста не всегда ясно, кому принадлежит тот или иной предмет (священнику или дьякону), но писарь тщательно фиксирует, из какой ткани сшита та или иная часть одеяний, какого она цвета, чем украшена. Цвет одеяний клира строго определяется праздником: в Рождество одеяния должны быть белыми, в Троицу – белыми, в Пасху – сначала черными, затем меняются на белые. Качество материала, из которого шились одежды, могло варьироваться в зависимости от достатка прихода, а цветовая их гамма является обязательной во всех росписях.

Стихарь – богослужебное облачение церковнослужителя.

Подрясник, поручи, стихарь, орарь – богослужебное облачение дьякона.

Подрясник, ряса (во время литургии вместо рясы надевается *подризник*), *поручи, епитрахиль, пояс, фелонь, наперсный крест* – богослужебное облачение священника.

В качестве награды священникам дается право ношения *скуфьи, набедренника, камилавки, креста с украшениями, палицы* и *митры*.

В росписях упоминается и обязательное облачение престола: верхнего – *срачица*, нижнего – *индития*. Как и в одеяниях клира, качество материала, из которого изготовлены одеяния престола, варьируется, а цветовая гамма (белая) является обязательной.

Названия предметов церковной службы

В росписях подробно перечислены предметы, используемые во время церковной службы. Нередко они упоминаются и в других документах, особенно в

обысках, связанных с нарушениями в деятельности священников. Среди названий этих предметов можно найти *антиминс, венец, дароносицу, дискос, дикирий, жертвенник, звездицу, кадило, канун (канунник), киот, копие, крест, лампаду, лжицу, мирницу, мощи, тарелы (тарели), хоругвь, четки* и др. В середине XVIII в. издается указ Синода о замене медных сосудов, используемых в богослужении, на серебряные и золотые, однако в росписях до самого конца XVIII в. фигурируют сосуды медные или посеребренные.

Названия икон

Основной набор икон во всех церквях одинаков: икона Божией Матери, распятие Христа; основной набор иконостаса: икона Иисуса Христа, Богородицы, Тайная вечеря, иконы двенадцатых праздников. Иконостас в небольших южнозауральских церквях содержал три яруса икон, так как ни в одной росписи не упоминаются иконы, располагающиеся обычно в четвертом (иконы пророков) и пятом ярусах (иконы ветхозаветных праведников и праотцов – Авраама, Исаака, Иакова и др.). В росписях часто упоминаются иконы Богородицы с младенцем (обычно располагается в четвертом ярусе иконостаса) и Святой Троицы (в пятом ярусе иконостаса). Они располагались либо в первом ярусе, либо вне пределов иконостаса. В церковных росписях обязательно представлены иконы святого или праздника, которым посвящен храм. Так, в росписи Николаевской церкви села Усть-Суерского (ф.13, оп.1, дело 4) числится икона Николая Чудотворца, в росписях Богоявленской церкви села Утятского (ф.75, оп.1, дело 2) и Богоявленской церкви слободы Марайской (ф.113, оп. 1, дело 2) – икона Богоявления, в росписи Петропавловской церкви села Черемухова (ф.78, оп.1, дело 3) – икона Петра и Павла.

По отношению к иконам, изображающим лики святых, обычно применяется термин «образ».

Названия церковных служб: *вечеря* (вечерняя служба), *заутреня* (утренняя церковная служба), *литургия* (христианское церковное богослужение), *панихида*

(церковная служба по умершему), *молебствие* (церковное празднество по местным установлениям и обычаям о здравии, благополучии, благоприятном исходе дела), *моление* (молебен).

Названия центральных и местных духовных учреждений: *епархия* (церковный округ, управляемый епископом), *казак* (духовный округ в ведении благочинного), *консистория* (епархиальное присутственное место под началом архиерея), *приход* (низший церковный округ, центром которого является храм), *синод* (высший орган управления православной церковью).

Названия церковных строений и их частей: *лавра, монастырь, пустынь, собор, церковь, часовня, колокольня, алтарь, амвон, апсида* (выступ здания, полукруглый, гранёный или прямоугольный в плане, перекрытый полукуполом или сомкнутым полусводом. Впервые апсида появились в древнеримских базиликах. В христианских храмах апсида – алтарный выступ, ориентированный обычно на восток), *неф, барабан, купол, кокошники, пояс*. В документах на строительство церквей упоминаются и искусно вмонтированные в стены *голосники* – глиняные горшки, благодаря которым в храме поддерживается надлежащая акустика.

Названия религий и их течений: *христианство, раскол, греко-римская церковь, униатство*. Упоминание униатской греко-римской церкви в церковных документах Южного Зауралья неслучайно. В XVIII в., особенно в 80-90-е годы, здесь появляется много поляков, украинцев и белорусов (по большей части ссыльных).

Названия лиц по церковной вере: *христианин, католик, униат (юниат), еретик, еретица*. Произошедший в XVII веке раскол православной церкви в восемнадцатом столетии только набирает силу. Этому явлению посвящено множество правительственных указов и церковных наставлений, в которых

священники всячески стремятся отвратить прихожан от раскольнической веры, показать её несостоятельность. Если в официальных документах для последователей протопопа Аввакума принят только термин *раскольник*, то в текстах наставлений и проповедей именованій множество: *старовер*, *двоеданин*, *единоверец*, *молоканин*, *рябинник*, *хлыст*, *дырник*, *прелестник* и др. Это свидетельство большого распространения старообрядчества в России.

Названия деловых бумаг

На втором месте по частотности употребления стоит лексика делопроизводства. Этот пласт не столь обширен, как церковный, но частотность употребления каждой лексемы весьма значительна. Большинство документов церкви оформлено по строгим правилам, с обязательным воспроизведением всех необходимых реквизитов.

Среди лексики делопроизводства обнаруживаем ***названия различных деловых бумаг***: *ведомость*, *доношение / донесение* о событиях, происшествиях, торгах, о выполнении служебных и прочих поручений, *донос* на кого-либо, *известие*; *представление*, *промемория*, *рапорт / репорт*, *регламент*, *реляция*, *роспись*, *свидетельство*, *сказка*, *отчет*, *табель*, *указ*, *устав* и др. К концу XVIII века в южнозауральских текстах еще окончательно не сложилась традиция именованія документа: далеко не во всех текстах присутствует реквизит, обозначающий вид документа, нередко встречаются синонимичные наименования идентичных текстов: *договор* – *контракт*, *жалоба* – *ябеда*, *доношение* – *донесение* – *донос* – *доноска* и др.

Названия светских и церковных чинов и должностей: *воевода*, *губернатор*, *казначей*, *канцелярист*, *начальник*, *обер-прокурор*, *писец*, *подканцелярист*, *правительство*, *префект*, *приказчик*, *протоколист*, *ревизор*, *секретарь*, *староста*, *эконом / эконо́м*, *ящик* и др.

Административная лексика

Примерно такова же частотность употребления в церковных документах административной лексики. Она представлена несколькими лексико-семантическими группами. **Названия административных учреждений:** ведомство, канцелярия, коллегия, контора, правление, приказ, сенат и др. **Названия государственных административных единиц:** город, государство, губерния, дистрикт (округ, уезд), провинция (административно-территориальная единица), уезд и др. **Названия лиц по социальному положению и классовым признакам:** господин, граф, дворянство, князь, крестьянин, крестьянство, помещик, слуга, старейшина (наиболее старый и авторитетный член общества, коллектива, объединения) и др. **Названия царя и членов его семьи:** Великая княгиня, Великий князь, Государыня, Государь, Император, Императрица, Монарх, Самодержец, Самодержица, Царица и др.

Несмотря на то что документы подразумевают официальный стиль общения, в них нередко можно обнаружить **бытовую лексику:** названия лиц по родству и свойству: внук, дети, дочь, жена, муж, мать, отец, родители, родственник, сын, свойственник; названия орудий труда: топор, коса, цеп, маслобойка; названия средств передвижения: телега, двуколка, розвальни, возок; названия домашних животных: собака, корова, лошадь и др.

Военная лексика

В церковных документах находим военную терминологию: **названия войск, их подразделений:** армия, артиллерия, батальон, войско, лейб-гвардия, оружие, полк; **наименования армейских чинов и званий:** генерал-адъютант, обер-офицер, полковник, солдат; **название оружия:** оружие, пушка, порох, ядра, гаубица, единорог, картечь, ружьё; **названия отвлеченных военных действий:** атака, осада, наступление, плен, штурм, военные действия, ворваться, воевать, привести в замешательство, рубить, сделать (дать) отпор, вооружиться, атаковать, выступать, сделать подкоп, производить стрельбу, сделать вал,

навить сена (чтобы обезопасить войско и животных от пушечных выстрелов) и др.

Особняком в церковных документах стоит **образовательно-педагогическая и медицинская терминология**. Она употребляется крайне редко и только в специфических документах, например, в распоряжениях отправить детей священства определенного возраста в семинарию или в русскую школу, в отписках священников, в которых они указывают причины, по которым не смогли прибыть к начальству (за посечением ноги, за жестокою лихорадкою) и др.

Тексты церковных наставлений невозможно представить себе без фразеологии, связанной с Библией и Священным Писанием, а также без фразеологии, сложившейся в церковной практике. Наиболее распространенным наименованием священства в документах XVIII в. (не только церковных) является устойчивое сочетание *священно- и церковнослужители*, прихожан же в наставлениях чаще всего именуют другим устойчивым сочетанием – *духовные чада*, это наименование подчёркивает, что прихожане, верные церкви, послушные её законам, уподобляются детям Божиим, и как Господь заботится о своих детях, так и священник должен заботиться о душевном состоянии своих чад. Для увещевания своих духовных чад, для наставления их на верный духовный путь священники в проповедях не скупятся на библейскую фразеологию и текстовые реминисценции. Так, в наставлениях, призванных отвернуть крестьян от Емельяна Пугачева, используются библейские фразеологизмы, характеризующие его действия: *яко тать в нощи, яко волк в овечьей шкуре, камни возопиют, вопиющий грех*. Действия рядовых крестьян, невольно оказавшихся втянутыми в мятеж, оцениваются так: *сами не ведают, что творят, яко заблудшие овцы*. Если учесть, что в наставлении говорится о том, что все, кто добровольно оставит войско Пугачёва, будут прощены, эти фразеологизмы в тексте наставления очень уместны. Фразеологизмы характеризуют и действия высших сил против войск Пугачёва: *излить фиал гнева, изгнание бесов*. При этом создаётся впечатление, что действия императрицы и войск, которые она посылает против войск Пугачева,

диктуются свыше, являются Божественным провидением. Поддерживается авторитет императорской власти и такими оценками действий Екатерины, как: *проявила мудрость Соломонову*, её добросердечие, справедливость подчеркивается фразеологизмом *отделяет пшеницу от плевелов*. Таким образом, церковные наставления строятся по всем законам гомилетики, а умелое использование библейской фразеологии помогает священникам убедить паству в правильности действий императорских войск и преступности действий Пугачева.

В других церковных документах, например росписях, указах о проведении благодарственных молебствий и под., отмечаем полное отсутствие библейской фразеологии. В этих текстах употребляются только устойчивые сочетания, характерные для деловых текстов.

Таким образом, церковные документы XVIII века могут служить богатейшим материалом для составления исторических словарей. Они показывают, что жизнь священнослужителей в то время была тесно связана как с жизнью государства в целом, так и с жизнью обывателей.

И.В. Щурова

Нарушение лексической сочетаемости как элемент языковой игры в произведениях Людмилы Улицкой

Языковая игра всегда имела место в русской речи, в публицистическом и художественном стилях, в языке отдельных писателей или героев их произведений. Многие исследователи отмечают тенденцию, ведущую к распространению языковой игры в русской речевой действительности. Об этом свидетельствуют как языковые факты, так и растущее внимание к ним со стороны исследователей.

Феномен языковой игры объясняется, как известно, стремлением к экспрессии речи. «Философы и психологи считают игру одним из фундаментальных свойств человеческой природы. Это вид деятельности, который

не преследует каких-то конкретных практических целей. Цель игры - доставить удовольствие людям, которые принимают в ней участие» (2, с.138).

В зависимости от того, когда говорящий переходит на позиции «человека играющего» и как он это делает, называют следующие виды языковой игры: а) используемая в коммуникативных играх при изучении иностранных языков; б) при создании аллюзии; в) используемая при преднамеренном употреблении нормативных языковых средств с целью выражения некоего дополнительного денотативного или коннотативного смысла; г) при сознательном нарушении языковой нормы, имеющем также целью выражение дополнительного денотативного или коннотативного смысла.

Если исключить из ситуаций, в которых говорящий переходит на позиции «человека играющего», дидактическую ситуацию при изучении иностранного языка, феномен языковой игры в речетворческой деятельности говорящего имеет место: при преднамеренном использовании языковых средств без нарушения языковой нормы; при использовании аллюзии, то есть в случае обращения к прецедентным текстам; при сознательном отступлении от языковой нормы. Целью языковой игры во все этих случаях является выражение денотативного или коннотативного смысла, добавочного к непосредственно выраженному смыслу. При этом автор языковой игры апеллирует к лингвистической пресуппозиции, то есть к собственно языковым знаниям читающего - знаниям особенностей языковых единиц, их вовлеченности в парадигматические и синтагматические отношения, знанию их стилистической принадлежности, знанию узуса.

Мы остановимся на проявлениях языковой игры, основанных на сознательном отступлении от языковой нормы.

«Если образованный человек говорит "ну побегли" или "а куды мне вещи девать?", он знает, что "побегли" и "куды" - это отступление от нормы. Но именно осознание такого отступления, нарочитое смешивание литературной нормы и областных элементов делает игру игрой» (2, с. 139).

Такая языковая игра строится на отклонении от стереотипов при осознании незыблемости этих стереотипов (2, с. 138). Е.Г. Костомаров отмечает:

«Реализуясь именно в конфликте со стандартом, экспрессема легче всего образуется в результате нарушения общезыковой литературной нормы словоупотребления» (4, с. 160). В таком понимании языковую игру определяют «как вид адогматического речевого поведения, основанный на преднамеренном нарушении языкового канона и обнаруживающий творческий потенциал личности в реализации системно заданных возможностей», то есть как отклонение от стандарта, как речетворчество в области «соотношения языкового стереотипа (стандарта, узуса, нормы)» и «заданных системным механизмом возможностей отклонения от этого стереотипа в речевой деятельности» (3, с. 239).

Разновидностью языковой игры, основанной на сознательном отступлении от языковой нормы, является нарушение лексической сочетаемости. Лексическая сочетаемость – это способность слов соединяться друг с другом (1, с. 13). Имеются в виду при этом соединения в речи слов со свободными значениями и те ограничения, которые накладываются языком на их лексическую сочетаемость.

Все знаменательные слова условно делят на две группы. Словам первой группы свойственна практически не ограниченная в пределах их предметно-логических связей сочетаемость. Это многие существительные (дом, стол, дерево, человек), глаголы (видеть, слышать, работать, знать), прилагательные (большой, хороший, тяжелый, холодный). Другую группу образуют слова с ограниченной сочетаемостью. Если слово многозначно, ограничения могут распространяться лишь на отдельные значения. Обычно ограничения сочетаемости наблюдаются у слов, сравнительно редко употребляющихся в речи, то есть у слов, не входящих в 2500 самых частотных слов русского языка.

В художественной речи границы лексической сочетаемости расширяются. В частности, ограничения сочетаемости не распространяются на переносное словоупотребление. Наоборот, именно нарушение привычных связей слов лежит в основе многих тропов.

В книге Людмилы Улицкой «Люди нашего царя», представляющей собой сборник рассказов, мы обнаружили немалое число употреблений, являющихся отклонениями от привычной лексической сочетаемости.

Как правило, непривычные сочетания слов входят в состав тропов.

В рассказах цикла встречаем метафоры, в структуре которых используется необычная сочетаемость.

В рассказе «Путь осла»:

Шоссе протекало через тоннель, выдолбленный в горе перед первой мировой войной, потом подкатывалось к маленькому городку... (5, с. 11). Здесь метафора автора помогает представить итальянские дороги, проходящие через тоннели. Далее в описании той же дороги автор вновь прибегает к метафоре:

... в такой местности всегда растворено беспокойство (5, с. 12). Образ жизни героини рассказа Женеьев описывается тоже с использованием необычной сочетаемости в составе метафоры:

... оставляя ее в одиночестве, до отказа заполненным прогулками, медитацией, йоговскими упражнениями... (5, с. 14).

У героини рассказа «Писательская дочь» Саши «несказанной белизны» кожа, и возникает метафора, которая становится развернутой:

Она вместе со своим телесным мрамором все время была в движении (5, с. 223).

Через годы:

Из беломраморной округлой красавицы превратилась в ободранную кошку (5, с. 225).

Картина рождественского вечера в гостях рисуется автором с применением того же приема:

Огонь в камине шевелил тени на стенах и на сводчатом потолке... (5, с. 16).

... не могли расслышать из-за огромности ее пения (5, с. 22).

И вдруг одна... упала за шиворот горизонта (5, с. 23).

В рассказе «Коровья нога» о насыщенной поездками и выступлениями жизни героиня повествует с использованием этого же тропа:

Выступлений в тот приезд было так много, что они несколько слиплись между собой (5, с. 272).

Совсем иной характер носят метафоры в рассказе «Приставная лестница», в котором убожество жизни несчастной многодетной семьи передано безжалостно резко, поскольку высказывание посредством несобственно-прямой речи вложено в уста героини:

Напрыгала Нинке брата Петьку (5, с. 27).

Иронически окрашено описание египетского отеля в рассказе «Так написано...»:

...Рай, придуманный разбогатевшим лакеем... и построенный местным арабом, доверчиво принимающим этот фасонистый бред как предел земной красоты (5, с. 303). Та же коннотация использована в создании образа верующей Розы, встреченной героиней в Египте:

Писание из неё так и перло, она была просто нафарширована цитатами (5, с. 308).

В прозе Улицкой описания любовного чувства практически не обходятся без привлечения метафор. Повесть «Сонечка», роман «Казус Кукоцкого», сборники «Первые и последние», да и другие произведения писательницы включают фрагменты, метафорический характер которых создает эффект тонкого, осторожного, мягкого прикосновения к тайне отношений между людьми:

Гриня, налитой стыдом и страстью (5, с. 80).

Неожиданные сочетания слов представляют собой и использованные автором метафорические эпитеты. Одна из героинь рассказа «Путь осла» характеризуется как

... Аньес с пышной аристократической фамилией (5, с. 12), а другая, Женестье, как

... женищина... с сильными синими глазами (5, с. 13). Ее жизнь во французской глубинке - это

...совершенство ее умеренного одиночества (5, с. 15).

На столе, накрытом Женестье к Рождеству,

... в сotteйнике лежал загорелый кролик (5, с. 17). И улыбалась она

... своей буддийской улыбкой (5, с. 17). В описании рождественской песни Женеви́ев автор вновь использует метафорические эпитеты:

По-французски это звучало сладчайшим образом (5, с. 19).

...Лиля атеистические слезы на этот старомодный американский псалом (5, с. 22).

У нее был огромный низкий голос, богатый звериными оттенками (5, с. 21).

Аньес плакала новыми слезами, не успев осушить тех, музыкальных (5, с. 23).

В рассказе «Коридорная система» использованные метафорические эпитеты имеют иную коннотацию, что обусловлено содержанием.

По коридору бежит, безнадежно желая угодить мужу, молодая женщина,

... деревянно хлопая каблуками старых туфель (5, с. 32). Ее дочь спустя годы сидит рядом с новой женой отца и

...дивится... на желудочный голос, урчащий... (5, с. 33).

Еще через много лет, героиня, беременная, ухаживающая за умирающей матерью

...ходила какая-то стеклянная, непроницаемая, без чувств... (5, с. 36).

Отклонения от привычной лексической сочетаемости нередки в эпитетах.

Старинная музыка в непрофессиональном исполнении характеризуется так:

В ней звучал тот трепетный гам... (5, с. 21).

...И святые должны были бы быть беспросветно глухими... (5, с. 22). В Рождественскую ночь герои видят

...преувеличенные звезды (5, с. 23).

В рассказе «Тело красавицы» осторожно-ироничные авторские эпитеты описывают чувства красавицы Тани и ее одноклассника Грини:

...Гормональная перестройка нарушила чудесный платонизм прежних отношений (5, с. 80).

...Унося от Грини непосильную красоту (5, с. 80).

В рассказе «Писательская дочь» эпитеты участвуют в создании антитезы двух миров: заветного и недоступного «простым детям» Артека и обычного подмосковного пионерского лагеря:

Воробьева слушала со вниманием восторженные рассказы об острых радостях и наслаждениях Артека... (5, с. 219)

В рассказе «Приставная лестница» эпитеты приобретают негативно-ироническую окраску. Оценки героини жестоки настолько, насколько тяжела и беспросветна ее жизнь:

... Красота ее была дальнего вида (5, с. 27).

... Это он вхолостую кричит (5, с. 28).

... Пойти... в Пименовскую церковь, обновленческую, партийную (5, с. 30).

Примиряющую интонацию в рассказ вносят слова автора:

... Медленный, крупными хлопьями выделанный снег (5, с. 30).

В рассказе «Том»:

... Снега было много, и он светился своим самородным светом... (5, с. 77).

Герои, не пользующиеся расположением автора, описываются с помощью отрицательно окрашенных эпитетов.

Филипп, герой рассказа «Финист Ясный Сокол»:

...Был он, несмотря на истошную синеву глубоко утопленных в глазницах глаз, волк волком (5, с. 90).

Значительно чаще в отношении автора к героям прослеживается легкая ирония.

В рассказе «Короткое замыкание»:

...молдаванка Анжела, пятый год проживающая в столице с незначительным мужем (5, с. 96). Этот эпитет повторяется в рассказе «Они жили долго...»

...Она плыла в сопровождении одной из двух своих незначительных дочерей (5, с. 165) и в рассказе «Писательская дочь»:

Три девочки – Саша, Маша, и их незначительная подружка Воробьева шли по тропинке... (5, с. 215). Затем эта Воробьева будет охарактеризована как

неписательская девочка-подружка, из мира публики (5, с. 215), а также незамысловатая девочка (5, с. 216). Эпитет *незначительный* будет применен и в рассказе «Писательская дочь»:

...Жил в ... незначительном городке с женой и дочками... (5, с. 235).

В рассказе «Установление отцовства» эпитет *страшная* неслучаен: героиня оказывается для героя действительно роковой женщиной:

А женат – на страшной красавице: высокая, грудастая, чуть-чуть до Софии Лорен не дотягивает... (5, с. 112).

Персонаж рассказа «Большая дама с маленькой собачкой» обладает недюжинным характером и потому

...актеры просто взвыли от ее пунктуальности, требовательности и высокомерной дистанционности (5, с. 190).

Мать героини рассказа «Писательская дочь» -

... писательница, лауреат Сталинской премии, с мышиными глазами, желчная, умная и страстная (5, с. 213).

О пьяном попутчике из электрички «Москва – Подрезково»:

Глаза его сверкали честным пугачевским блеском (5, с. 283).

Об искренних чувствах; о героях, наделенных талантом, либо добротой, либо любовью, на взгляд автора, добродетелью, Улицкая говорит языком особенно метафорическим, особенно богатым выражениями с редкой сочетаемостью и окрашенным в светлые оттенки:

Впрочем, о чем тут говорить: меломан – существо тончайшее (5, с. 105).

О детях в рассказе «Установление отцовства»:

И оба они – восточноглазый Алеша и Леночка – красавцы, неземной породы... (5, с. 118). Или в рассказе «Старший сын» о младшей дочери, любимице всей семьи:

Она была сверхплановая, совершенно подарочная девочка (5, с. 121).

В рассказе «Сын благородных родителей» о талантливом ребенке:

Рос Мишенька нормальным еврейским вундеркиндом (5, с. 139). О его увлечении астрономией:

Мише посчастливилось попасть в этот избранный круг небесных наблюдателей (5, с. 142).

Нарушение лексической сочетаемости как стилистический прием используется Улицкой и в олицетворении. Этот троп встречается гораздо реже, но и при его создании автор прибегает к необычной лексической сочетаемости.

Из-под детских рук выбивались звуки, складывались в наивную мелодию... (5, с. 19). За веселую сердечность (5, с. 36).

Кроме того, нарушение лексической сочетаемости может использоваться как средство создания комического эффекта, однако в рассмотренных произведениях автор использует такой прием чрезвычайно редко: *...Они в таких случаях покупали пива или водки и питейно общались. (5, с. 42).*

В рассказе «Так написано» ирония автора обращена к толпам туристов, суетливо и бездумно покоряющих очередную туристическую вершину - гору Синай:

«Народы фотографировались» (5, с. 313).

...Горюя о своей неспособности слиться с верующим человечеством (5, с. 314).

Необходимо отметить, что непривычная сочетаемость может использоваться Улицкой и вне тропов, и без цели создать комический эффект.

Женевьев, атеистка на французский интеллектуальный манер (5, с. 14).

Взволнованный Геннадий даже забыл узнать свой собственный подъезд (5, с. 51).

...Он был утренний человек, поднимался с рассветом, когда бы ни лег (5, с. 71).

...После окончания седьмого класса Гриня претерпел возмужание (5, с. 80).

Таким образом, отступление от норм лексической сочетаемости приводит к языковой игре, заключающейся в сознательном нарушении языковой нормы, в отступлении от стереотипов. Высокая частотность отступлений от привычной лексической сочетаемости в прозе Людмилы Улицкой дает основания говорить о том, что они являются стилеобразующими и участвуют в создании неповторимого, узнаваемого идиостиля писателя.

Список литературы

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. - М.: Айрис-Пресс. Рольф, 1999.
2. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. - М.: Лабиринт, 1997.
3. Гридина Т.А. Принципы языковой игры и ассоциативный контекст слова в художественном тексте // Семантика языковых единиц: Доклад на VI Международной конф. – М, 1998.
4. Костомаров Е.Г. Русский язык на газетной полосе. –М.: МУ, 1971.
5. Улицкая Л. Люди нашего царя. - М.: Эксмо, 2005.

И.В. Щурова

Прием нарушения лексической сочетаемости в «Легендах Невского проспекта» Михаила Веллера

Во второй половине XX века взоры ученых (лингвистов, психологов, антропологов, фольклористов, историков, социологов и др.) обратились к изучению формы, функций, социокультурного контекста такого явления, как языковая игра. Вводится в обиход понятие «языкового творчества» (Н.И. Жинкин, В.П. Григорьев и др.), часто толкуемого как соотношение языкового стереотипа и намеренного отклонения от него.

Большинство исследователей считают прием нарушения лексической сочетаемости одним из способов языковой игры. «Реализуясь именно в конфликте со стандартом, экспрессема легче всего образуется в результате нарушения общезыковой литературной нормы словоупотребления» (3, с. 160).

Законы лексической сочетаемости определяют совместимость слов, исходя из их лексического значения, а не грамматических характеристик. Например, выражение «молчащий цвет» нарушает правила сочетаемости для своих компонентов, т. к. значение слова «цвет» не позволяет ему сочетаться со словом, означающим «не издающий звуков» (несмотря даже на то, что в определенных

видах текстов допустима метафора «кричащий цвет»). Несовместимость этих слов обусловлена тем, что их лексические значения практически не пересекаются. Джус приводит в качестве примера предложение «Я никогда не слышал, как зеленая лошадь курит апельсины», которое, будучи правильным грамматически, содержит четыре ошибки на лексическую сочетаемость, т. е. четыре комбинации слов с несовместимым лексическим значением.

Недопустимые в обычной речи сочетания слов могут, однако, употребляться, когда из контекста ясна необычность самой описываемой ситуации (фантастика, описания чудес и т.п.). Все странности упомянутого предложения («зеленая лошадь», «слышать, как кто-то курит», «курящая лошадь», «курить апельсины») могут звучать вполне осмысленно в соответствующем контексте. Однако и в реалистическом произведении законы сочетаемости могут нарушаться, приобретая функции приема и этим способствуя формированию идиостиля автора.

Механизм нарушения лексической сочетаемости описан в терминах когнитивной лингвистики. При этом апелляция к лингвистической и экзистенциальной пресуппозициям читающего является апелляцией к статичным, декларативным знаниям, или фреймам, а апелляция к логической пресуппозиции, то есть подведение читающего к необходимости установления логических, причинных связей, - это апелляция к динамичным, процедурным знаниям, или скриптам (сценариям).

Апелляция к лингвистической пресуппозиции (лингвистическим фреймам) – это обращение пишущего к собственно языковым знаниям читающего - знаниям особенностей языковых единиц, их вовлеченности в парадигматические и синтагматические отношения, их стилистической принадлежности. Учет языковых знаний позволяет играть в языковую игру.

В частности, лингвистическим фреймом может быть знание норм лексической сочетаемости, тогда в качестве скрипта выступает сравнение нормы и узуса.

Дружили только самые безоглядные и храбрые, кроме специально выделенных для дружбы, разумеется (1, с. 11).

Фиму с его рожей никто дружить не уполномочивал (1, с. 11).

Одним из распространенных приемов языковой игры в языке художественной литературы и современных газет является создание перифразы-экспрессемы путем апелляции к лингвистическим фреймам - знанию стилистической принадлежности и коннотативной окраски слов, когда скриптом выступает осознание преднамеренного использования в тексте семантически, стилистически или коннотативно маркированного «семантически емкого компонента» в несвойственном ему окружении. По характеру маркированности этот компонент не является принадлежностью стиля и поэтому оценивается читающим как семантически, стилистически или коннотативно инородное включение в текст. В этом случае языковая игра заключается в использовании пишущим приема «стилевого контраста» (2, с. 145) с целью привлечения внимания читающего:

Англичанин был в атаке от такой старомодной порядочности(1, с. 44).

Родина- мать раскрыла объятия, и в каждой руке у нее было по нокауту (1, с. 128).

Приведенные примеры позволяют продемонстрировать не только решение задачи привлечения внимания читателя, но и выражение авторского отношения к предмету речи. Ср. примеры:

Подлинное проклятие по всей проформе (1, с. 46).

Начисто отучившее поголовье населения от общения с иностранцами (1, с. 68).

Гарсон выпучился и пискнул (1, с. 76).

Боевой офицерюга сухощавой британской выправки (1, с. 100).

Употребление слова в языке художественного текста, противоречащее его семантической, стилистической и коннотативной маркированности, отступление от норм лексической и синтаксической сочетаемости приводит к языковой игре, заключающейся в сознательном нарушении языковой нормы.

В качестве материала, текста, в котором применяется прием нарушения лексической сочетаемости, нами выбраны «Саги о героях», входящие в книгу

«Легенды Невского проспекта» Михаила Веллера. Этот выбор был обусловлен особенностями поэтики самого произведения, делающими указанный текст показательным в том аспекте, который заявлен в работе как предмет изучения. «Саги о героях» объединяют 8 рассказов, повествующих об известных и прославившихся в советские времена в Ленинграде личностях: о родоначальнике фарцовки Фиме Бляйшице, о девушке Марине, о спортсмене- боксере («Легенда о стажере»), о морском офицере («Легенда ”Океан“»), о знаменитом генерале («Легенда о Моше Даяне»), об отчаянном инженерере («Легенда о заблудшем патриоте»), об известном оружейнике (легенда «Оружейник Тарасюк»). Эти произведения объединяет не только место действия - Ленинград, знаменитый Невский проспект, не только время - советский период, начиная примерно с пятидесятых годов и заканчивая восьмидесятыми, но и язык – меткий, лаконичный и ироничный.

В проанализированных произведениях мы выявили 92 случая нарушения сочетаемости (87 употреблений), 5 случаев составили нарушения грамматической сочетаемости.

Прием нарушения лексической сочетаемости чаще всего применялся автором в эпитетах (31 употребление). Как правило, это полные прилагательные:

Фима...был избит с ошеломляющей скоростью и деревянной, неживой жесткой силой...(1, с. 9).

Девочка...слегка страдала от Фиминой национальности в неказистом воплощении (1, с. 31).

Поистине, российская действительность отрицательно сказывается на умственных способностях представителей даже трезвейших наций (1, с. 60).

Одна рука у него, значит, была опорная, а другая – питейно-курительная (1, с. 60).

Господи, да что понимал в побегах тот граф Монте, понимаете, Кристо в своей расхлябанной либерализмом Франции (1, с. 108).

И увидела сошка образину ужасную и труднообъяснимую (1, с. 113).

В произведениях писателя встречается использование и кратких форм прилагательных, которые, более категорично характеризуя предмет, вносят

дополнительные смысловые и эмоциональные окраски в текст и придают ему подчеркнута ироническую интонацию:

Да и мужчина филфаковский редко похож на мужчину: тощ, хил, очкаст, шандарахнут, либо же – будущий заграничный переводчик – прилизан, обтекаем и бескостен (91, с. 53).

Единичны случаи использования в качестве эпитетов наречий:

И обойти союзника как-то совершенно невозможно, неловко и дико недипломатично (1, с. 105).

Вождь народов и племен решил устроить евреям поголовно землю обетованную на Дальнем Востоке (1, с. 7).

Из исследований по логике известно, что при замене одного из элементов логической структуры возможны три основных варианта изменений: отношение между элементами структуры становится бессмысленным, перестает выполняться или выполняется. Высказывание *Его окружали несколько крепких молодых людей со значительными взглядами (1, с. 30)* при устранении прилагательных становится бессмысленным. Высказывание *где более ценится расплывчатая-общая культура (1, с. 53)* при устранении прилагательного остается осмысленным, но в его семантике происходят изменения. Это особенно очевидно, если сравнить приведенные примеры со следующими, где высказывание при устранении определения не меняет значения, а лишь сокращает часть информации, выраженную прилагательным, а основное отношение между элементами выполняется: *Анекдот этот, на филфаке рожденный, эдакое саморекламно-циничное удалство (1, с. 53). Пересчитывает свои тощие франки (1, с. 74). Мальчик проявил библейское упрямство (1, с. 85). Рожжа копченая оскалена (1, с. 104). Тема эта была неисчерпаемая, щекочущая крамольным злорадством (1, с. 108).*

Анализ определений с точки зрения их логической необходимости показал, что в большинстве случаев автор использует третью разновидность логической структуры: большинство эпитетов в «Сагах о героях» необязательны. Однако логическая необязательность обуславливает их художественную значимость и

необходимость. Сила тропа в данном случае прямо пропорциональна возможности без него обойтись и не диктуется прямой логической необходимостью.

Эпитетами сопровождаются в равной мере описания абстрактных явлений и описания персонажей. Характеризуя абстрактные понятия, автор использует, к примеру, эпитеты, *кровная часть, плотоядное понимание, процеженная информация*. Портреты героев создаются с использованием таких выражений, как *бело-голубая сущность, кремневый делега, труднообъяснимая образина...*

Идиостилю Веллера свойственна узнаваемость, создаваемая с помощью приема использования лексической несочетаемости. Эпитеты автора носят практически всегда окказиональный характер, Веллер не склонен часто прибегать к общеязыковым, обычным, стандартным, предусмотренным узусом сочетаниям.

То же можно сказать и о метафорах. В проанализированных произведениях нарушение сочетаемости в составе метафоры встречается реже (19 случаев):

...Его тонкий ястребиный носик налился сизой мякотью (1, с. 9).

...К седьмому классу она прониклась своим женским предназначением... (1, с. 36).

...Взмыл в предназначенную ему идеологическую стратосферу (1, с. 55).

Для стиля писателя равно свойственны как именные, так и глагольные метафоры:

...Англичанам, этим сынам гордой нации первопроходцев и завоевателей, авантюристам длинного фунта стерлингов, принявшим на себя первый удар сосновоборского местного колорита (1, с. 42).

Он впал в экстаз умиления (1, с. 45).

Профессиональное немецкое заболевание – гипертрофия здравого смысла (1, с. 151).

Таращил голубые глаза, в которых уже мерцала водка (1, с. 59).

Посетитель остекленел и собрался с духом (1, с. 115).

Сюжет свинчен истинным драматургом (1, с. 97).

Именные метафоры в сагах чаще всего характеризуют отвлеченные явления (*мелкость замыслов*), глагольные – действия человека (*подносит свои комплименты*).

Наиболее очевидно отступление от привычной сочетаемости в оксюморонах, когда несочетаемость усилена алогизмом. В «Сагах а героях» оксюмороны поддерживают ироническую интонацию автора. Интересно, что в проанализированном цикле к этому приему Михаил Веллер прибегает только в рассказе «Марина», повествующем о закрученной в умопомрачительный сюжет жизни проститутки Марины.

Со злым весельем Карла содержал нормальный публичный дом (1, с. 39).

предалась она прежнему ремеслу (1, с. 51).

Утром Марина ездила на занятия, балдея от своего статуса и своей учености – студента университета!!! – а вечером балдела от красивой возвышенной бедности студенческого общежития...(1, с. 53).

Я его не трогала! – шепотом закричала Марина (1, с. 62).

Столь же немногочисленны случаи употребления олицетворений, в которых наблюдается отклонение от привычной сочетаемости. И в каждом из них очевидна насмешка автора.

Яркий неуместный свет вытаращился на великое таинство любви (1, с. 55).

Запыхало все весело и могуче (1, с. 61).

И больше его седые стены Сорбонны... в течение всего полугода не видят (1, с. 80).

Известно, что одним из приемов, более свойственных публицистике, чем художественной прозе, является антиперсонификация, посредством которой создается иронический контекст. Человек в нем лишается свойственного людям и приобретает черты неодушевленных предметов или животных. И отход от узуальной лексической сочетаемости в таких случаях подчеркивает правдивую беспощадность описаний.

В «Легенде о стажере» Веллер рассуждает о совместимости, точнее, о несовместимости понятий «советский человек» и «иностранные языки»:

Что прекрасно характеризует работу КГБ, начисто отучившего поголовье населения от общения с иностранцами (1, с. 68).

Аналогичный прием использует автор и в саге «Оружейник Тарасюк», живописуя выходки властей Ленинграда, «когда хозяин Ленинграда и секретарь обкома товарищ Романов выдавал замуж свою дочь»:

Биологическая селекция членов политбюро была окутана большей тайной чем создание философского камня (1, с. 130).

В саге «Марина» арабский шейх, цель и смысл Марининой «охоты», характеризуется в полном соответствии с незатейливой мечтой:

Шейх был девяносто шестой пробы и выглядел как родной брат Ясира Арафата (1, с. 64).

Ирония автора вложена в сравнение, выраженное формой творительного падежа:

Трясся Шонька мелким студнем (1, с. 56).

Единичны перифразы, в основе которых – также лексическая несочетаемость:

А не кури при синтетическом ковре престижную гаванскую регалию, не по чину (1, с. 61).

Нарушение лексической сочетаемости наблюдается и в тех случаях, когда Веллер использует фразеологизмы. В рассказе «Легенда о Моше Даяне» автор изменяет форму и количество компонентов и активизирует буквальное значение фразеологизма, повествуя о генерале, который в битвах потерял один глаз:

Даян рвался все увидеть собственным глазом и видел регулярную фигу (1, с. 101).

В саге «Марина» тоже изменена форма фразеологизма:

Гашишники останавливали ее пожрать глазами (1, с. 66).

К аналогичному стилистическому эффекту приводит и изменение компонентного состава фразеологического оборота из рассказа «Легенда о заблудшем патриоте». Работник советского посольства в Хельсинки сначала обозначается как *мелкая посольская сошка*:

Дверь открыла какая-то мелкая посольская сошка, прекрасно, разумеется, одетая, с дипломатическим лицом... (1, с. 113).

Ниже:

Посольская сошка клацнула челюстью и растерянно спросила... (1, с. 113).

Далее по тексту:

Мелкий сошка подумал о провокациях белогвардейцев и эмигрантов (1, с.113).

И наконец:

Сошка подпрыгнул, приосанился, оскалил любезную улыбку и проперхал... (1, с. 113).

В таких повторах становится очевидным стремление автора посмеяться над посольским сотрудником, до смерти боящимся всяческих неудобных ситуаций и перспектив потерять свою должность.

В ряде случаев в «Сагах о героях» мы наблюдали отклонения от привычной сочетаемости, которые невозможно отнести к переносным употреблениям, но которые, однако, воспринимаются как узуально не принятые:

У шейха произошло легкое расходящееся косоглазие (1, с. 65).

МИД Франции запрашивает именную просьбу в советское консульство в Париже (1, с. 81).

Чтобы посетитель не произвел рукопожатие – от греха подальше (1, с.113).

Надо отметить, что ироничный стиль автора создается не только средствами отклонений от лексической сочетаемости: в ряде случаев автор в узком контексте совмещает разностильные элементы:

Дали оружие и власть дитю забитого народа (1, с. 100).

Все прогрессивное человечество, трусливо и шкурнически отсиживающееся по теплым домам (1, с. 101).

Яркий неуместный свет вытаращился на великое таинство любви (1, с. 55).

Не то намеревался сдать в своем шейхстве бархан под нашу военную базу (1, с.64).

Стилевой контраст, однако, тоже не исчерпывает всех средств, которые применяет автор. В ряде случаев он использует прием отклонения от грамматической сочетаемости:

...И ушлые начальницы паспортных столов уже намечали нужным людям будущие освободиться квартиры (1, с. 7).

...Ты маленький, черненький, очкастенький и картавишь: и паспорт не нужно показывать, чтоб нарваться по морде (1, с. 8).

Не то ныне, когда мы поворачиваемся к свободному миру лицом, пытаюсь одновременно прикрыть чем-нибудь противоположную часть тела, и огорчаясь испугу при этом Запада (1, с. 43).

В сочетании с разговорной и просторечной лексикой нарушения грамматической сочетаемости создают непринужденную разговорную интонацию рассказов.

Таким образом, в «Легендах Невского проспекта» выход за границы грамматической, стилистической и лексической сочетаемости позволяет автору добиться желаемого стилистического эффекта, и это становится несомненным достоинством произведений Михаила Веллера. Совершенно лишенная шаблонных ходов и оборотов проза писателя являет собой пример проявления яркого идиостиля, узнаваемого и воспринимаемого как эстетическое явление.

Список литературы

1. Веллер М. Легенды Невского проспекта. – СПб.: Фолио, 2002.
2. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. - М.: Лабиринт, 1997.
3. Костомаров Е.Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: МУ, 1971.

Содержание

Владими́рова О.В. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В РОМАНЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬБЕВ».....	3
Гаева Е.В. К ВОПРОСУ О КОРРЕКТНОСТИ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ.....	7
Иванова Е.Е. НОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКЕ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	17
Иванова Е.Е. СЛЕНГ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ.....	31
Кувалина С.С. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А.ПРОХАНОВА.....	36
Пелихов Д.А. РАЗВИТИЕ КОРНЕВОГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА –ЛЁК- В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ.....	39
Ротанова Н.М. КОНЦЕПТ «КРАСНЫЙ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИВАНА БУНИНА.....	47
Ротанова Н.М. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛЯЦИИ В АГИТАЦИОННЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ).....	64
Сысуева Р.П. РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА 1834 ГОДА НА КУПЦОВ ГОРОДА КУРГАНА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК.....	75
Сысуева Р.П. РЕВИЖСКАЯ СКАСКА 1816 ГОДА ИЮЛЯ 31 ДНЯ ТОБОЛСКОЙ ГУБЕРНИИ ГОРОДА КУРГАНА.....	80
Уланов А.В. ОБ ОДНОМ СПОСОБЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ XVIII ВЕКА.....	142
Черницына С.А. РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА ЖИТЕЛЕЙ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	147
Черницына С.А., Щербинина А.В. ДИАЛЕКТНЫЕ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАРГАПОЛЬСКОГО РАЙОНА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	155
Шушарина И.А., Кузьмина М. РЕАЛИЗАЦИЯ ЭТНОИСТОРИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ» В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ.....	160
Шушарина И.А., Шушарин М.А. ЦЕРКОВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ XVIII ВЕКА КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК.....	168
Щурова И.В. НАРУШЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ.....	178
Щурова И.В. ПРИЕМ НАРУШЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ В «ЛЕГЕНДАХ НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА» МИХАИЛА ВЕЛЛЕРА.....	187

Научное издание

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ**

Сборник научных работ

Выпуск 2

Редактор: Н.Л. Попова

Подписано к печати	Формат	Бумага тип. № 1
Печать трафаретная	Усл. печ. л.	Уч. – изд. л.
Заказ	Тираж 100	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г.Курган, Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.